

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ОДЕССКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ, И. Б. КЛЕЙМАН

ДРЕВНИЙ ГОРОД ТИРА

Историко-археологический очерк

КИЕВ
НАУКОВА ДУМКА
1985

В монографии на основании археологических и письменных источников восстанавливаются история Тира, социальный строй и культура города, его место среди других античных городов и роль в жизни племен Северо-Западного Причерноморья на протяжении тысячелетия (с основания Тира в VI в. до н. э. до ее гибели в IV в. н. э.).

Для историков, археологов.

Ответственный редактор *С. Д. Крыжицкий*

Рецензенты *Г. А. Кошеленко, Н. П. Сорокина*

Редакция литературы
по социальным проблемам
зарубежных стран,
археологии и документалистики

К 0507004000-272 58-85
М221 (04)-85

© Издательство «Наукова думка», 1985

ВВЕДЕНИЕ

До недавнего времени античная Тира была одним из наименее изученных центров Северного и Западного Причерноморья. Античный город был невелик. В настоящее время большая часть его остатков либо разрушена и перекрыта монументальными крепостными сооружениями средневекового Белгорода (Аккермана), либо находится на дне лимана. Систематические раскопки города начались только после Великой Отечественной войны.

В греко-римских литературно-исторических памятниках Тира упоминается главным образом как географический объект, связанный с одноименной рекой. Это, естественно, повышает ценность тирасских эпиграфических документов. Однако число надписей невелико и увеличивается сравнительно медленно, притом в основном за счет незначительных фрагментов. Наконец, за монетами Тире прочно установилась репутация нумизматических редкостей. Все это создает существенные трудности при изучении древней Тире.

Между тем судьба античного города, расположенного в центре плодородного края, неподалеку от устья полноводной реки, и к тому же в регионе, где сначала соприкасались племена Скифии и Фракии, а впоследствии проходила граница между рабовладельческим Римом и миром варварских народов, непрерывно сменявших друг друга на подступах к Нижнему Дунаю, представляет немалый исторический интерес.

В результате раскопок, охватывающих в настоящее время значительную площадь, открыты и изучены жилые и хозяйственные комплексы эллинистического и римского времени, накоплены разнообразный вещевой материал, новые надписи и неизданные варианты монет; интенсивно ведется исследование оборонительной системы; открыто место расположения римского гарнизона. Убедительно доказано, что Тира пережила эпоху наиболее грозных столкновений Рима с варварами и продолжала существовать и в IV в. н. э. В настоящее время разработана стратиграфия Тире, уточнены границы города и намечены этапы его роста, ведется работа в области изучения надписей и монет.

Предлагаемая вниманию читателей книга задумана и выполнена как историко-археологический очерк, построенный на всей совокупности имеющихся источников. Такой очерк не раскрывает всех сложных этносоциальных процессов, происходивших в регионе в течение девяти или десяти столетий; не включает он и сколько-нибудь систематического обзора событий в других античных центрах региона. Однако отмеченные процессы и основные события в жизни ближайших городов — Ольвии и Истрии — нельзя полностью игнорировать, так как отрывочные и неполные сведения о судьбе Тире требуют постоянного изучения явлений и процессов, определивших путь развития всего Северо-

Западного Причерноморья в античную эпоху.

Местоположение античной Тирь твердо установлено археологическими раскопками и не вызывает сомнений. Название города совпадает с древним именем р. Днестра и античная традиция прямо связывает их. Такое совпадение отражает одну из существенных особенностей причерноморской топонимики. Античные авторы употребляют греческие названия ΤΥΡΑΣ — ΤΥΡΑ и латинские Tugas — Tuga, не делая различия между ними *, но в настоящей книге город всегда называется Тирой, а река — Тирасом.

Отметим, что нами принята позиционная система научного аппарата: использованные работы цитируются в тексте под номерами, соответствующими прилагаемому списку (в случае необходимости ссылки уточнены указанием страниц или иллюстраций). Произведения античных писателей документируются ссылками традиционного типа («книга», «глава», «параграф»). Текст Геродота приводится по последнему критическому и снабженному комментариями изданию [103], а прочие античные авторы — по известному сборнику В. В. Латышева [26] или по аналогичным изданиям Академии наук

* Исходя из традиционного представления об ираноязычности скифов само название Tugas, Tuga (Tugēs Геродота) понимают как описательный эпитет реки: «tūga» — «быстрая», «стремительная», от корня «tug» — «tug» — «вертеть», «вращать», «кружить» [27, с. 185; 389, с. 529—530]. Это определение хорошо согласуется с характером течения Днестра, описанным римскими поэтами Овидием и Валерием Флакком,

Социалистической Республики Румынии [20; 21].

Надписи, происходящие из центров Северо-Западного Причерноморья или имеющие отношение к истории региона, цитируются по соответствующим сборникам и публикациям: для изданий типа корпуса даются номера, а для публикаций в научной периодике — страницы и номера. Под номерами приводятся и ссылки на описания тирасских монет в корпусе А. Н. Зографа [121]. Нумерация строительных остатков соответствует принятой при первой их публикации (и отраженной в полевой документации), а описания кладок даны в соответствии с терминологией, разработанной С. Д. Крыжицким [185]. Наконец, перекрестные ссылки на настоящую книгу приводятся в тексте в скобках (указываются параграф и раздел).

Настоящий очерк не отличается, к сожалению, той полнотой, которая сделала бы возможным равномерное освещение всех затрагиваемых проблем. Древнейший период истории города включает еще немало нерешенных вопросов. Серьезные трудности встречаются и при попытке конкретного изучения особенностей социально-экономической истории Тирь или получения четких данных об этническом составе и о количестве ее населения на протяжении всего почти тысячелетнего периода существования города.

Предлагаемый читателю очерк по истории Тирь представляет первый шаг по пути комплексного изучения истории города на фоне имеющихся сведений о синхронных явлениях в Северо-Западном Причерноморье.

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТИРЫ

§ 1. Тира и Нижнее Поднепровье в античной литературно- исторической традиции

1. Древнейшие известия о Северо-Западном Причерноморье. Территория, простирающаяся к северу от устьев Дуная и дальше на восток вдоль Черноморского побережья, стала известна в эллинском мире еще в эпоху колонизации. Не исключено, что «Белый остров Ахилла» (Фидониси или Змеинный), первоначально представлявший тем островом Блаженных, где обитают души героев, попал в поле зрения эллинских мореходов уже в конце VIII в. до н. э. [294, с. 6—12], а столетием позже близ устьев Дуная и Днепра возникли греческие поселения. С этого времени Северо-Западное Причерноморье прочно входит в античную ойкумену.

Несмотря на раннее знакомство греков с морским побережьем между устьем Истра (Дуная) и Днепровским лиманом, первая дошедшая до нас характеристика всего прилегающего региона принадлежит Геродоту и относится к середине или началу второй половины V в. до н. э. Главной достопримечательностью всего этого края Геродот считал реки, протекающие по плодородной, изобилующей травами равнине [IV, 47, 2; 58; 82]. Из них он называет к северо-востоку от Истра прежде всего реку Тирас (Днестр) [IV, 51], затем Гипанис (Южный Буг) [IV, 52, 1] и Борисфен (Днепр) [IV, 53, 1—5]. Помпоний Мела и Плиний Старший, римские писа-

тели I в. н. э., которые весьма широко пользовались не только трудами своих ближайших предшественников, но и трудами Геродота и даже его старших современников [456, т. 3, с. 46—48; 493, с. 24—25, 41, 43—44, 52; 276, с. 83—89; 108, с. 169, 175—176, 181], помещают между Тирасом и Гипанисом еще реку Асиак (или Аксиак), в которой обычно узнают Тилигул (Mela, II, 1, 7; Plin., IV, 82).

Геродот считал Истр границей, отделяющей скифов от фракийцев, а страну к северо-востоку от устьев этой реки он называл «древней» (или «исконной») Скифией [IV, 48, 1; 49, 3; 99, 1—2]. Население, занимавшее эту территорию, описано у него так (рис. 1): к западу от гавани (или «торжища») борисфенитов (так Геродот называет город Ольвию) по реке Гипанису он помещает племя каллипицов, за которыми — в том месте, где Тирас и Гипанис сближают свои течения, — обитают ализоны; владения ализонов граничат — там, где Гипанис принимает горький источник Эксампай (Мертвовод или, возможно, Черный Ташлык) [103, с. 280—281, прим. 356], — со страной скифов-пахарей, за которыми лежит земля невров [IV, 17, 1—2; 52, 1—4]. Границей между неврами и скифами является озеро, из которого берет свое начало Тирас [IV, 51]. Эта древнейшая диатеса племен Северо-Западного Причерноморья дополняется Мелой [II, 1, 7], согласно которому Асиак образует границу между асиаками и каллипидами; в свою очередь асиаков отделяет от

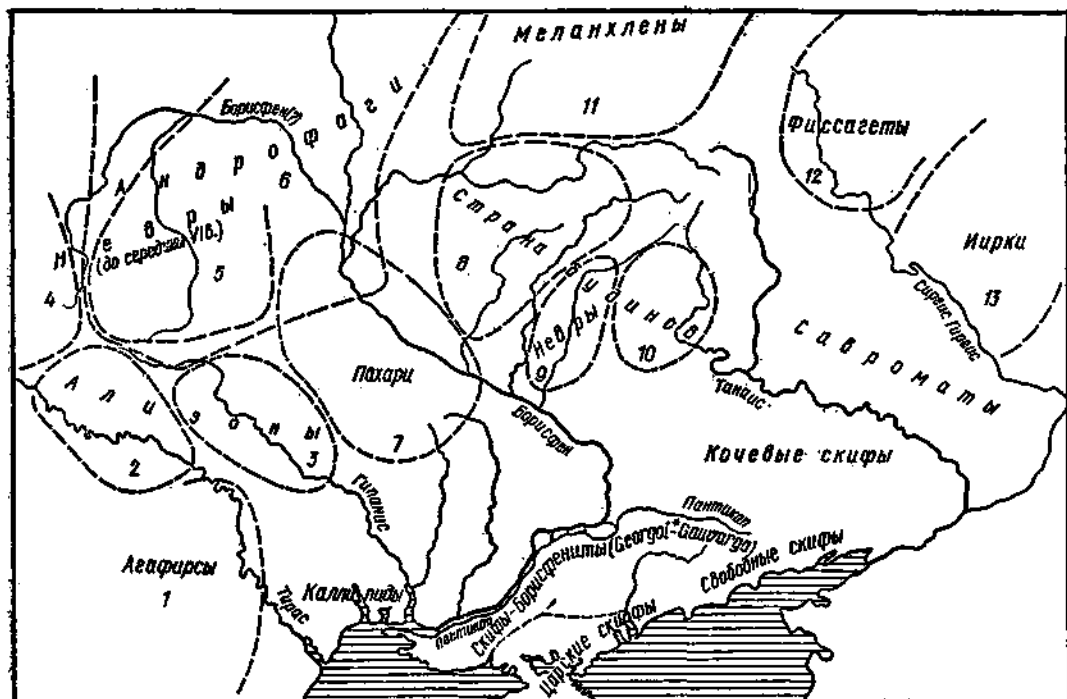

Рис. 1. Народы и реки Геродотовой Скифии. По Б. А. Рыбакову [256] и В. П. Яйленко [341]. Районы распространения археологических культур:

1 — молдавская группа скифской культуры; 2 — западноподольская группа; 3 — восточноподольская группа; 4 — поздневысоцкая культура; 5 — волынская группа скифской культуры; 6 — милограпская культура; 7 — киевская группа скифской культуры; 8 — посульская группа; 9 — поворысльская группа; 10 — северско-донецкая группа; 11 — южновеская культура; 12 — культура воронежских курганов; 13 — среднечерноморская культура.

истрийцев (ab Histricis) река Тирас. Быт, нравы и обычаи племен Северо-Западного Причерноморья охарактеризованы Геродотом крайне отрывочно и односторонне. Каллипиды [IV, 17, 1] являются «эллинско-скифами», то есть уже в V в. до н. э. они в значительной степени были эллинизированы [103, с. 224—226, прим. 200]. Каллипиды, как и ализоны, по своим занятиям «подобны скифам» [IV, 17, 1], «но сеют и едят хлеб, а также лук, чеснок, чечевицу и просо» [103, с. 226—227, прим. 201]. О скифах-пахарях здесь же добавлено [IV, 53, 4], что они сеют хлеб «на продажу» [103, с. 228—235, прим. 206, 210].

Кроме перечисленных народов, Геродот среди обитателей Северо-Западного Причерноморья называет также

греческих поселенцев. «Живущие около Понта эллины» [IV, 8, 1] представлены прежде всего «эллинами, живущими у реки Гипанис», которые называют себя ольвиополитами [IV, 18, 1] или милетянами [IV, 78, 3] и заселяют город [IV, 78, 3; 79, 2] или «торжище» [IV, 17, 1] борисфенитов; сами они называются и борисфенитами [IV, 78, 3; 79, 2, 4, 5], хотя прилагают это «речное» наименование также к скифам-земледельцам, обитающим на левом берегу реки Борисфена севернее расположенной близ ее устья Гилеи [103, с. 235—236, прим. 211]. «Эллины, которые называются тиритами», живут, согласно Геродоту, и возле устья реки Тираса [IV, 51].

Из этого беглого упоминания трудно понять, идет ли речь о населении кон-

кретного города или просто о жителях нескольких мелких сельских поселений, существование которых в Нижнем Поднестровье во времена Геродота засвидетельствовано археологическими данными. Первому из приведенных предположений противоречит то обстоятельство, что греческие надписи называют совокупность тирасских граждан ΤΥΡΑΝΟΙ, а латинские именуют их Тугані, и эту же форму этника неизменно воспроизводят монетные легенды. Форма ΤΥΡΙΤΑΙ встречается, кроме Геродота, только у позднего лексикографа Стефана из Византии, производящего ее от термина ΤΥΡΙΣ. Однако населенный пункт с таким названием неизвестен. Греческие лексикографы — Геродиан и Гесихий — приводят его в качестве редкого варианта названия реки Тирас. Но если тириты Геродота имеют в основе своего наименования гидроним, то это название имеет не государственно-правовое, а топографическое содержание и может скорее относиться к обитателям разбросанных сельских поселений, чем к сплоченному коллективу граждан [103, с. 278, прим. 349].

То, что Геродот умалчивает о существовании города Тиры, не является основанием для вывода о том, что его в это время вообще не было: располагавшие весьма древними географическими сведениями Мела [II, 1, 7] и Плиний [IV, 82], напротив, называют Тиру, причем Плиний добавляет, что упоминаемый им город назывался ранее Офиуссой. Нам представляется существенным, что поэт Валерий Флакк, живший в I в. н. э. и располагавший не только современными ему, но и весьма древними — и при том близкими источникам Плиния — материалами [456, т. 3, с. 75—80; 493, с. 54—56], упоминает «желтый Тирас, прерываемый в его течения морем» [IV, 716], но сам город называет Офиуссой [VI, 84—85].

2. Северо-Западное Причерноморье в периплах эллинистического времени.

Накопление географических знаний отразилось в последующие столетия в описаниях морских побережий — периплах.

В одном из таких произведений, составленном в Афинах в предпоследней четверти IV в. до н. э., но приписанном впоследствии Скилаку из Карианды, жившему двумя столетиями раньше [493, с. 25—27; 108, с. 68—73; 277, с. 26—31], содержится краткое описание Нижнего Поднестровья. Автор писал (§ 67), что Фракия простирается «от реки Стримона до реки Истра». Им перечислены греческие города на фракийском побережье, сообщается, сколько времени необходимо кораблю для преодоления этого пути, а также отмечено, что за Фракией живут скифы, в земле которых находятся река Тирас и «эллинские города» Никоний и Офиусса (§ 68). Ни Ольвии, ни Днепра перипл не называет, а прямо переходит к описанию Крыма.

Нельзя не подчеркнуть, что списки городов Фракии и Скифии вопреки логике включают и названия рек. В первом списке после Аполлонии, Месембрии, Каллатии и Одесса следует ΚΑΙ ΠΟΤΑΜΟΣ ΙΣΤΡΟΣ; второй список начинается словами ΤΥΡΙΣ ΠΟΤΑΜΟΣ, а затем названы ΝΙΚΩΝΙΟΝ ΠΟΛΙΣ, ΟΦΙΟΥΣΣΑ ΠΟΛΙΣ. Если добавить, что текст перипла дошел до нас в единственной рукописи, и при том не очень исправной, а города Тира и Истрия, как неопровержимо доказывают их монеты, существовали во время составления этого перипла, становятся понятными догадки о том, что неожиданно появляющиеся среди населенных пунктов Фракии и Скифии названия рек Истра и Тираса были в первоначальной редакции перипла названиями одноименных городов. Предполагалось, что первоначальные глоссы были включены в текст намного позже [362, с. 20—21]. Однако такие исправления очень сомнительны. В самом деле, соглашаясь с ними, мы приходим к выводу, что перипл отметил существование в Нижнем

Поднестровье трех населенных пунктов — Тирь, Никония и Офиуссы. Между тем восходящие, как можно думать, к ранней традиции сообщения римских авторов опровергают такое предположение: Мела знает только Тирь, Валерий Флакк — только Офиуссу, а Плиний отмечает, что на месте Тирь, «как говорят», находилась Офиусса. Равным образом и в перипле пс. Скилака называется лишь первоначальное имя города, расположенного у реки Тирас, то есть Офиусса.

Река Тирас и город Тира были известны географам эллинистической эпохи, произведения которых, к сожалению, известны лишь благодаря цитатам, сохранным Страбоном, Плинием и другими авторами римского времени. Сохранились, впрочем, сведения о труде каллатийского гражданина Деметрия (конец III в. до н. э.), послужившем наряду с утерянной впоследствии «Историей» Эфора (IV в. до н. э.) источником составленного в последней трети II в. до н. э. шестистопным ямбом «Землеописания». Оно ошибочно приписывалось Скимну, уроженцу Хиоса [493, с. 27—29, 32, 36—37; 394, с. 165; 277, с. 31—38]. Характеризуя западное побережье Черного моря, автор прямо ссылается на Деметрия [v. 718—721] и повторяет эту ссылку при описании устьев Истра и Ахиллова острова [v. 785—796]. Упоминая в не совсем ясном контексте о фракийцах и бастарнах, составитель отмечает, что за ними протекает река Тирас. Она «оставляет купцам рыбу для торговли и безопасное плавание для грузовых кораблей» [v. 799—801]. Лежащий на реке и носящий ее имя город, — добавляет перипл, — был основан милетянами [v. 802—803].

Эллинистические периплы содержали и некоторые другие сведения о Северо-Западном Причерноморье. Так, автор приписывавшейся Арриану поздней анонимной компиляции называет, ссылаясь на «географа Артемидора» (писавшего в конце II в. до н. э.), расстояние от реки Тираса до населенного пункта

Кремниси (§ 89). Название этого поселения приводит также Плиний [IV, 82], неоднократно упоминающий труд Артемидора среди использованных им источников. Что касается упомянутой поздней компиляции, то она составлена в VI в. н. э. путем объединения отрывков из написанного в 134 г. н. э. перипла Флавия Арриана с цитатами из упомянутых периплов пс. Скилака, пс. Скимна и др. [493, с. 63—66; 394, с. 102—117; 278].

Нам представляется особенно важным, что при описании побережья между Днепром и Дунаем наряду с Аррианом и пс. Скимном использованы и другие источники, а именно: перипл Артемидора и еще один утраченный перипл, составленный не позднее III, а может и IV в. до н. э. [493, с. 64—66]. Таким образом, сравнительно широкая осведомленность пс. Арриана о Северо-Западном Причерноморье отражает не обстановку времени составления этого компилятивного памятника (то есть VI в. н. э.), а обстановку IV—III вв. до н. э. Отметим, что в римское время в этой части Черноморского побережья не было такого количества сравнительно больших поселений, как в архаическое, а затем в эллинистическое время. В соответствии с этим перипл пс. Арриана, следуя древнему источнику, называет на пути к западу от Ольвии и устья Днепра сначала «маленький, пустынный и безымянный остров», затем поселения Одесс, Скопелы, гавани исмаков и истриан, Никоний, реку Тирас (§ 87), а за нею Неоптолемово (поселение), Кремниси, Антифилово (поселение) и, наконец, устье Истра (§ 89).

В приведенном списке привлекает прежде всего внимание Одесс, в котором нельзя не узнать «гавань Ордес» Плиния, а затем Кремниси, также известный Плинию. С другой стороны, поскольку в перипле не содержится названия города Тирь, но определено расстояние сначала «от местечка Никония до судоходной реки Тираса» (§ 87), а затем «от реки Тираса до Неоп-

толемовых» (§ 89), мы вправе предположить, что и в источнике пс. Арриана назывались либо река Тирас, либо (чего нельзя проверить, так как между рассматриваемыми фрагментами вставлен отрывок из пс. Скимна, упоминающий одноименный город) река и город (Тира или Офиусса?).

Учитывая отдельные совпадения между периплом пс. Арриана и данными Плиния, мы не можем игнорировать свидетельства перипла, автором которого считается Флавий Арриан, известный историк II в. н. э. [493, с. 58—63; 492; 505]. В § 31—32 перипла за необитаемым и безмянным островом в устье Борисфена автор помещает Одесс, гавани истриан и исиаков, но местности, лежащие западнее, до Дуная включительно, охарактеризованы им как пустынные и безмянные (ΕΡΗΜΑ ΚΑΙ ΑΝΩΝΥΜΑ). Не сомневаясь, что мелкие поселения, названные Плинием и пс. Аррианом на основании древних источников, могли не существовать во времена Арриана, современника Адриана и Антонина Пия, нельзя согласиться с тем, что и Тира, чеканившая при этих императорах монету, отнесена в официальном и адресованном императору документе к числу пустынных и безмянных местностей. Точно также отнесение Феодосии к числу заброшенных городов (§ 30) плохо вяжется с тем, что один из высших сановников Боспора носил в римское время титул Ο ΕΠΙ ΤΗΣ ΘΕΟΔΟΣΙΑΣ [416, с. 204, 372; 192, с. 125].

Далее, согласно Арриану (§ 30), ряд населенных пунктов в Крыму характеризуется как перешедшие в руки скифов или тавров, либо как пришедшие в упадок, что маловероятно. В это время боспорский царь Котий, упомянутый в перипле (§ 26), не только владел городами на Таврическом полуострове, но и получил от римлян власть над Херсонесом [416, с. 350; 192, с. 114]. Сказанное дает основание предполагать, что в интересующей нас части перипла составитель пользовался источником того

времени, когда северопонтийское эллиство переживало острый кризис и испытывало возрастающий натиск местных племен. Иначе говоря, приходится согласиться, что в этом случае данные перипла относятся к позднеэллинистическому, а не римскому времени [493, с. 62, прим. 1].

3. Северо-Западное Причерноморье в географических трудах римского времени. В III—II вв. до н. э. происходит изменение в расселении северопричерноморских племен. Главным источником для изучения этих изменений является географический труд Страбона, написанный на рубеже 20-х годов I в. н. э. По мнению ученых, он составлен на основании утраченных сочинений Эфора (IV в. до н. э.), Эратосфена (III в. до н. э.), Артемидора из Эфеса (конец II в. до н. э.) и Посидония из Апамен (умершего в середине I в. до н. э.). Можно предположить, что Артемидор, в свою очередь, при описании Северо-Западного Причерноморья пользовался не только теми же трудами Эфора и Эратосфена, но и охарактеризованным выше сочинением Деметрия из Каллатии [251; 493, с. 27—40, 41—42; 348, с. 101—104, 396—400].

Страбон не называет уже к северу от Дуная реальных скифских племен, а существование геродотовых каллипидов и ализонов вызывает у него сомнения [XII, 3, 31]. На обоих берегах Дуная Страбон помещает к востоку от германцев племена гетов, а к северо-востоку от них — тирагетов и бастарнов [II, 5, 12; VII, 1, 1; 3, 1], оговаривая при этом [II, 1, 41], что все перечисленные народности не были известны Эратосфену, жившему в III в. до н. э. За тирагетами и бастарнами Страбон помещает сарматов, которые живут «до реки Танаиса и Меотийского озера» [II, 5, 30]. Среди последних он различает язигов и роксоланов [VII, 2, 4], границей между которыми является Днепр. Таким образом роксоланы оказываются «самыми крайними из всех народов скифского происхождения» [II,

5, 7]. Эта диатеза особенно подробно изложена при перечислении народов, обитавших непосредственно возле морского побережья между Дунаем и Днепром. Автором последовательно размещены: «пустыня гетов», тирагеты, язиги-сарматы, так называемые парские (сарматы) и урги; при этом отмечено, что «внутри материка» в соседстве с тирагетами живут бастарны, которые делаются на три племени (атмоны, сидоны и певкины), а на северо-востоке — роксоланы [VII, 3, 17]. Что касается собственно скифов, то Страбон, следуя известным ему источникам, помещает их в двух географически разобщенных районах — в степной части Крыма и к югу от дельты Дуная [VII, 4, 5; VII, 5, 12].

Несмотря на то что в начале своего труда Страбон особо оговаривает, что «страна по ту сторону Истра до реки Тираса» стала известна его современникам благодаря расширению римского владычества [I, 2, 1], созданная им картина расселения племен интересующего нас региона основана на литературных свидетельствах и соответствует более раннему времени [251, с. 366, 369, 370, 374, 376; 108, с. 159—164]. Существенно, что описание Северо-Западного Причерноморья дано Страбоном сравнительно подробно. Упомянув, что между Истром и Тирасом лежит «гетская пустыня, ровное и безводное пространство» [VII, 3, 14], Страбон описывает устья Истра и образованные ими острова по мере продвижения путешественника «вдоль берега по направлению к Тирасу». Перечислив населенные пункты, расположенные вблизи устья и по берегам Днестра, Страбон упоминает остров Ахилла и сразу же называет реку Борисфен и островок, лежащий перед ее устьем. На этой реке автор помещает одноименный город, причем пишет, что он основан милетянами и называется также Ольвией.

Гипанис, на берегу которого, как известно, находилась Ольвия, назван весьма неопределенно где-то неподалеку; на всем побережье от Днестра до Днепра

не названо ни одного населенного пункта [VII, 3, 17]. Далее следует экскурс о суровости скифских зим с отступлениями по поводу побед Неоптолема, полководца Митридата Евпатора, а также замечание о скифском царе Атее [VII, 3, 18]. После столь значительного отклонения от описания побережья Страбон вторично упоминает остров, лежащий против устья Борисфена, затем описывает Ахиллов бег и открывающийся за его восточной оконечностью обширный Каркинитский залив [VII, 3, 19].

Прежде чем перейти к рассмотрению сообщений Страбона о Нижнем Поднестровье, отметим, что в приведенном выше отрывке отчетливо прослеживается соединение нескольких различных по своему характеру источников [348, с. 101—108; 251; 459]. Во всяком случае описание морского побережья, устьев рек и приморских населенных пунктов резко отличается от всего остального. Характерным признаком перипла является наличие ряда обозначенных стадиями расстояний. К периплу относятся и точное перечисление устьев Дуная (их, по Страбону, семь, а не пять, как считал цитируемый им Эфор), и указание на острова между устьями, и сведения о величине последних, и сообщение о том, что один из двух лиманов, расположенных вдоль побережья между Дунаем и Днестром, имеет выход к морю и может служить гаванью, а другой — лишен выхода. К периплу следует, скорее всего, относить и названия четырех населенных пунктов близ устьев Днестра, а также свидетельство о том, что остров, лежащий перед устьем Днестра, имеет гавань, а город Борисфен, он же Ольвия, представляет собою большой порт. Вполне в стиле периплов и вкрапление в сухие, но необходимые для мореплавателей сообщения кратких исторических справок о месте переправы Дария через Дунай, об основании Ольвии милетянами. К периплу следует, вероятно, относить и сообщение о том, что Ахиллов бег — песчаная

отмель, где вода добывается из колодезев, а в конце мыса имеется обращенная к матерiku пристань.

Из приведенного обзора видно, что независимо от того, имеются ли основания приписывать перипл какому-либо одному автору, следует признать этот перипл, в силу однородности и всего характера сообщений, самостоятельным произведением, откуда Страбон брал сведения при описании Северо-Западного Причерноморья [251, с. 366; 493, с. 34, 37]. Так как можно считать доказанным, что именно этим произведением Страбон пользовался и при описании Кавказского побережья [459, с. 328—329, 332], где он явно противопоставляет перипл упоминавшегося выше Артемидора свидетельствам «историков Митридатых деяний» [XI, 2, 12—15], то можно уверенно считать, что и при описании интересующего нас региона одним из источников Страбона был перипл Артемидора, откуда, скорее всего, и выписаны названные выше данные о расстояниях [493, с. 40; 386, с. 910—911].

Описание Страбоном северных побережий Понта, где он никогда не был сам и к которому, за исключением Херсонеса и Босфора, проявлял сравнительно небольшой интерес, привело к тому, что географ значительно сократил источники, которыми он пользовался [251, с. 369, прим. 2, с. 370, 376]. Результатом такого сокращения являются доставившие немало затруднений переводчикам и комментаторам почти несвязные или, во всяком случае, мало-вразумительные из-за краткости сообщения. Поэтому неудивительно, что лучшим разъяснением некоторых неясных мест Страбона является параллельный текст псевдоаррианова перипла [278; 493, с. 64—65].

Переходя к рассмотрению известий Страбона о Нижнем Поднестровье, отметим, что данное место одинаково передается во всех известных рукописях «Географии». Здесь читаем: «При устье Тире находится башня, называемая Не-

оптолемовой, и деревня, именуемая Гермонактовой. Если подняться по реке на сто сорок стадиев, то по обе стороны встретятся города: один Никоний, а другой, по левую руку, Офиусса; жители побережья этой реки говорят, что город встретится, если подняться на сто двадцать стадиев» [VII, 3, 16].

В приведенном отрывке обращает внимание чрезмерная краткость последнего предложения, что порождает некоторую неясность, так как здесь не приведено название упоминаемого города. Это неоднократно давало повод считать текст испорченным и даже дополнять и исправлять его [362, с. 20—21; 116, с. 68; 136, с. 156, прим. 31—35]. Поэтому исследователи XIX—XX вв. при переводах и толкованиях этого отрывка разделились на две группы. Одни видят в упоминаемом городе некий населенный пункт, чаще всего Тире, отличный от названных в предыдущих строках Никония и Офиуссы, и помещают его в 120 стадиях от устья Днестра, то есть на 20 стадий южнее Офиуссы, либо на 120 стадий севернее последней, другими словами, на расстоянии 260 стадий от устья реки [136, с. 156—157, прим. 26].

Неправильность такого понимания явствует из того, что для его обоснования следовало бы предварительно доказать, что Тира представляла собой особый населенный пункт, отличный от Офиуссы и существовавший одновременно с последней. Такие попытки иногда предпринимались, но ни одна из них, на наш взгляд, не может считаться убедительной. Плиний определенно разъясняет [IV, 82], что по имени реки назывался город, именовавшийся прежде Офиуссой. Такое же сообщение приводит, согласно конъектуре В. В. Латышева [192, с. 137—141], поздний, но весьма начитанный лексикограф Стефан из Византии. Напомним, что и в приписываемом Скилаку перипле пишется о существовании реки Тираса и городов Никония и Офиуссы, но не упоминается о том, что поблизости

находился еще и город Тира. Наконец, на западном берегу лимана ни в 20 стадиях к югу, ни в 120 стадиях к северу от Тире не известны остатки такого поселения античного времени, которое Страбон, достаточно точный в отношении своей терминологии автор, мог бы назвать «городом».

Значительно убедительнее выглядит точка зрения ученых, не стремящихся во что бы то ни стало отыскать у Страбона указание о существовании отличающегося от названной им Офиуссы третьего города на реке Тирасе и считающих, что во втором случае имеется в виду не третий город, но один из двух, уже упомянутых ранее. При таком понимании слов Страбона содержание всего рассматриваемого отрывка не вызывает сомнений. У Страбона сказано, что поднимающемуся по реке от моря встретятся в 140 стадиях от устья расположенные на обоих берегах города: на одном Никоний, на другом, а именно на левом (для плывущего против течения, то есть на правом по нынешнему словоупотреблению) — Офиусса. К этому прибавлено со ссылкой на местных жителей, будто бы город отстоит от устья реки не на 140, а на 120 стадий. Нельзя не согласиться, что лишь в этом случае понятно, почему Страбон ссылается на свидетельство жителей побережья и почему он противопоставляет его данному им на первом месте определению расстояния [327, с. 58—59].

Отметим, что нет необходимости предполагать в последних словах дефектность текста, хотя бы даже пропуск артикля при ΠΟΛΙΝ [327, с. 60]. Вполне понятно, что именно местные жители, говоря о Тире-Офиуссе, которая и размерами, и количеством населения, и значением превосходила лежащий на противоположном берегу Никоний, называли ее просто «городом», не прибавляя в каждом случае хорошо всем известное название [393, с. 1851—1852]. Таким образом, лаконизм этого места объясняется не небрежностью перепис-

чиков, а манерой работы Страбона над источниками. Как и в других аналогичных случаях, невразумительность «объясняется исключительно тем, что и здесь, как и почти во всей своей книге, Страбон не перерабатывает своего материала, а его экскерпирует или, лучше, сокращает, причем механически соединяет в одно целое выдержки из источников разных категорий» [251, с. 370, прим. 1].

Если высказанное предположение, что Страбон при описании Северо-Западного Причерноморья положил в основу перипл Артемидора, можно считать достаточно вероятным и если этим же периплом пользовались Плиний и другие, еще более поздние авторы, то неудивительно, что географическая номенклатура этих произведений частично совпадает. Выше отмечалось, что поселение Кремниски было известно как автору использованного пс. Аррианом анонимного перипла, так и Артемидору и Плинию. Равным образом ΝΕΟΠΤΟΛΕΜΟΥ ΠΥΡΓΟΣ Страбона совпадает с ΤΑ ΝΕΟΠΤΟΛΕΜΟΥ перипла, а ΝΙΚΩΝΙΑ первого есть не что иное, как ΝΙΚΩΝΙΟΝ второго, известный еще пс. Скилаку. Показательно, что во всех трех памятниках, то есть в перипле пс. Скилака, а также в источниках Страбона и пс. Арриана, не упоминался город Тира, замененный в двух первых случаях городом Офиуссой.

Одноименность города и реки подчеркивается почти всеми источниками и относится к числу тех прочно установленных штампов, которые переходили из одного географического труда в другой. Эта формулировка встречается в источниках Мелы и Плиния, в перипле пс. Скимна, наконец, у Александра Полигистора, начитанного, добросовестного и плодотворного писателя первой половины I в. до н. э. Выписку из его утраченного труда «Об Эвксинском Понте» сохранили Геродиан [II, 56, 11; IV, 99] и Стефан Византийский. Такая одноименность города и реки, на которой он расположен, не представляла,

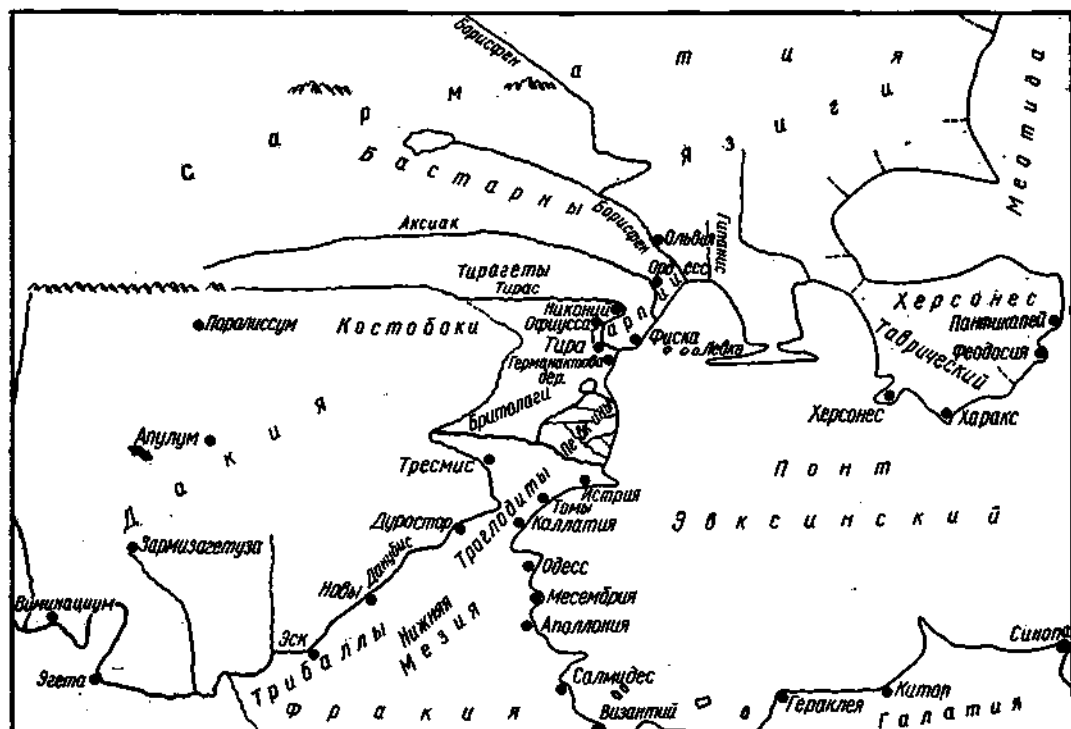

Рис. 2. Часть Европейской Сарматии, Дакция и Нижняя Мезия на карте Птолемея. По Ю. А. Кулаковскому [189] и В. В. Латышеву [26, т. 2].

впрочем, чего-либо исключительного — аналогичными являются Истр (Истрия), Борисфен (Ольвия), Каркинит (Керкинитида), Танаис, Фасис.

Последним произведением античной науки, где имеются систематизированные сведения о занимающей нас территории, является «География» Клавдия Птолемея. Здесь сведены воедино многочисленные и в большинстве случаев достоверные данные об относительном расположении многочисленных географических объектов [456, т. 3, с. 91—97; 189; 51, с. 89—98; 493, с. 66—72; 108, с. 191—200]. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что Птолемей не называет расстояний между отдельными точками, а определяет положение каждой из них в градусах и минутах долготы и широты. В источниках, которыми он пользовался, отсутствовали координаты каждого пункта, там упоминались

только расстояния между ними, выраженные в линейных мерах. Следовательно, для сравнения показаний Птолемея с сообщениями периплов и других источников необходимо выразить географические координаты Птолемея через расстояния между отдельными пунктами. Такая задача применительно к побережью Черного моря выполнена с большой тщательностью рядом исследователей [51, с. 178—183; 189, с. 12—13; 192, с. 400—403, 410—412; 466, с. 373—376, 423—425]. Можно считать установленным, что береговая линия от Дуная до Перекопа представлялась Птолемею искаженной: главная ошибка состоит в том, что меридианы Птолемея сильно отклоняются от действительных, а широта исходного пункта его вычислений, Византия, определена неверно [51, с. 194—198; 466, с. 359—361].

Так как главная неточность Птолемея приходится на отрезок между Дунаем и Днестром, исследователи считали, будто он не имел подробных данных об этой части Черноморского побережья [51, с. 198]. Подобное заключение не вполне согласуется с приводимыми в «Географии» данными (рис. 2). Птолемей называет певкинов, живущих в устьях Истра [III, 10, 4], а «внутри материка до реки Гиераса» (Прут или Сирет) живут, по его словам, «гарпии ниже тирагетов-сарматов, бритолаги выше певкинов» [III, 10, 7]. В этом же параграфе, но на основании источника, описывавшего побережье по направлению к западу от Днестра, названы, но уже с координатами, устье реки Аксиака, город Фиска, не известный другим античным географам, затем устье реки Тираса, упоминаемая Страбонном Гермонактова деревня и, наконец, город Гарпис.

Реки Тирас и Аксиак упоминаются и в других местах «Географии» [III, 5, 6]. Причем «выше» Тираса, «около Даккии», назван ряд населенных пунктов, являющихся, судя по названиям, городищами гето-фракийских племен [III, 5, 15], а у Аксиака назван со всеми координатами известный Плинию Ордес [III, 5, 14], идентичный, надо полагать, Одессу Арриана и пс. Арриана.

Тира во времена Птолемея была достаточно крупным населенным пунктом. Поэтому неудивительно, что географ приводит (разумеется, по своей системе) его точные координаты — 56° долготы и 47° 40' широты. Известны ему и координаты Никония — 56° 20' долготы и 48° 10' широты. При этом Птолемей — единственный из всех античных авторов — упоминает наряду с городом Тирой также город Офиуссу, считая его особым населенным пунктом [III, 5, 8]. Отметим, что все три города — Тира, Никоний и Офиусса — размещаются Птолемеем не на Днестре, а «между реками Гиерасом и Тирасом» (текст этого места восстановлен) [51, с. 203, прим. 1], что само по себе внушает сомнения

относительно точности и достоверности имевшихся в распоряжении Птолемея сведений о Нижнем Поднестровье. Действительно, примерно правильно определено лишь расстояние от Ольвии до Тиры [51, с. 182]. От Тиры до Офиуссы, по Птолемею, получается 28,8 км (166,6 стадий)*, от последней до Никония — еще 25,7 км (139,1 стадий), а расстояние от Никония до Тиры приравнивается даже к 50,7 км (274 стадий). Нельзя не согласиться, что приведенные данные не согласуются с тем, что известно о местоположении Офиуссы и Никония из других источников [51, с. 201]. Последнее связано, по-видимому, с тем, что Птолемей не принял во внимание то обстоятельство, что Офиусса представляет собой древнее название города Тиры.

4. Историческая ценность античной литературной традиции о Тире и Северо-Западном Причерноморье. Из всего вышесказанного видно, что греческая и латинская литература сохранила единичные и скудные данные о городе Тире. Геродот, из рассказа которого можно сделать вывод, что он сам побывал в этом краю (у реки Тираса можно видеть могилу киммерийских царей [IV, 11, 4], здесь же показывают скалу с отпечатками стопы Геракла [IV, 82]) отмечает, что близ устья реки живут его соотечественники [IV, 51]. Из источника Плиния мы узнаем, что город Тира именовался в древности Офиуссой [IV, 82]. Это название приводит в своих источниках не только Валерий Флакк [IV, 85], но и составитель приписанного Скилаку перипла, (третья четверть IV в. до н. э.), сообщаящий о существовании еще одного греческого города, а именно Никония (§ 68). Другой перипл IV или III в. до н. э., частично сохранившийся позд-

* Птолемева стадия равна 184,7 м [51, с. 180, прим. 1]; эллинистическая (Эратосфенова) стадия составляла лишь 157,7 м [298, с. 164], а Геродот пользовался, по-видимому, стадией, равной 148,85 м [535].

ним компилятором, приводит названия целого ряда населенных пунктов, расположенных вдоль побережья между устьями Дуная и Днестра — ΤΑ ΑΝΤΙΦΙΛΑΟΥ, Кремниски, ΤΑ ΝΕΟΠΤΟΛΕΜΟΥ, Никоний, гавани исиаков и истриан, Скопелы, Одесс, — но не ясно, называется ли в нем Офиусса или Тира [Рег. Р. Е., § 87, 89]. В третьем аналогичном памятнике, составленном около середины II в. до н. э. и использованном Аррианом, весь край между устьями Дуная и гаванью исиаков называется «пустынным и безымянным» (§ 31).

Город Тира становится известным под этим названием лишь благодаря жившему в конце III в. до н. э. Деметрию Каллатийскому, отметившему, согласно переработке автора ямбического перипла, известного под именем Скимна, что город был основан милетянами [V, 802—803]. Несколькими десятилетиями позже Александр Полигистор, современник Суллы, привел разъяснение, как можно догадываться по одному из поздних лексикографических словарей, что Офиусса — древнее название Тиры [192, с. 137—141]. Однако источники Страбона позволили ему лишь констатировать, что города Офиусса и Никоний лежали на противоположных берегах реки Тираса, на расстоянии 20 км от ее впадения в море, где находились уже известная нам Неоптолемова башня и Гермонактова деревня. Римские писатели I в. н. э., широко использовавшие произведения греческих предшественников, соединяя их с данными своей эпохи, не упоминают о Никонии вовсе, но называют Тиру.

Вся эта согласованная и не заключающая внутренних противоречий информация нарушается во II в. н. э. Птолемеем, который, называя Офиуссу, Тиру и Никоний, не сомневается, что они принадлежали населенным пунктам с различными координатами. Однако значительный объем и компилятивный характер его труда, составленного на основе разновременных и неоднородных источников, позволяет думать, что

сведения Птолемея в данном случае не являются доказательством того, что Тира и Офиусса действительно были различными городами [51, с. 202—203; 327, с. 56—57].

Недостаточность и противоречивость сообщений греческих и латинских авторов о Нижнем Поднестровье надолго предопределила характер изучения древней истории этого края: вплоть до середины XIX в. исследователи стремились главным образом надежно приурочить сохранившиеся географические названия к тем или иным пунктам Черноморского побережья (§ 2.1). Хотя выводы И. А. Стемповского были хорошо аргументированы, а некоторые заключения его продолжателей были верны, отсутствие точных сведений об археологических памятниках Северо-Западного Причерноморья не давало возможности убедительно обосновать даже правильные догадки. В сущности, только раскопки Э. Р. Штерна в Аккерманской крепости (§ 2.2) и разведки В. И. Гошкевича на побережье Днестровского лимана дали возможность твердо локализовать Тиру, Никоний и Фиску, оставляя в стороне «гордиев узел, сплетенный из отдельной от Тиры Офиуссы, новой Тиры и безымянного Страбонова города на берегу реки Тираса» [82, с. 183].

В 50-х годах нашего столетия древние памятники побережья изучались М. С. Сивичевым. Но если тщательная сводка всех ранее известных данных и публикация сведений о предвоенных и послевоенных разведках и находках [271; 272] были важны и полезны, то попытка новой локализации населенных пунктов, упоминаемых древними географами между устьями Днестра и Буга, оказалась неудовлетворительной. В своей итоговой работе М. С. Сивичев полностью игнорирует сложный и порой сводный характер сохранившихся письменных источников: он использует каждый из них как собрание сообщений, относящихся ко времени жизни написавшего его автора. Поэтому, например,

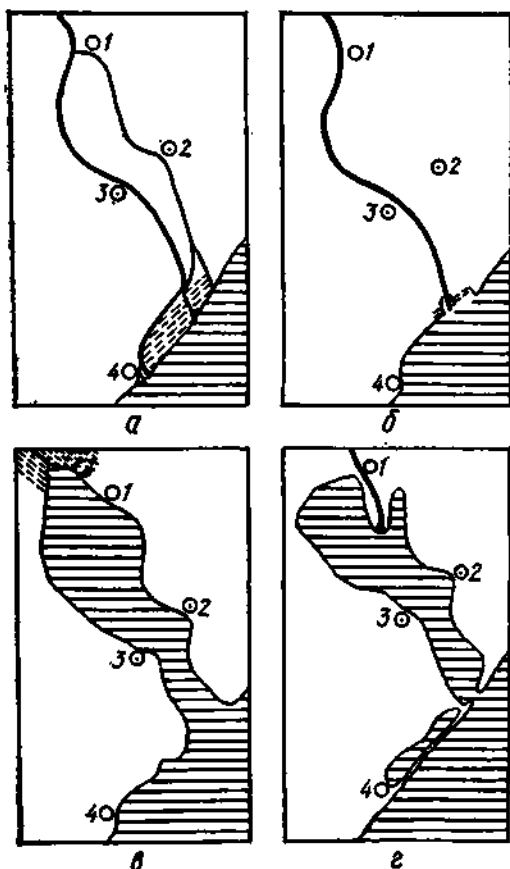

Рис. 3. Схема эволюции низовий Днестра за последние 2500 лет. По М. В. Агбунову [28]: а — середина I тыс. до н. э.; б — конец I тыс. до н. э.; в — середина I тыс. н. э.; г — XIX—XX вв.; 1 — Маяки; 2 — Овидиополь; 3 — Белгород-Днестровский; 4 — Приморское.

исходя из того, что Скопелы неизвестны Арриану и Птолемею и упоминаются только в позднем анонимном перипле, М. С. Синицын делает вывод, что этот населенный пункт возник незадолго до составления перипла и должен быть локализован там, где открыты следы жизни в «сарматское» и даже «раннеславянское» (термины автора. — П. К., И. К.) время [273, с. 9, 13—14]. В результате подобного подхода и неверного осмысления слов Страбона, определяющего берега Днестра по отноше-

нию ко входящему в его устье со стороны моря кораблю [VII, 3, 16], Роксоланское городище называется Фиской, Бугазское — Гермонактовой деревней, поселение у с. Пивденное — Никоном [273, с. 20—24].

Необходимо отметить, что в последние годы предпринята попытка связать упоминаемые греко-римскими писателями древние географические названия не только с открытыми археологическими памятниками, но и с историей формирования нынешнего побережья Черного моря, устанавливаемой по геоморфологическим данным. В связи с этим снова поднят вопрос об Офиуссе. В ней видят отдельное от Тиры раннее поселение, которое должно было находиться на илистом острове, образованном двумя главными рукавами Днестровской дельты во время фанагорийской регрессии, когда главное устье находилось в 18 км западнее его современного положения (рис. 3). Этот «остров тирагетов» был известен Плинию. Он постепенно затонул во время нимфейской трансгрессии и остатки древней Офиуссы находятся «на дне лимана под 4—6 м слоем лиманно-морских отложений» [30, с. 128—138]. При этом Офиусса рассматривается как первое греческое поселение в Поднестровье, жители которого в дальнейшем сочли целесообразным переселиться «на правый коренной берег» и стали называть свое новое поселение по названию реки. По мнению автора, сведения Страбона в той части, где говорится о расположенных на противоположных берегах реки городах Офиуссе и Никонии, отражают ситуацию, предшествующую образованию Тиры и «относятся ко времени не позднее IV в. до н. э.» [30, с. 136], когда река Тирас впадала в море у юго-западной оконечности нынешнего Бугазского (Шаболатского) лимана, где и следует помещать Гермонактову деревню и Неоптолемову башню [28]. Судьба Никонии, которому первоначально принадлежало «ведущее место» среди поселений Нижнего Поднестровья, зависела «от изме-

нения водного режима дельты»: синопский импорт со второй четверти IV в. до н. э. концентрируется в Тире, в середине века происходит «переориентация» фасосской торговли, а в первой половине III в. до н. э. в Никоний перестают поступать и товары в гераклейской таре. Все это рассматривается как результат обмеления восточного рукава Днестра и объясняется «увеличением за его счет западного» [29, с. 17]. В связи с этим подчеркнутое составителем приписываемого Арриану позднего перипла из его эллинистического источника сообщение о «местечке» Никоний, отделенном от «судоходной реки Тир» расстоянием в 30 стадий, интерпретируется как доказательство того, что к концу III в. до н. э. «восточный рукав днестровской дельты стал полностью несудоходным» [30, с. 137, прим. 93; 29, с. 18].

Несомненно, изменение уровня Черного моря, режима впадающих в него рек и соответствующие перемещения береговой линии должны приниматься во внимание исследователями, но в настоящее время можно считать достаточно изученной в историческом плане только палеогеографию Ольвии и прилегающего к ней района [320]. Не вызывает сомнения и то, что новийская колонизация приходилась на конец фанаторийской регрессии Черного моря, а последние века до начала новой эры совпадали с началом нимфейской трансгрессии, причем уровень моря в районе Ольвии был на 7—9 м ниже современного [320, с. 56—57, 70—73]. Можно, конечно, предположить, что в районе нынешнего Днестровского лимана положение было примерно таким же, то есть в эллинистическое время стала обнажаться днестровская банка, а главное судоходное русло Днестра в своей нижней части было отделено от моря и проходило возле правого берега долины, где был расположен древнегреческий город Тира. Это не дает, однако, прямого ответа на вопрос о местоположении Офиуссы. Ведь остается

неясным, каковы исторически точные даты того времени, когда левый рукав Днестра являлся основным руслом реки, и того момента, когда эта роль начала переходить к правому протоку дельты. Трудно ответить и на вопрос, сколько же времени прошло до окончательного заиливания левого рукава. Поэтому однозначное использование геоморфологических данных для их сопоставления с не всегда достаточно ясно выраженными и в большинстве своем основанными на разновременных материалах сообщениями античных географов представляется преждевременным. Нельзя забывать, что для низовьев Днестра полностью не выяснен характер комплексного взаимодействия таких факторов, как колебания уровня моря, тектонические смещения, аккумуляция речных наносов и волновой режим [297; 321]. Поэтому трудно безоговорочно согласиться с фактом существования Офиуссы. Во всяком случае монетные легенды неопровержимо доказывают, что, по крайней мере, с середины IV в. до н. э. город на правом берегу русла реки Днестра именовался Тирой, а не Офиуссой. Под «речным» названием он существовал и в эллинистическое и в римское время. Открытые в последние годы археологические памятники не оставляют сомнения, что жизнь на городище продолжалась и в IV в. н. э. О его существовании в это время пишет Аммиан Марцеллин, традиционно связывающий названия города и реки, называющий первый Тиром и объявляющий его финикийской колонией [XXII, 8, 41]. Примечательно, что, повествуя о реальных событиях своего времени, он называет реку Данастием или Данастом [XXXI, 3, 3—5].

Писатели V в. н. э. надолго забывают о Тире, прекратившей, по-видимому, свое существование. Зосим упоминает только «впадающую в Понт реку Тирас» даже тогда, когда речь идет о событиях III в. н. э. [I, 42, 1]. В дальнейшем Гесихий (V или VI в. н. э.) заставляет реку «Тирис» впадать не в море, а в

Борисфен (s. v. Tyrus), а готский историк Иордан считает Тиру и Данастр разными реками: первая — представляется ему границей между Скифией и Германией [Get., § 30; 35], а вторая — разделяет склавинов и антов. Имеются и произведения, механически выписывающие сведения о Тире из более ранних источников. Так, в VI в. анонимный составитель перипла Черного моря соединяет данные нескольких ранних периплов, а столетием позже другой анонимный космограф, пользовавшийся позднеримскими картами и итинерариями, упоминает «Фиру» (Phira — Apoc. Raven. IV, 5) или «Тиру» (Thira — ibid, V, 11) как один из пунктов на военной дороге, ведущей некогда от Поролиссума в Дакию к восточным пределам Римской империи. Так живые и конкретные сведения Геродота к началу новой исторической эпохи сменяются разрозненными крохами утерянных знаний.

§ 2. Изучение Тиры и ее памятников в XIX—XX вв.

1. Изучение Тиры до начала археологических раскопок. До тех пор, пока круг источников, где имелись сведения о Тире, ограничивался рассмотренными произведениями греческих и римских географов, изучение исторических судеб самого города вращалось в кругу вопросов, связанных прежде всего с установлением его точного местоположения. Заметный успех в этом отношении был достигнут только тогда, когда были приняты во внимание археологические находки. Обнаружение в 1824 г. в Аккерманской крепости головы от мраморной женской статуи «превосходной греческой работы» и неоднократные находки на территории крепости и прилегающих городских кварталов медных монет с надписями ΤΥΡΑ, ΤΥΡΑΝΩΝ позволили И. А. Стемповскому прийти к заключению, что «Аккерман должен

занимать то самое место, на котором стоял древний город» [287, с. 19—23].

Новые данные о Тире получены в 40-х годах XIX в., когда была найдена и опубликована первая и долго остававшаяся единственной лапидарная надпись этого города, изданная с обширным комментарием П. В. Беккером [38; 39]. Несмотря на многие ошибки и неточности, автор правильно раскрыл значение памятника. Надпись содержит два латинских и один греческий документ. В них подтверждались таможенные льготы тирасских граждан, дарованные им «блаженной памяти Антонином» (по П. В. Беккеру, Марком Аврелием). П. В. Беккер правильно определил, что Тира была провинциальным городом, находившимся в подчинении у римских императоров, но ее гражданам «оставлена была по крайней мере тень их прежней независимости». Здесь сохранялось «общинное управление» [39, с. 463] и существовала особая эра. Поскольку ее 145 г. сопоставлен с 201 г. н. э. (консульство Анния Фабiana и Нонния Аррия Муциана), начало эры приходится на 57 г. н. э., который следует рассматривать как «момент соединения» Тиры с Римом [38, с. 18]. Последнее П. В. Беккер представлял себе как добровольное признание императорской власти небольшим греческим городом, жившим под постоянной угрозой сарматских нападений и римского завоевания [38, с. 17].

П. В. Беккер при расшифровке надписи сопоставил все высказывания античных авторов о Тире [39, с. 417—421]. Он помещал этот город, отождествляемый им с Офиуссой, на месте Аккермана; в дальнейшем исследователь подтвердил это мнение, ссылаясь на новые монетные находки [40, с. 183—185, 207]. П. В. Беккер отмечал, что изображения на тирасских монетах свидетельствуют о хлебопашестве, виноделии, скотоводстве и рыболовстве как о главных занятиях граждан, обеспечивавших «богатство в продуктах» и создававших возможность «деятельной

торговли» [38, с. 20; 40, с. 186]. Сделанные им заключения о хозяйстве древней Тире и о признании ею власти Рима в первые годы правления Нерона не вызвали сомнений у ученых XIX в. [213, с. 134—137; 55, с. 55—56; 430, с. 27—28; 173, с. 87]. Ф. К. Брун, уточнивший обстоятельства находки надписи [55, с. 48—49] и установивший чтение ее поврежденных начальных строк [55, с. 59], высказал несогласие с отождествлением Тире с Аккерманом. По его предположению, место, где была найдена надпись (с. Коротное, левый берег Днестра), и отсутствие в перипле Арриана сведений о Тире позволяют считать, что «не памятник был перенесен с одного места на другое, но что это случилось с самим городом после времен Веспасиана». По его мнению, новый город — это Офиусса Птолемея, а его Тира — развалины древнего города [55, с. 49—54]. Эта догадка, которую сам автор называет парадоксальной, не нашла сторонников. Т. Моммзен, включив надпись в корпус латинских эпиграфических документов и восстановив смысл утраченной начальной части первого послания, отметил, что Овиний Тертулл из надписи является императорским легатом Нижней Мезии и отнес оба послания римских императоров ко времени Севера и Каракаллы [19, с. 147—148]. Т. Моммзен решительно высказался против идеи о перемещении целого города и предположил, что камень с надписью был установлен у границы подвластной Тире области [19, с. 1009]. Под влиянием критики Ф. К. Брун отказался от своего первоначального предположения и выдвинул новую гипотезу, согласно которой у с. Коротное находилась Офиусса, жители которой переселились впоследствии на правый берег и основали город, который сохранял какое-то время свое название, но после присоединения его к Риму был переименован в Тире [56, ч. I, с. 10—13].

Не говоря о том, что такому предположению противоречат легенды авто-

номных монет, называющие город Тирой задолго до времени предполагаемого переселения (по Ф. К. Бруну, около начала новой эры), оно опровергается отсутствием строительных остатков и тирасских монет в районе с. Коротное [337, с. 29—32]. Впрочем, мнение Т. Моммзена, отодвигающего границу городской территории более чем на 90 км от древнего города и переносящего ее на левый берег Нижнего Днестра, также не может считаться убедительным [337, с. 30]. Возможность появления подобных гипотез показывает, насколько незначительно были изучены во второй половине XIX в. археология и история Тире.

Между тем постепенно накапливаются новые материалы. Летом 1860 г. Н. Н. Мурзакевич, еще ранее опубликовавший найденную при строительстве пристани серебряную тирасскую драхму [214, с. 316, табл. VII, 5; 40, с. 184, прим. 9] и монеты Тире из святилища Ахилла на Левке [215, с. 237—238, табл. IV, 4—8; 216, с. 475, табл. VI, 1—3, 6], доставил в Одессу обнаруженные при строительных работах возле крепости мраморный мужской торс, полуметровую статую, изображающую отдыхающего охотника (Мелеагр?) и надгробие эллинистического времени [228, с. 17]. В 1866 г. Аккерман посетил Ф. А. Струве, который отметил, что «при разрытии места под фундамент паровой мельницы на высоком берегу лимана (в настоящее время здесь находится завод медоборудования. — *ПК., И. К.*) прорезан грунт на 5,5 аршин.

На глубине 1,5—3 аршин были обнаружены костяки, обращенные на восток, без гробов и одежд; в одном захоронении — слезница возможно греческого происхождения». В крепости уже тогда производились кладочислательские раскопки, но были открыты лишь фундаменты двух стен и «остатки» колонны. Ф. А. Струве отмечает и найденный на Бугазе обломок греческой надписи [288].

В сообщении Н. П. Кондакова, посетившего Аккерман в следующем году, также перечислены находки при строительных работах в прибрежной части северо-восточной окраины города. Он упоминает краснофигурную керамику, в том числе небольшую «вазу» с изображениями сатира и менады, светильник, трехгранные наконечники стрел, бусы, обломки терракот, монеты и впервые извлеченные из земли в Аккермане фрагменты греческой и латинской надписей [168].

А. А. Кочубинский, неоднократно посещавший Аккерман в 70-х и 80-х годах XIX в., называет среди находок обломки мраморных капителей и надписей, черепицу с клеймами, глиняные ручки от амфор, камню, тирасские монеты, черепки и т. п. [173, с. 82—87, 95—96, 98—99, 101—102, 179—180]. А. А. Кочубинский приводит сообщения о погребениях, в одном из которых найдены золотые вещи и две узкогорлые амфоры [173, с. 96—98]. В. Н. Юргевич, перечисляя аккерманские находки, хранившиеся в коллекции И. К. Суручана, упоминает целые амфоры и амфорные ручки с клеймами, расписные и лощеные сосуды, два мраморных обломка с греческими буквами, несколько резных камней, металлические предметы, фрагменты керамики, монеты [337, с. 31—32, прим. 1]. Ф. И. Кнауэр в 1891 г. приобрел в Аккермане светильник, глиняную «урну», пастовую статуэтку Иисуса (?), обломок посвященной надписи в честь египетских богов, монеты [161]. Появляется и сообщение о находке под стенами крепости в 1892 г. нескольких египетских амулетов и бус, а также александрийской монеты [343].

В сообщениях Ф. А. Струве и А. А. Кочубинского появились первые сведения о погребениях древних жителей Тире. В 90-х годах становится известным надгробие римского времени, найденное между Аккерманом и Шабо [339, с. 11, табл. 1, 2]. Летом 1894 г. в саду некоего Каримида был открыт

склеп «из тесаного местного известняка», собраны лекиф, две амфорные ручки (одна с фасосским клеймом), черепки, гипсовые украшения от саркофага, тирасские монеты [344]. В следующем году в 3 км от Аккермана, по дороге в Шабо, на берегу лимана, во время добычи камня открыт подкурганый склеп, обследованный А. А. Кочубинским и Э. Р. Штерном. Под курганом, достигавшим 5 м в высоту, находилось сооружение, состоявшее из горизонтального дромоса и погребальной камеры.

Стены и полуцилиндрический распорный свод сложены из известняковых блоков; вход закрывался выдвижной плитой. Обе могилы, вырубленные в скалистом грунте погребальной камеры, были полностью ограблены задолго до открытия гробницы [172].

Стихийное и случайное накопление материалов создавало недостаточную базу для исследования Тире. К концу XIX в. местоположение города было все же установлено, а некоторые типы его памятников собраны и систематизированы. Так, благодаря публикациям А. И. Гримма, П. О. Бурачкова и В. Н. Юргевича, исследователям стали доступны собрания тирасских монет, хранящихся в Эрмитаже [430], Историческом музее Москвы [65, с. 83—94] и Одесском археологическом музее [338]. Достаточно полная и прекрасно выполненная публикация монет Тире на таблицах Берлинского корпуса монет Северной Греции [472, табл. XII, 10—XIII, 5] сделала их достоянием европейской науки. В 80-х—90-х годах одесские ученые систематически публиковали вновь найденные эпиграфические памятники Тире [339, с. 11, табл. I, 2; 325, с. 47; 326, с. 1—5, № 1—4]. Среди них следует назвать фрагментированный декрет римского времени, найденный в с. Чобручи в 9 км от места обнаружения первой тирасской надписи [336]. Все эти документы тщательно собраны и переизданы В. В. Латышевым в начале XX в. [23, № 2—18].

2. Первые раскопки Тире и их результаты. В сентябре 1900 г. Э. Р. Штерну удалось провести небольшие раскопки на гласисе и внутри крепости [327, с. 33—49]. В мае 1903 г. раскопки в крепости были продолжены [329]. Летом 1912 г. Э. Р. Штерн снова провел небольшие раскопки на территории первого и второго дворов крепости [330]. Хотя раскопки продолжались в общей сложности месяц, результаты их нельзя недооценивать.

В 1900 г. Э. Р. Штерн заложил на первом и втором дворах средневековой крепости и на гласисе перед ее воротами восемь шурфов и траншей (рис. 5). Там, где раскопки были доведены до материка, толщина культурного слоя достигла 6—7 м.

Материалы античного времени: черепнолаковая и краснолаковая керамика, обломки амфор, светильники, монеты — встречены во всех шурфах, но последовательность напластований везде оказалась нарушенной. В шурфе, заложенном в насыпи гласиса, были обнаружены каменные конструкции, истолкованные как гробницы (Steinkistengräber — рис. 6, 8).

Э. Р. Штерном более или менее полно описано содержание только одной могилы. В ней найдены разновременные предметы — фрагменты золотых украшений (детали погребального венка, нашивные бляшки, несколько звеньев цепочки, обломки серег), сетчатый арибалл, обломки костяного гребня и шпильки, бронзовый браслет, бусины, два светильника (судя по рельефным изображениям, римского времени). Все это извлечено из слоя, который представлял собой, по выражению Э. Р. Штерна, «сплошную насыпь» [327, с. 45]. Исследователь полагал, что им обнаружены остатки некрополя «древнегреческого периода», расположенного за пределами города [327, с. 48—49].

Раскопки внутри крепости лишь в одном случае (траншея в 1912 г. в северо-западном углу второго двора) увен-

Рис. 4. Эрнест Романович Штерн (1859—1924 гг.) — первый исследователь археологических памятников Тире. Портрет работы К. К. Костанди. Масло. Публикуется впервые (Одесский археологический музей).

чались обнаружением не нарушенных культурных напластований со строительными остатками и керамикой. В этом месте (рис. 5, шурф 14) под современным слоем открыт серый слой со строительными остатками и керамикой XVI—XVIII вв., надежно датируемый обломками курительных трубок и турецкими монетами. Под ним находился слой светлой глины, содержащий остатки кладок, черепки иранского фаянса и венецианского стекла. Здесь встречена молдавская монета конца XIV в.

По другую сторону турецкой стены (А по Штерну), на глубине около 2,6 м от дневной поверхности (ниже основания стены примерно на 1,8 м) начинался

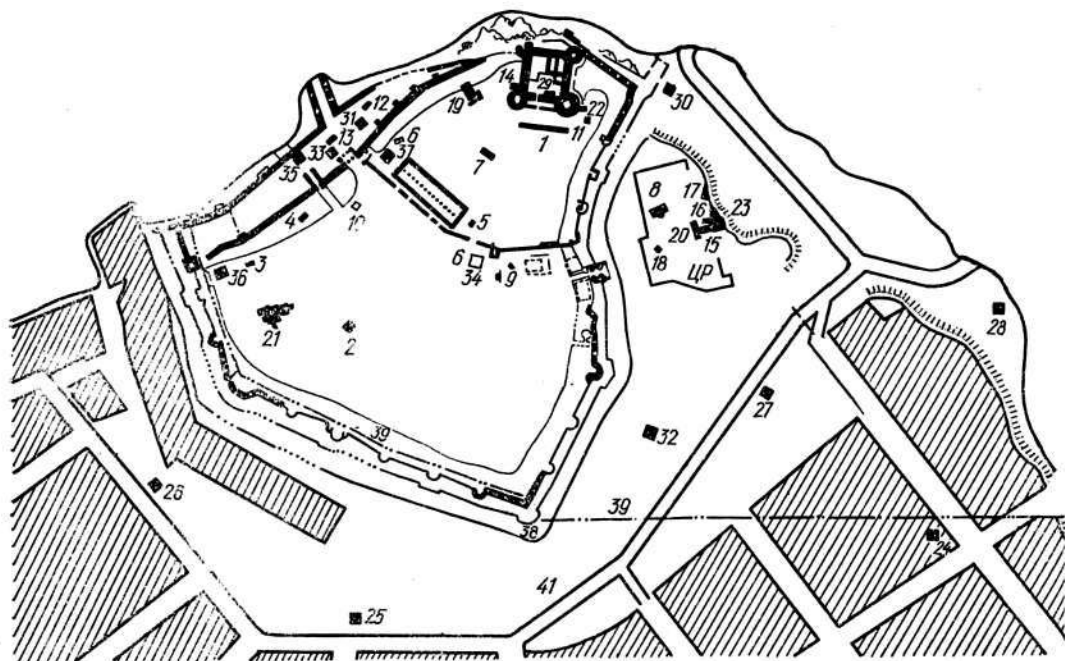

Рис. 5. Схематический план городища Тире с указанием шурфов, траншей и раскопов с 1900 по 1983 г.:

1—14 — шурфы Э. Р. Штерна (1900—1912 гг.); 15—23 — шурфы 1919—1939 гг.; ЦР — Центральный раскоп, включающий шурфы 8, 15, 18, 20 и 23, раскоп 1940—1941 гг., раскопы А, В и Д, заложенные ИА АН УССР (1945 г.), раскопы, заложенные Одесским и Белгород-Днестровским музеями (с расширениями до 1983 г.); 24—33 — шурфы и зачистки 1970—1971 гг.; 34 — раскоп Б (1950 г.); 35 — шурф 1950 г.; 36—37 — раскопы 1956 и 1958 гг.; 38 — юго-восточная башня средневековой Аккерманской крепости; 39 — предполагаемая граница Тире в период ее наибольшего расширения; 40 — средневековая греческая церковь; 41 — траншея прокладки теплоцентрали (1972—1976 гг.).

слой светлого песка, в верхней части которого находились черепки римской краснолаковой посуды, фрагменты сероглиняной керамики, амфор и кровельных черепиц, а на глубине от 4,2 до 6,4 м — обломки «мегарских» чаш, чернолаковых блюд, киликов, краснофигурных и простых конических сосудов из светло-желтой глины. Открытие вымостки из каменных плит заставило продолжить раскопки на противоположной стороне турецкой стены. В результате ниже песчаного античного слоя, «на природной скале», на глубине 4,7 м от поверхности крепостного двора было открыто основание правильной каменной кладки из плит толщиной 0,35—0,36 и общей высотой 1,3 м. При-

надлежность кладки античному времени подтверждаются обнаруженной в насыпи на расстоянии 0,7 м от верхнего ряда плит тирасской монетой Коммода, найденными на скале у основания кладки двумя монетами автономной Тире [121, № 13 и 15] и литым истрийским «колесиком» [330, с. 98—100].

Прочие траншеи и шурфы Э. Р. Штерна, материалы из которых пополнили коллекции Одесского археологического музея найденными в Аккермане статуями, монетами, керамикой и другими памятниками, для окончательного решения вопроса о местоположении Тире и для восстановления истории городища не имели принципиального значения. Сказанное относится и к приобретенным

им для музея памятникам, из которых заслуживают упоминания мраморный торс задрапированной женской статуи (Афродита?) с необработанной тыльной стороной [327, с. 49, прим.], торс обнаженной мужской фигуры, надгробие с изображенной в нише верхней частью женской фигуры [176, с. 59, б, г], а также фигурный бронзовый сосуд в виде бюста юноши (рис. 6). Только раскопки 1900 г. на гласисе и 1912 г. вблизи цитадели позволили Э. Р. Штерну наметить стратиграфию Тир-Аккермана и предположительно определить топографию города и его некрополя. Одновременно исследователь пересмотрел античную письменную традицию о Тире и, показав всю беспочвенность домыслов о переносе города с места на место, высказался в пользу того, что упоминаемые Геродотом «тириты» не являлись горожанами в точном смысле слова, но жителями «хуторов и ферм», принадлежавших гражданам и разбросанных «по всей береговой полосе». Подробно анализируя свидетельства Птолемея и Страбона, Э. Р. Штерн считает Офиусу древним названием Тир [327, с. 48—61].

Подводя итоги исследования Тир, Э. Р. Штерн констатирует, что Тира была организованным полисом. Поскольку невероятно, чтобы город впервые приобрел эту структуру под властью Рима, следует считать, что Тира сложилась как полис еще при организации поселения, оставалась им «до заката римского владычества» и на протяжении многих веков являлась крупным торговым центром для всего Поднестрия. Э. Р. Штерн отмечает наличие в окрестностях города курганного некрополя и приходит к выводу о существовании в городе богатых и влиятельных семейств. Находки амфор и других античных предметов на побережье лимана от моря до нижнего течения Днестра позволили Э. Р. Штерну сформулировать предположение о существовании в древности тирасской сельскохозяйственной округи. Отмечая исключи-

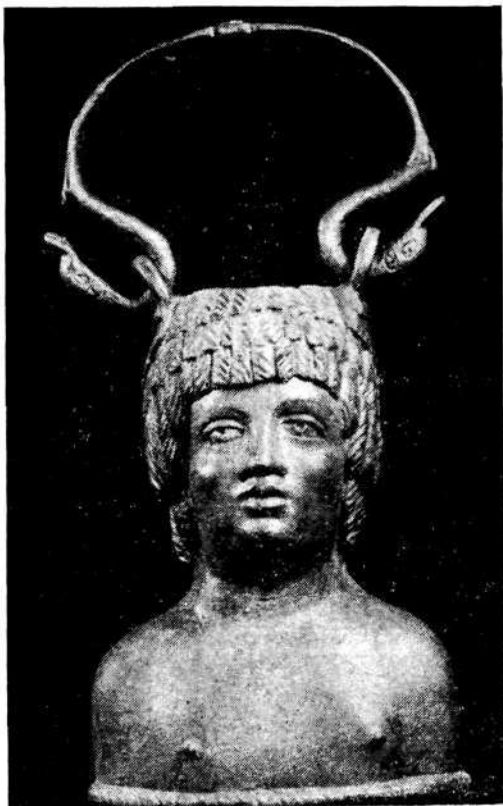

Рис. 6. Бальзамарий II—III вв. н. э. Бронза. Высота 11 см.

тельную сложность изучения археологических остатков города, существовавшего со времен Геродота до наших дней, Штерн высказал мнение о том, что масштабные и систематические раскопки все же расширят со временем сведения об этом центре древней культуры [512, с. 172—174].

Результаты публикаций Э. Р. Штерна и достижения русской науки в области изучения Тир были положены в основу кратких замечаний о городе в работе Э. Г. Миннза [452, с. 445—449]. Этот небольшой раздел, составленный с учетом как археологических, так и письменных источников, долго оставался для зарубежной науки главным источником сведений о Тире. Э. Г. Миннз

использует надписи (в приложении приведены тексты надписей из с. Чобручи и Коротного) и монеты. Несомненной его заслугой является публикация золотого статера с типами Лисимаха, чеканенного в Тире, а также выделение среди монет последней эмиссии времени Митридата Евпатора.

Начатые Э. Р. Штерном раскопки Тира были продолжены в тех же скромных масштабах: П. Никореску и Г. Авакяном опубликованы результаты зондажных и охранных работ 1919 и 1927—1930 гг. [352, 460; 462]; из раскопок 30-х годов изданы только латинские надписи [464, 465] и золотая диадема [498.]. Раскопки проводились возле обрыва плато в сторону лимана (небольшой шурф был заложен также на гласисе против крепостных ворот). В дальнейшем раскоп у обрыва был несколько расширен; изучались главным образом участки в западной части внешнего и на севере внутреннего крепостных дворов (рис. 5).

Наиболее ранние строительные остатки были зафиксированы около северо-восточной башни средневековой цитадели [462, с. 558, рис. 1], где один из исследователей обнаружил следы «классической греческой и доисторической цивилизации» [352, с. 60]. Наиболее результативными оказались работы у северо-восточного края гласиса. Здесь в разное время возле самого обрыва были заложены пять шурфов и траншей и один шурф к юго-востоку от них (пункты 15—18, 20, 23, по Никореску). В результате была открыта на протяжении 8 м выходящая торцом к обрыву оборонительная стена [460, с. 383—384]. Кладка сохранилась на высоту до 1,5 м при толщине стены 2,4 м; с юго-восточной стороны стена облицована блоками $2,0 \times 1,0 \times 0,4$ м, «великолепно подогнанными без свободных пространств», не отличаясь от открытых в последующие годы западных отрезков той же оборонительной системы. Среди находок можно назвать венчик большого аттического кратера кон-

ца V в. до н. э., обломки краснофигурных скифосов, чернолаковых расписных и краснолаковых сосудов, красноглиняных кафаров, чаш, кувшина и тарелочек, «мегарских» чаш и другой керамики (462, рис. 36—57, 60, 63, 65—68, 70, 80, 81). Здесь же найден обломок венчика от мраморного блюда с посвящением Аполлону Врачу (462, с. 564—565, рис. 6), а несколько выше по обрыву — маленькая мраморная герма Приапа (460, с. 393, рис. 7) и рельеф с изображением Артемиды-охотницы (460, с. 939, рис. 8). В 20 м к северо-западу на этом же обрыве раскопан угол монументальной постройки, датируемый обломками ионийской и аттической керамики (460, р. 348).

Представляет интерес открытое на глубине 4,15 м в первом крепостном дворе помещение с општукатуренными стенами, возведенными непосредственно на скале (462, с. 559, 562, рис. 2, 3, 7, 10). Здесь найдены обломок мраморного карниза (462, с. 570, рис. 25), фрагменты терракот (462, с. 573, рис. 34, 35). Комплекс датируется многочисленными фрагментами римской керамики, светильниками (462, с. 589, рис. 101—104, 106, 109), двумя обломками греческих надписей первых веков нашей эры (462, с. 569, рис. 5 и 9), императорскими монетами.

Добавим, что раскопки 20-х — 30-х годов дали значительное количество черепиц и амфорных ручек с клеймами Фасоса, Синопы, Родоса, а также керамику с клеймами римских легионов (460, с. 401—414; 350; 353, с. 105—108). Были опубликованы также граффити (351; 353, с. 108—114) и группа греческих и латинских лапидарных надписей. Среди них — два фрагмента декрета эллинистического времени (462, с. 566—569, рис. 17), обломки послания легата к гражданам Тира (460, с. 394—396, рис. 9—10), надписи тирасского гарнизона [464, 465].

Накопленный к началу Второй мировой войны материал был обобщен в статье, опубликованной в энциклопеди-

ческом словаре Паули Э. Дилем [393]. В ней рассмотрены местоположение и название Тиры, надписи и монеты, случайные находки и раскопки, погребения, стены, вещевые находки, культы, государственный строй, календарь, торговые связи и дан чрезвычайно сжатый исторический очерк города. Несмотря на некоторые неточности, статья представляет значительный интерес.

3. Проблемы археологии и истории Тиры в советской науке. До воссоединения Бессарабии с СССР советские ученые разрабатывали проблемы археологии и истории Тиры, не требовавшие полевых исследований. Прежде всего это труды С. А. Жебелева, посвященные греческой колонизации, роли Афинской державы на северных берегах Черного моря и народам Северного Причерноморья в античную эпоху [110, с. 48—81, 180—195, 254—274], а также статьи В. Н. Дьякова о проникновении Рима в северопонтийский регион [106; 107]. В 1939 г. Б. Н. Граков дополнил корпус надписей Северного Причерноморья собранием греческих надписей Балканского полуострова и Малой Азии, содержащих упоминание о северопонтийских городах и народах. Сюда вошли и документы, имеющие отношение к Тире [16, с. 237—239, № 1; с. 310—312, № 2, 5, 6]. В 20-х — 30-х годах А. Н. Зограф собирал и обрабатывал материалы для корпуса тирасских монет и разобрал в специальной статье ошибки, накопившиеся в нумизматической литературе в связи с их неверными описаниями и приурочениями к тирасской чеканке монет Тир и других городов [118].

В 1940 г. были начаты раскопки Тиры. Они велись на гласисе крепости, к северо-востоку от крепостных ворот. Судя по краткому отчету В. А. Шахназарова, в этом году им было раскопано 200 м², в результате чего открыты напластования разных эпох. Наиболее древними сооружениями являлись впущенные в материковую щебенку зерновые ямы с обмазанными глиной стенка-

ми. В заполнении ям, принятых автором за предназначенные для захоронений останков после кремации, найдены обломки чернолаковой посуды V—IV вв. до н. э. Более поздними следует считать подвальные помещения дома (№ I), перекрытые слоем со строительными остатками первых веков нашей эры. На раскопе обнаружены клейма Фасоса, Синопы, Родоса, Книда, а также латинские клейма на черепицах [159].

Продолженные летом 1941 г. раскопки были прерваны войной и документация их утрачена. В 1945 г. они были возобновлены Институтом археологии АН УССР и возглавлялись до 1950 г. Л. Д. Дмитриевым, а в 1953—1963 гг. — А. И. Фурманской. На первом этапе (до 1953 г. включительно) изучались преимущественно средневековые напластования и только после их детального исследования стало возможным изучение античного слоя, открытого в 1949—1950 гг.

Так как материалы раскопок публиковались по мере изучения городища [100, 101; 102; 301; 302; 305; 308; 310], а памятники античного города рассмотрены ниже по периодам, здесь представляется целесообразным ограничиться их краткой характеристикой. К 1963 г. площадь заложенного в 1945 г. на гласисе раскопа [100, с. 41—42, рис. 2; 2а] была доведена до 2000 м² [305, с. 123, рис. 1]. Здесь была открыта улица с водостоком, расположенным под ее мощением крупными известняковыми плитами полотном [102, с. 114, рис. 3]; по сторонам улицы (она была в дальнейшем названа Поперечной I) в одном из домов (№ III) были открыты гонимые и металлургические печи [102, с. 116; 300, с. 26—27]. Ниже этого слоя находились подвальные, отчасти наземные помещения, дворики, часть улицы более раннего времени, также с остатками водостока [306, с. 42; 308, с. 56—62; 310, с. 18—19].

Вещевой материал из помещений и их засыпи дает возможность достаточно

точно датировать оба античных слоя: в верхнем обнаружены амфоры первых веков н. э. [302, с. 90, табл. 2], краснолаковая керамика малоазиатского и галло-германского производства [302, табл. 1], столовая сероглиняная кружальная керамика и кухонная лепная посуда [302, с. 91, табл. 3], рельефы западно-понтийского образца [309, с. 159, рис. 1; 2], наконец, два клада римских и тирасских монет — все это материал эпохи Римской империи. В засыпи подвалов нижнего слоя найдены фрагменты простой ионийской и аттической керамики [102, с. 119, рис. 1; 2; 308, с. 132, рис. 8, 11], терракоты [102, с. 120—121, рис. 6; 8], черепицы с синопскими клеймами, ручки амфор с клеймами других центров [102, с. 118; 308, с. 61, рис. 2, 1—7], обломки гераклеийских и фасосских амфор, монеты автономной Тире, Македонии, Ольвии, Амиса. Таким образом, раскопанные комплексы датируются IV—II вв. до н. э.

В 1945—1963 гг. были продолжены работы на территории средневековой крепости. Заложенный в северной части первого двора раскоп Б позволил выявить на протяжении 6 м стену из крупных камней, датированную по сопровождающим находкам III—II вв. до н. э., а в шурфе у Лиманских ворот открыта каменная вымостка, уходящая в сторону берега лимана [102, с. 117] — свидетельство того, что часть прибрежной территории города поглощена его водами. Небольшое количество античных материалов было получено при раскопках 1954 и 1958 гг. у юго-западной башни на первом дворе, в юго-западной части второго и на прирезке к раскопу на прикрепостной площади [244].

Материалы раскопок 1945—1963 гг. стали толчком к новому этапу изучения Тире. Публикации впервые открытых комплексов и отдельных памятников из них — украшенной рельефными венками мраморной плиты с надписью эллинистического времени [303], скульптур [304] и рельефов римского времени [309],

клада монет из римского дома [307] значительно расширяли базу исследования. Были опубликованы также статьи, посвященные возникновению Тире [116], ее отношению к западнопонтийским городам и Ольвии [270], ее роли в державе Митридата Евпатора [316], ее месту в системе римской провинции Мезии [114, с. 57—61, 104—105, 116, 121—124]. Издавались и перенадавались эпиграфические документы из Тире — лапидарные надписи [128; 134], граффити [80], клейма [323]. Наконец, в 1957 г. был издан корпус тирасских монет, подготовленный А. Н. Зографом еще до войны [121].

В корпусе тирасских монет изложено нумизматических проблем предшествует краткий очерк истории города [121, с. 9—18], но так как монография была завершена А. Н. Зографом в 1939 г. [121, с. 5—7], то не могли быть учтены материалы послевоенных раскопок. Кратко обобщила их А. И. Фурманская [306], по материалам которой впоследствии был доработан соответствующий раздел в трехтомной «Археологии Украинской ССР» [36, с. 311—320]. В этих трудах Тира прочно введена в число античных центров Причерноморья.

Дальнейшее изучение Тире велось сотрудниками Института археологии АН УССР и Одесского археологического музея. На прикрепостной площади к югу от участка, изучавшегося Л. Д. Дмитриевым и А. И. Фурманской, были заложены новые раскопы (В — 1963, Д — 1967), соединенные в 1969—1971 гг. с ранее открытой площадью в единый Центральный раскоп (далее — ЦР. — П. К., И. К.). В 1963 г. здесь открыто служебное помещение римского гарнизона [150; 151]. В 1969—1971 гг. на ЦР открыты оборонительные сооружения — круглая башня и две куртины. С открытием расположенного у башни «послеготского» дома с комплексом хорошо датированной керамики [175; 183] был выделен позднеантичный слой городища. Велось также поиски пределов

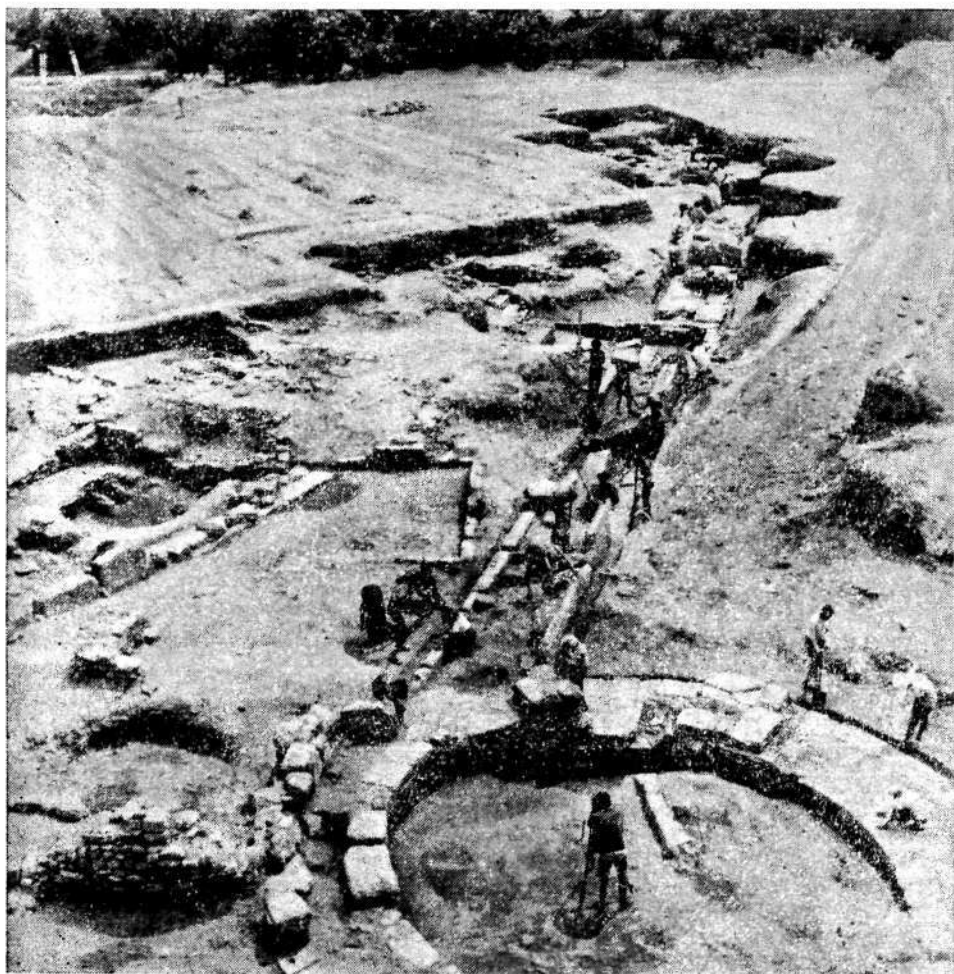

Рис. 7. Раскопки оборонительных стен Тира (общий вид).

древнего города, для чего были заложены шурфы на прилегающих к средневековой крепости улицах.

В 70-х — начале 80-х годов раскопки Тира продолжались на ЦР, площадь которого охватывает в настоящее время более 4000 м². На всей этой территории изучены и в основном сняты остатки средневекового города, что дало возможность развернуть изучение античных напластований. Это оказалось особенно важным при исследовании оборонительных стен. Часть оборонительных стен входила верхней час-

тью своих кладок в горизонт II — середины III в. н. э. Первоначально частями римской цитадели представлялись северная куртина (№ 72), круглая башня (№ 68), юго-западная (№ 37) и южная (№ 318) куртины [184, с. 22—32]. Эти сооружения были, как предполагалось, соединены в систему для ограждения юго-восточного (прилиманного) участка древнего города, где располагался римский гарнизон Тира (рис. 7; 13). Однако исследования оборонительной системы в 1977—1981 гг. показали, что отдельные ее части неодновременны

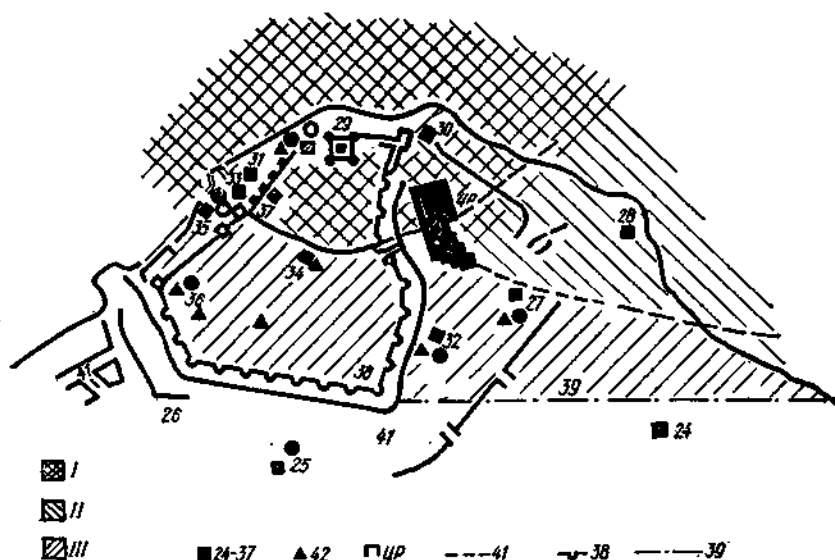

Рис. 8. Схематический план предполагаемого расширения Тира:

I — территория города в VI—IV вв. до н. э.; II — территория, включенная в границы города в IV—III вв. до н. э.; III — территория, заселенная в I—III вв. н. э.; 42 — находки античных материалов в шурфах, траншеях и раскопах (24—41 — см. подпись к рис. 5).

и имели вначале неоднаковое назначение [156]. Эти наблюдения подтвердились при углублении с уровня напластований римского времени в нижележащий слой между северной куртиной (№ 72) и ул. Продольная I, а затем и по сторонам южного края ул. Поперечная I. После удаления построек первых веков н. э. на этом месте был открыт дом эллинистического времени (№ VI), подвальные и наземные помещения которого пристроены с севера к оборонительной стене после ее перестройки. Было установлено, что северная куртина (№ 72) возведена для защиты вновь застроенного участка города, возникшего на рубеже V—IV вв. до н. э. В 1980 г. был обнаружен новый участок оборонительной стены (№ 409), продолжающийся на северо-запад, с некоторым смещением к востоку и прослеженный на расстоянии 10 м. Возможно, этот участок стены был разобран в связи с расширением городской застройки на восток и юго-восток, и тогда круглая

бапня (№ 68), юго-западная (№ 37) и южная (№ 318) куртины были построены для защиты новых кварталов с юга (рис. 8).

В этой же части ЦР под южным концом ул. Поперечная I римского времени начато выявление ул. Поперечной предшествующего периода. С востока к ул. Поперечной эллинистического времени примыкало юго-западное помещение дома (№ II).

Все эти исследования нижних слоев городища и новооткрытого участка оборонительной стены дали ценные материалы для разработки сложной стратиграфии памятника [152; 154]. Обращает внимание в засыпи этой части ЦР наличие крупных обломков амфор с «кляпчковыми» и «рюмкообразными» ножками, фрагментов чернолаковых и краснофигурных аттических сосудов V—IV вв. до н. э. Показательно, что на уровне залегания фундаментальной части новооткрытого участка стены (№ 409), там, где не прослеживаются

вторжения из верхних горизонтов, отсутствуют тирасские монеты, но встречаются мелкие обломки миниатюрных полосатых ионийских сосудов, хиосского кубка и краснофигурных киликов V—IV вв. до н. э., найдена здесь и литая истрийская монета [120, табл. XXX, 6]. Этот слой лежит на материке и в раскопанной части городища является самым древним.

Ряд памятников из раскопок 60-х — 70-х годов дополняют наши представления об архитектурном облике Тиры. Так, находки в южной части ЦР четырех одинаковых деталей колонн из плотного местного известняка, две из которых стояли на прямоугольных плитах, указывают на бытование перестильных домов на значительном расстоянии от предполагаемого центра города.

Обзор хода и результатов полевых исследований Тиры не может не учитывать изучения сельских поселений античной эпохи, тесно связанных с городом. К сожалению, самое крупное из известных поселений у слияния Днестровского лимана с Будацким (Затока I) не подвергалось раскопкам и лишь в 1978 г. на его поверхности было заложено несколько шурфов [237, с. 105, № 8]. Здесь обнаружены остатки каменных кладок, обломки кровельных черепиц, фрагменты амфор, в том числе с клеймами Гераклея, Фасоса, Синопы и Херсонеса, обломки чернолаковой и лепной керамики гето-фракийского вида; медная ольвийская монета случайно найдена на поселении еще в 50-х годах [143, с. 175, № 11]. Поселение существовало с конца V по III вв. до н. э.

Наиболее полно изучены в настоящее время два памятника тирасской хоры — Пивденное I и Молога II, расположенные к северу от Белгорода-Днестровского. В Пивденном I открыты остатки каменного домостроительства, амфоры с клеймами различных центров, чернолаковая и лепная посуда, бытовые предметы, тирасская монета конца IV в. до н. э. [258; 259]. В Мологе II, где раскапывались и поселение, и принад-

лежавший ему могильник, найдены строительные сооружения, коллекция керамики, включающая импортную (светлоглиняные и красноглиняные амфоры, незначительное количество чернолаковых черепков), лепную и гончарную сероглиняную посуду. В склепах были также стеклянные и металлические изделия, украшения и т. п. Памятник хорошо датируется римскими и тирасскими монетами II в. н. э. [88].

Если описанные поселения создают некоторое представление о тирасской хоре, то подъемный материал с других поселений, обследованных сотрудниками Одесского археологического музея в конце 50-х [149; 312], а затем в 70-х годах [237], дает возможность заключить, что в IV—III вв. до н. э. почти вся береговая полоса вдоль современных лиманов была густо заселена. Менее чем на половине поселений жизнь возобновилась в первых веках нашей эры, но в римское и позднеантичное время на новых местах возникли лишь 2—3 поселения. Следов ранних поселений, подобных выявленным на противоположном берегу лимана [234—237], а также поселений, которые продолжали бы существовать в позднееллинистическое и раннеримское время, в результате разведок не обнаружено.

4. Топография Тиры и ее некрополя. Полных, археологически подтвержденных данных о границах древнего города и их изменениях до сих пор нет. Еще до начала раскопок Тиры высказывалось предположение, что центральная часть города — его акрополь — находилась на мысу, где позже была возведена средневековая крепость [41, с. 77]. Шурфы и траншеи, заложенные внутри крепости и у ее ворот первыми исследователями памятника, уточнили эти представления, и лишь систематические раскопки послевоенных лет, шурфовка, проведенная на прилегающих к крепости улицах современного города в 1969 — 1971 гг. [182, с. 177—178; 184, с. 20—22], подводные разведки [46; 181] и, наконец, наблюдения при прокладке

теплоцентрали по улицам Ушакова и Попова (1972—1976 гг.) и при других строительных работах позволяют уточнить границы Тирь.

Следует согласиться с исследователями, представлявшими центральную часть города на месте средневековой цитадели и примыкающего к ней внутреннего крепостного двора [306, с. 43—44; 217, с. 271]. В юго-западной части наружного двора крепости были открыты строения первых веков н. э., между тем в шурфе за крепостным рвом и траншеей вдоль улицы Ушакова найдены остатки XIX в., турецкий и золотоордынский слои [184, с. 20—21]. Это дает основание считать, что крепостной ров от места его соединения с берегом лимана к западу от крепости и далее на юго-восток до юго-восточной угловой башни приблизительно соответствует юго-западной и южной границе древнего города. Однако к востоку и северо-востоку от упомянутой угловой башни в строительных траншеях и шурфах кладки, зольники, скопления античной керамики и монеты попадают до места расположения средневековых греческой и армянской церквей [184, с. 21—22]. Таким образом, восточная граница города не совпадала с той частью крепостного рва, которая резко поворачивала от юго-восточной угловой башни к северу, но городские кварталы занимали всю восточную часть мыса, до самого лимана (рис. 8). Впрочем, застройка указанной территории осуществлялась не сразу.

Вопрос о восточной границе Тирь осложняется интерпретацией первых находок на гласисе крепости, северо-восточнее ее главных ворот. Э. Р. Штерн, впервые приступавший к обследованию этого района, рассматривал открытые здесь каменные сооружения в качестве гробниц III и II вв. до н. э. «На этом некрополе, — писал он, — имеются следы погребения из древнегреческого периода, а из такого факта вытекает, что эта местность лежала за чертой тирасской стены и тирасского поселения»

[327, с. 49]. С другой стороны, П. Никореску, открывший к юго-востоку от шурфа Штерна участок оборонительной стены, выходящей торцом к откосу у пристани, высказал предположение, что эта стена могла быть юго-восточной границей Тирь [460, с. 384]. Однако в этом случае гробницы оказались бы внутри города, и это заставило Никореску в дальнейшем отказаться от приведенной интерпретации открытой им стены [462, с. 557].

На первом этапе работы на городище А. И. Фурманская разделяла взгляды Штерна и полагала, что город расширился на восток лишь в римское время, причем была застроена площадь раннего некрополя [302, с. 81—82]. Однако открытие домов эллинского времени и современной им улицы заставило исследовательницу сначала передумать некрополь Штерна IV в. до н. э., а затем отказаться от поисков некрополя на этой площади [306, с. 41; 36, с. 317]. Теперь А. И. Фурманская считала, напротив, будто здесь располагались центральные кварталы Тирь [308, с. 59]. Не без колебаний определялось ею и время включения территории раскопа А в состав города — V—IV вв. до н. э. [306, с. 42] или, точнее, конец V — начало IV в. до н. э. [34, с. 315]. Южная граница города находилась, по представлению А. И. Фурманской, в пределах второго или третьего кольца примыкающих к крепости улиц современного города (до ул. Шевченко). Общую площадь города она принимала равной примерно 20 га, не считая прибрежной части, поглощенной лиманом [36, с. 314].

Продолжающееся изучение оборонительных стен, пересекавших, по-видимому, мыс приблизительно параллельно линии укреплений средневекового города, а также выяснившаяся неодновременность строительства отдельных частей этих стен позволяют предполагать, что первоначальный греческий город занимал северо-западную часть мыса и был огражден с востока стеной. Остатки ее древнейшего участка (№ 409)

перекрыты напластованиями эллинистического времени и есть основания датировать стену временем, близким к рубежу V—IV вв. до н. э. Строения эллинистического времени на ЦР, включенные в городскую черту вскоре после этого, были тогда защищены с юга новым участком стен (№ 72), который пересек мыс с юго-запада на северо-восток (рис. 13). Частично открытая башня (№ 330) уходит в борт раскопа, что указывает на продолжение оборонительной линии к западу. Согласно наблюдению П. Никореску, стена продолжалась и на восток, возможно до прилегавшей к берегу части города. Таким образом, в раннеэллинистическое время северо-восточная часть мыса оказалась внутри оборонительной системы города, который продолжал расти в южном направлении. В результате отрезок ранней стены (№ 72) оказался внутри застроенного пространства, а функции обороны перешли к новой линии укреплений — к башне (№ 68) и куртинам (№ 318 и 37), образовавшим дугу в одном из наиболее угрожаемых участков. Время расширения городской застройки на южную часть средневековой крепости, где в шурфах были встречены материалы римского времени, не установлено.

Итак, в период наибольшего расширения пределов городской застройки Тира не выходила на юге за пределы мыса, на котором расположена средневековая крепость, примыкающие к старой пристани городские кварталы и находящаяся между ними и крепостью незастроенная территория. Если принять во внимание находки скоплений камней и керамики в разных пунктах прибрежной части лимана (с восточной стороны мыса даже следы размытого культурного слоя) во время подводных разведок, то предполагаемая площадь древнего города могла достигать 20—25 га [306, с. 41]. Сохранившаяся часть городища, однако, не превышает 15—17 га [184, с. 22], из них доступны для раскопок всего 5—6 га.

Некрополь Тира до настоящего времени не только не изучен, но и не выявлен полностью. В поле зрения ученых периодически попадали предметы из разграбленных могил, причем такие находки имели место и в пределах современного города, и даже на юг вдоль лимана до с. Шабо, на расстоянии до 9 км. Именно здесь — на всей береговой полосе, от старой пристани до Шабо, — помещала тирасский некрополь доримского времени А. И. Фурманская [302, с. 81—82]. Подобного взгляда придерживался и Л. Д. Дмитриев, открывший в 1950 г. в 3 км к югу от современного Белгорода (у хут. Салганы) ограбленную подкурганную гробницу, в которой он усматривал сходство с фракийскими погребальными сооружениями: исследователь не сомневался в ее принадлежности к некрополю Тира [102, с. 117, рис. 5].

Переходя к анализу могил, открытых Э. Р. Штерном на гласисе, следует напомнить, что они были разграблены еще в древности; раскопки их велись поспешно (6 могил раскопано за 4 дня) и «не все исследованы до конца» [327, с. 48]. Так как эта территория вошла в дальнейшее в рамки ЦР, следует отметить, что таких погребальных сооружений здесь в дальнейшем не находили. Если принять сообщение Штерна как вполне объективную фиксацию памятника, открытый некрополь нельзя вместе с ним датировать III—II вв. до н. э. [327, с. 46], так как в это время данная часть города была застроена. Более того, в одном случае Штерн сам выражает сомнение, являлись ли два ряда «ребром поставленных плит, образующих с двух сторон прямую линию» и «помещенных друг против друга на расстоянии немного более 0,5 сажени» (около 1,1 м — П. К., И. К.), «древним защищенным ходом к лиману» или склепом [327, с. 45]. На основании этого описания можно предположить, что Штерн натолкнулся на участок стены, и в таком случае открытая им метром ниже «ограбленная древнегреческая

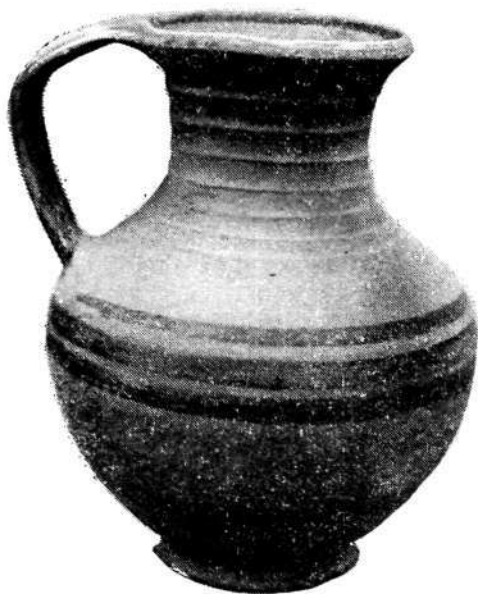

Рис. 9. Кувшин из находок при строительстве туристского комплекса на ул. Портовой. IV в. до н. э. Глина. Высота 21,5 см. Публикуется впервые.

могила», в инвентаре которой отмечен сетчатый лекиф [327, с. 46], была перекрыта стеной.

Другие сообщения о находках могил с золотыми вещами и даже с «золотым одеянием» (можно думать об одежде, обшитой золотыми бляшками. — П. К., И. К.) в районе «старого базара» и «в садах» [173, с. 96—98], известные об открытии «склепа римского периода недалеко от базара» [173, с. 93, прим.] не дают возможности судить о местоположении некрополя Тиры, как и открытая в 1966 г. на расстоянии 4 км к югу от крепости гробница [153]. Разрушенная в момент обнаружения, она имела вид прямоугольного каменного ящика, перекрытого плитами из известняка. Найденные предметы дают основание относить гробницу ко II в. н. э., но принадлежала ли она, как и открытый в 1895 г. вблизи от этого места разграбленный склеп [172], к некрополю Тиры или одного из располагавших-

ся к югу от нее поселений, решить легко.

Вероятно, некрополь Тиры начинался в непосредственной близости от границы древней городской территории, то есть на площади, занятой современным Белгородом, точнее — его центральными кварталами. Время от времени становятся известными находки, подтверждающие это предположение. Сюда относятся сведения об обнаруженных и разграбленных в XIX — начале XX вв. склепах [153, с. 102—107; 330, с. 93]. К несомненным находкам на некрополе Тиры относятся комплекс сосудов из захоронения с сожжением, обнаруженного у крепости [177, с. 185], а также, вероятно, две гераклеийские амфоры и кувшин с «полосатым» орнаментом (рис. 9), поступившие в Белгород-Днестровский краеведческий музей как находки из котлована строившейся турбазы на прибрежном плато территории современного города. Известные же каменные подкурганные склепы (1895 и 1950 гг.) и каменную могилу-кенотаф (1966 г.), обнаруженные в 3—5 км к югу от Тиры, недалеко от берега лимана, вряд ли можно отнести к курганному некрополю Тиры — поблизости от них зафиксированы следы других античных поселений [153, с. 106—107; 306, с. 43].

Уместно добавить, что остатки инвентаря из гробницы 1966 г. [153, с. 101—103, рис. 1—3] позволяют датировать ее II в. н. э., но оба подкурганных склепа ограблены и для определения времени их строительства приходится прибегать к косвенным заключениям. Указывают на применение при строительстве склепа 1895 г. цемяночного раствора и на наличие в засыпи склепа 1950 г. фрагментов стенок рифленых амфор [284, с. 101, 103], это позволяет относить оба сооружения к первым векам н. э. [284, с. 104]. Однако склеп 1895 г. датировали и эллинистическим временем [460, с. 380], а склеп 1950 г. сближали с погребальными памятниками Фракии [102, с. 117]. Нель-

зя не признавать, что каменные гробницы эллинистического времени из Каллатии [473, с. 232—234, рис. 58; 242, с. 38—39, рис. 28], в особенности склеп, обнаруженный в 1961 г. [242, с. 39—40, рис. 30—31], действительно чрезвычайно близки к склепам, открытым в окрестностях Тире, да и применение цемяночного раствора в эллинистическое время нельзя считать исключенным.

5. Стратиграфия античной Тире. Итоги и перспективы изучения памятника. Одним из достижений в изучении Тире следует признать разработку стратиграфии этого сложного памятника. В настоящее время на площади ЦР прослежено восемь напластований, из которых три верхних (турецкий Аккерман, XVI—XVIII вв.; молдавский город, XV в.; золотоордынский город конца XIII—XIV вв.) относятся к средневековому, а пять нижних — к древнему периоду истории города. Поскольку история выделения этих горизонтов рассмотрена в специальных статьях [152; 154], здесь достаточно остановиться на характеристике античных слоев.

На площади ЦР не выявлены остатки архаической Тире, и поскольку эта территория была застроена в конце V или в первых десятилетиях IV в. до н. э., здесь не приходится ожидать открытия древнейших слоев. Слои классического времени достоверно документируются на этой площади только вещественными находками: строительные остатки относятся к нему пока лишь предположительно.

Наиболее ранними из хронологически надежно определенных строительных остатков на ЦР являются подвальные помещения двух домов (№ I и II) в первом строительном периоде и куртина оборонительной стены (№ 72). Характерными находками являются в этом слое обломки позднехосских и фасосских амфор, в том числе клейменные ручки, обломки гераклеиских амфор и синопских черепиц, фрагменты чернолаковых аттических сосудов.

Следующий слой на ЦР представлен остатками тех же домов во втором строительном периоде. Сюда же относится дом (№ VI), пристроенный к северному фасаду куртины (№ 72) и обращенный к улицам Продольная I и Поперечная, эллинистического времени, пролегающей под одноименной улицей первых веков н. э., а также примыкающие кладки (№ 410). Типичным в массовом материале для этого слоя является присутствие рельефной керамики малоазийских центров, родосских амфор и керамики северочерноморских городов. В этом слое выделяется кроме двух описанных еще третий строительный период с находками II и даже I вв. до н. э., к которому можно отнести водосток (№ 342) и кладку (№ 375), лежащие над северо-западным отрезком оборонительной стены к западу от частично открытой Поперечной улицы эллинистического времени, но ниже подошвы южной и восточной стен и улицы первых веков н. э. К этому же периоду относятся кладки (№ 400 и 411), открытые непосредственно под южным помещением римского дома (№ IV).

Слои первых веков н. э. подстилают желто- и сероглиняные засыпи. Слой со строительными остатками и грунтовыми напластованиями конца I — первой половины III в. н. э. наиболее полно открыт на ЦР. Из строительных остатков сюда относится ул. Поперечная I с домами (№ III и IV), примыкающими к ней с востока и запада, здание гарнизона, пристройка к куртине предыдущего периода (№ 72) с панцирем (№ 234). Раскопки этого слоя дали много монетных находок I—III вв. н. э., в том числе два клада, а также узкогорлые светлоглиняные амфоры, обломки краснолаковой керамики, отдельные ранние образцы которой датируются I в. н. э., стеклянные изделия, бронзовые фибулы, черепицы с клеймами римских легионов. Мощность слоя достигает 3 м. В постройках (дома № III и IV) четко выделяются два строительных периода с изменением уров-

ней полов и вымосток, закладкой проемов и т. п.

Верхний слой античных напластований городища, на котором в пределах ЦР непосредственно лежит средневековый золотоордынский слой, содержит остатки «послеготского» дома, документированные керамическим комплексом, сохранившимся под завалом крыши. К этому слою принадлежат и другие постройки, перекрывающие здание гарнизона. Датированными находками были амфоры поздних типов, сероглиняная керамика черняховского облика, краснолаковая керамика III—IV вв. н. э. В этом слое различаются два периода — к первому относится помещение, выстроенное в юго-западном углу здания гарнизона, другое помещение (№ 244), перекрывающее его северо-западный угол; ко второму — «послеготский» дом (№ 88). Хронологической гранью этих периодов является рубеж III—IV вв. н. э.

Успешные раскопки Тиры, охватившие в настоящее время широкую площадь более 4000 м², шурфовка на территории прилегающих к крепости городских кварталов, разведки на побережье Днестровского и Будаковского лиманов, новые находки погребений создали надежную базу для изучения древнего города. Выше было показано значение раскопок послевоенного сорокалетия для уточнения топографии и разработки стратиграфии памятника. Материалы раскопок позволили начать исследование оборонительной системы Тиры [156; 183; 184], выявить особенности ее

жилых ансамблей [183; 186, с. 38—41, 46, 82, 96—98] и производственных комплексов. В настоящее время успешно продолжается изучение чернолаковой [267], краснофигурной [64] и сероглиняной кружалной керамики [86], амфорных клейм [66; 262] и амфор [260], публикуются терракоты [292, с. 25—27; 155—157], надписи [135; 138; 145; 268], монеты [63; 129; 171] и монетные находки [32; 37; 98; 144; 241], в том числе замечательный клад тирасского и истрийского серебра из Поднестровья [113] и два клада императорских монет Тиры, обнаруженные в ходе раскопок [33; 307]. Следует назвать также статьи о связях Тиры с центрами Нижней Мезии [158], о религиозных верованиях населения Тиры [285], о ее календаре [69, с. 44—50; 138], о располагавшемся в городе гарнизоне [138; 150; 265], наконец, о роли Тиры в системе обороны римских рубежей накануне массовых нападений варварских народов на Дунайские провинции [146]. Все это существенно продвигает разработку многих сторон истории Тиры, но не исчерпывает задач, стоящих перед исследователями памятника. Следует наряду с продолжением работ на ЦР возобновить раскопки внутри крепости, продолжить поиски некрополя, развернуть в широких масштабах раскопки сельских поселений. Назревшими задачами следует считать издание корпуса тирасских надписей и монет Тиры — капитальные труды В. В. Латышева и А. Н. Зографа страдают неполнотой и давно стали библиографической редкостью.

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ ТИРЫ

(конец VII—V вв. до н. э.)

§ 3. Причины и характер греческой колонизации

Древнегреческая колонизация давно признана одним из важнейших явлений в истории античного общества. С конца XIX в. не прекращаются споры о причинах и характере колонизации, вызвавшей не только массовое переселение эллинов за пределы первоначальной родины, но и обусловившей формирование относительно устойчивой системы взаимоотношений между сложившимися во всех уголках Средиземноморья греческими полисами и народами сопредельных стран. На первый план выдвигались демографические, экономические, а то и откровенно субъективистские факторы колонизации — причины ее усматривали в перенаселении метрополии, в поисках пригодных для обработки земель или месторождений металлических руд, в развитии торговли, даже в любознательности и духе приключений, свойственных греческим мореплавателям [164, с. 143—169; 340, с. 4—47]. Лишь в последнее время ряд исследований по истории отдельных колоний, основанных на археологических материалах, позволил несколько смягчить противоречия между крайними точками зрения и наметить основные этапы колонизационного процесса [363; 428; 491; 502]. Оставляя в стороне переселения микенского и гомеровского времени, а также колонизационную практику Афинской державы и эллинистических государств, в рамках так называемой

Великой колонизации VIII—VI вв. до н. э. различают две фазы. Для первой (примерно 775—675 гг. до н. э.) характерно преобладание аграрных мотивов колонизации, тогда как для второй фазы (приблизительно 675—500 гг. до н. э.) типично нарастание роли торговых интересов [358].

Советская историческая наука рассматривает проблему колонизации как один из элементов формирования рабовладельческого способа производства в его наиболее развитой форме *. И Эд. Мейер, сторонник торговой обусловленности колонизации, и К. Белох, объяснявший ее прежде всего земельным голодом, сходились в том, что основная причина колонизации сводится к перенаселению, которое присуще греческому обществу на всех этапах его развития [164, с. 299]. Действительно, вся система древних государств основывалась «на определенном ограничении численности населения, пределы которой нельзя было превысить, не подвергая опасности самих условий существования античной цивилизации», так что периодическое основание колоний составляло «постоянное звено общественного строя» [1, с. 567]. Речь должна идти, однако, не

* Эти взгляды отчетливо выражены в докладах московских [47] и ленинградских ученых [54; 105] на симпозиуме 1977 г. в Цхатубо и в коллективном труде, посвященном проблемам развития полиса [34, т. 1, с. 128—154]; историография колонизации рассмотрена в трудах К. М. Колобовой [164, с. 143—169], Я. В. Домаяского [104], В. В. Лапина [190, с. 5—34] и В. П. Яйленко [340, с. 30—47],

о перманентном абсолютном перенаселении, мальтузианское представление о котором враждебно материалистическому пониманию истории [2, т. 1, с. 538, прим.; 4, с. 103—108], а об относительном перенаселении метрополии, причиной которого являлся не фатально действующий абстрактный закон, а недостаточное развитие производительных сил, ставившее права граждан античных полисов в зависимость от их числа: превышение оптимального количественного уровня населения грозило гражданам полиса, — писал Маркс, — подчинением их «игу того изнурительного физического труда, который превращал тогда свободного гражданина в раба» [1, с. 567—568; 4, с. 102].

Конкретная форма, в которую выливалось зарождающееся перенаселение внутри складывающихся греческих полисов, связана с обострением имущественного и социального неравенства, выражавшегося в сосредоточении земли и рабов в руках аристократии, в обезземелении и закабалении бедноты. Преобладающим видом классового угнетения в эту эпоху было рабство, «то есть не столько экспроприация земли у масс, сколько присвоение их личности» [10, с. 348—349]. Великая колонизация осуществлялась в обстановке нарастающих социальных конфликтов, вследствие которых утвердилась античная форма собственности со свойственным ей двойственным противоречивым характером [5, с. 21; 3, с. 466; 9, с. 108, 165—169]. Возникая в результате объединения нескольких племен в один город и сохраняя рабство [5, с. 21], античная форма собственности «предполагает в качестве своего базиса не земельную площадь как таковую, а город как уже созданное место поселения (центр) земледельцев (земельных собственников)» [3, с. 465].

Характер античной собственности, при господстве которой предпосылкой для присвоения земли остается членство в трансформирующейся в государство общине, «но, как член общины, каждый отдельный человек является частным

собственником» [3, с. 466], дает ключ к пониманию особенностей процесса колонизации. Ведь и в том случае, когда история конкретной колонии начиналась с основания на малоизвестном побережье чисто торговой фактории, поселенцы стремятся при первой возможности наделить каждого из граждан зарождающегося полиса земельным участком. Колонии, сложившиеся в ходе мирного или насильственного захвата пригодных для обработки земель вдали от навсегда покинутой родины, в ходе неизбежного общения с нею рано или поздно вовлекаются в систему расширяющихся торговых связей греческой ойкумены. В самом деле, само возникновение городов предполагает характерную для античности противоположность между городом и деревней [5, с. 20, 49—50; 9, с. 166, 176], основывающуюся на разделении труда между земледелием и ремеслом и выражающуюся в производстве все возрастающей части продуктов труда непосредственно для обмена. Это, в свою очередь, означает появление купечества — класса, «который занимается уже не производством, а только обменом продуктов», — и металлических денег, чеканной монеты [9, с. 165—166]. Поэтому греческие колонии, независимо от их первоначального характера, постепенно оказывались для метрополии необходимыми торговыми контрагентами — поставщиками сначала металла или заготовленной впрок рыбы, потом зерна или леса, и почти всегда рабов. Они выступали и как потребители особо качественных сельскохозяйственных продуктов и ремесленных изделий древнейших полисов Восточного Средиземноморья.

§ 4. Ионийцы в Северо-Западном Причерноморье

Греческая колонизация западных и северных берегов Черного моря приходится на вторую половину VII—VI вв. до н. э., то есть на тот период, когда

развитие ремесленного производства, торговли и денежного хозяйства уже охватило ведущие центры метрополии. Античная традиция приписывает ведущую роль в колонизации Понта гражданам Милета, и хотя известны случаи участия выходцев из других городов в основании причерноморских колоний, все же следует признать, что милетяне были инициаторами переселения и составляли главную часть колонистов [362, 406, с. 49—53; 491, с. 119—122].

Историки Советского Союза и причерноморских социалистических стран внесли существенный вклад в изучение конкретного процесса колонизации Западного и Северного Причерноморья. Однако главное внимание уделялось при этом наиболее крупным центрам — Аполлонии, Истрии, Ольвии, городам Боспора, немногочисленным дорийским поселениям этих регионов, — тогда как Нижнее Поднестровье оставалось менее освещенным. Весьма существенно, впрочем, что милетяне прокладывают прежде всего путь к устьям двух великих рек, между бассейнами которых протекает Днестр: около середины VII в. до н. э. их опорные пункты возникают вблизи устьев Дуная и Днестра. Первопоселенцы располагались в обоих случаях на островах или полуостровах, в местностях, малопригодных для сельскохозяйственного производства, но зато безопасных и создававших благоприятные условия для рыболовства; не удивительно, что за первыми поселениями закрепились «речные» имена — Истрия и Борисфенида. По античной традиции основание Истрии относится к 657/656 г. до н. э., а Борисфениды — 645/644 г. до н. э. [Euseb. — Hieron., р. 95 Helm.]. Истрия при этом названа «городом» [Ibid., р. 340], тогда как Борисфенида точнее не определена: это подтверждает предположение о том, что во втором случае подразумевается поселение на Березани. Керамические материалы из Истрии и Березани не расходятся с этими датами, хотя остатки поселений в обоих названных пунктах

датируются лишь концом VII в. до н. э.* Значительную часть ранней керамики составляют фрагменты сравнительно дорогой расписной посуды ионийского происхождения, что заставляет многих исследователей предполагать изначально торговый характер Березанского поселения [45, с. 175—176; 416, с. 26—27; 105, с. 86; 170] и Истрии [43, с. 22—24, 27—28; 473, с. 154—156, 158, 164—165; 527, с. 61, 67—68], но при этом нельзя упускать из виду отсутствие постоянного населения, констатируемое, во всяком случае, для побережий Днепровского и Бугского лиманов в эпоху колонизации**. Островное или полуостровное положение обоих ранних милетских поселений Северо-Западного Причерноморья плохо согласуется и с предположением о преимущественно аграрном профиле их первоначального хозяйства [190, с. 121—126; 199, с. 135—136]. Первые опорные пункты ионян были, по всей вероятности, не торговыми факториями или земледельческими поселками, а рыболовецкими, в самом начале, быть может, сезонными станциями [48, с. 41—42; 527, с. 61], население которых при наличии на месте сырья и пригодных для обработки земель постепенно обращалось к ремесленному производству или к земледелию, не пренебрегая и установлением торгово-обменных связей с кочевыми или оседлыми племенами более или ме-

* Это обстоятельство подчеркивают для Истрии Э. Кондураки [373] и С. Димитриу [396; 397], тогда как П. Александреску отрицает историческую возможность даты Евсевия [345]. Основание постоянного поселения на Березани датируется М. Ф. Болтенко [48, с. 41—42], Л. М. Славным [36, с. 278] и Л. В. Колейкиной [170, с. 107] серединой VII в. до н. э., В. В. Лапиным [190, с. 87] — последней третью, а В. Ф. Гайдучевичем [416, с. 28] — концом этого столетия. Другие исследователи колеблются между этими датами или относят начало Березанского поселения просто к VII в. до н. э.

** На эту особенность демографической ситуации в Нижнем Побужье в эпоху колонизации указал В. В. Лапин [190, с. 35—55]; в настоящее время она является общепринятой [53, с. 43; 199, с. 141; 255, с. 12].

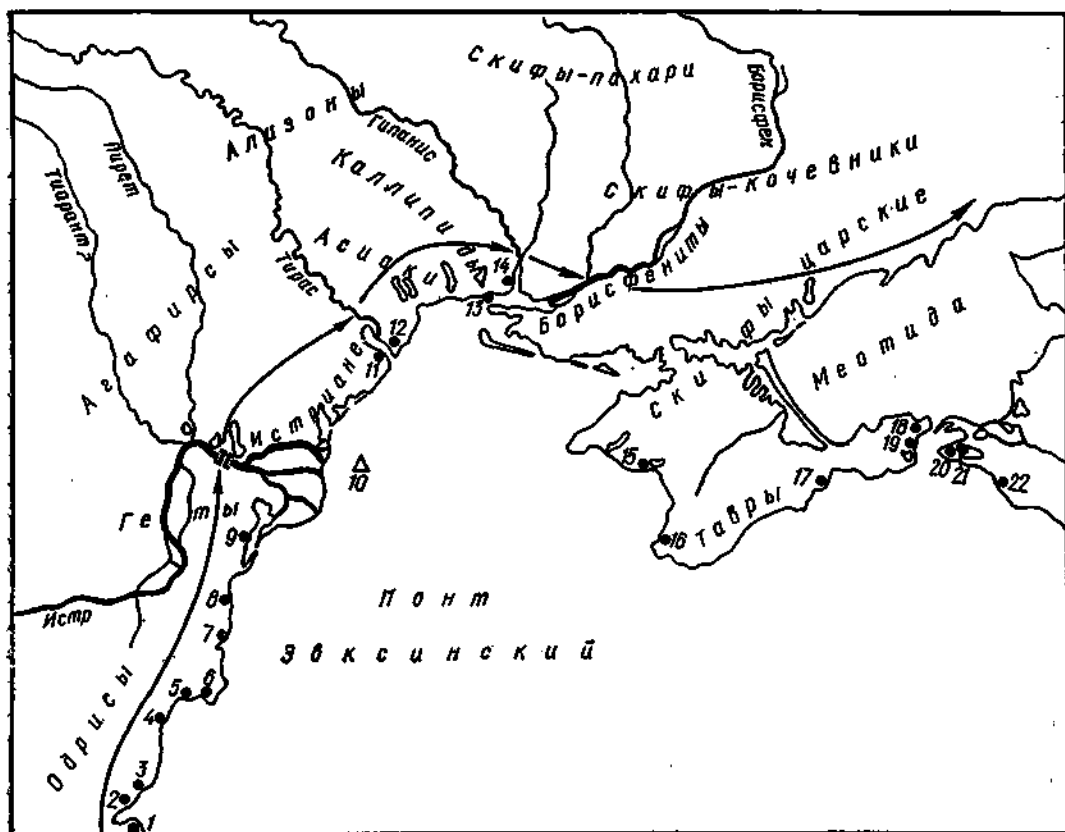

Рис. 10. Северо-Западное Причерноморье в VI—V вв. до н. э.:

1 — Аполлония; 2 — Анхиял; 3 — Месембрия; 4 — Одесс; 5 — Дионисополь; 6 — Визона; 7 — Каллатия; 8 — Томис; 9 — Истрия; 10 — святилище Ахилла на о. Левке; 11 — Тира; 12 — Никоний; 13 — поселение на о. Березани (Борисфенида?); 14 — Ольвия; 15 — Керкинитиды; 16 — Херсонес; 17 — Феодосия; 18 — Пантикапей; 19 — Нимфей; 20 — Гермонасса; 21 — Фанагория; 22 — Горгиппия; стрелкой показан предполагаемый путь войск Дария Гастаса.

нее отдаленных районов. В каком соотношении сочетались эти занятия в среде жителей конкретных поселений, зависело в каждом случае от конкретных условий, и пример Ягорлыцкого поселения (см. ниже) убедительно показывает, что далеко не все ранние опорные пункты ионян должны были иметь характер эмпориев.

На рубеже VII—VI вв. до н. э. на островке у южного берега нынешнего Бургасского залива возникло еще одно милетское поселение, получившее свое название в честь Аполлона, в котором ионяне видели покровителя их переселений. Основание Аполлонии заверша-

ет, как полагают, первый этап милетской колонизации Западного и Северо-Западного побережья Черного моря [43, с. 24—28; 91, с. 122—125; 386, с. 1067—1070]. Следующий этап открывается основанием Одесса на фракийском берегу [43, с. 28—29; 91, с. 100—102; 386, с. 1074—1076] и Ольвии на правом берегу Бугского лимана (рис. 10). Возникшая во второй четверти VI в. до н. э. Ольвия быстро растет и во второй половине столетия приобретает городской облик; с середины того же века черты поселка городского типа становятся присущими и Березанскому поселению. В обоих центрах развивается

каменное строительство, формируется планировка кварталов, разрастается застроенная территория; в Ольвии появляются священный участок с расположенными в его пределах храмами и окруженная общественными сооружениями агора [169; 255, с. 4—9; 199, с. 137—138; 526, с. 11—12, 14—15].

Сравнительно быстрый рост Ольвии и Березанского поселения заставляет предполагать такое увеличение численности населения, которое вряд ли возможно в результате их естественного развития. Но в это же время — начиная с середины VI в. до н. э. — вступает в жизнь ряд небольших греческих поселений на всем побережье от устья Буга до Березанско-Сосипцкого лимана. Эти поселения характеризуются ярко выраженным аграрным типом хозяйства; они просуществовали до первой четверти V в. до н. э. [148, с. 4—7; 199, с. 138—143; 105; 255, с. 4—5]. Особое место занимает находящееся в стороне и принадлежащее к числу наиболее ранних небольшое поселение на Ягорлыке, где еще в первой половине VI в. до н. э. было налажено разнообразное ремесленное производство [226; 227; 254]. Так как во всех этих поселениях роль относительно немногочисленных выходцев из глубинных районов Причерноморья была сравнительно невелика, приходится предполагать появление новой волны колонистов из метрополии [170, с. 107—108; 198, с. 133—135; 255, с. 4—5, 9]. Нечто подобное прослеживается в эту эпоху, по-видимому, и в окрестностях Истрии, где румынскими археологами открыт ряд поселений, позволяющих говорить об интенсивном проникновении греков в среду местных племен фракийского галштата [473, с. 94—99, 108—119; 506].

Общая картина колонизации Западного и Северо-Западного Причерноморья является необходимым фоном истории возникновения греческих поселений Нижнего Поднепровья. По-видимому, накануне и в эпоху колонизации степные просторы между Нижним

Дунаем и Днестром не имели постоянного оседлого населения, хотя фракийские поселенцы уже проникли на левый берег Дуная [206, с. 64—65, 79; 209, с. 142—143; 234, с. 160]. В степи известны скифские воинские погребения VI (Огородное) [122, с. 113; 209, с. 145] и V вв. до н. э. (Червоный Яр, Шевченко, Траповка, Арция) [122, с. 113; 209, с. 145—146; 289, с. 103], они не составляли компактных групп, а по характеру обряда и вещевого материала близки синхронным погребениям собственно Скифии [209, с. 158]. Непосредственно на берегах Нижнего Днестра, Днестровского лимана и на морском побережье ранние памятники местного населения не выявлены [96; 149; 217, с. 131; 312—313]. Можно полагать, что ионийские поселенцы оказались здесь первыми постоянными жителями. Вместе с тем в основанные греками населенные пункты Нижнего Поднепровья уже в VI в. до н. э. проникали скифские и фракийские этнические элементы [198, с. 134—135; 209, с. 142; 234, с. 160], так что вряд ли можно думать об абсолютном отсутствии местного населения вблизи от греческих поселений. Следуя указаниям письменных источников, можно, по-видимому, заключить, что памятники ализонов следует сблизить с памятниками восточноподольской (не исключено, что и западноподольской) групп, а памятники агафиров — с памятниками молдавской группы [341]; в соответствии со словами Мелы [II, 1, 7] западную границу каллипидов не приходится искать на Днестре [207, с. 54; 274, с. 201] или даже на Дунае [56, ч. 2, с. 29] — их владения ограничивались бассейном Тилигула [103, с. 224, прим. 200]. Между Тилигулом (Асиакком) и Днестром (Тирасом) Мела и Плиний [IV, 82] помещают племя асиаков, а между Днестром и Дунаем — истриан. Реальность этих сообщений подтверждается показанием утраченных периплов эллинистического времени, сохранившихся у Арриана (§ 31) и пс. Арриана (§ 87): на побережье находились га-

вани этих племен, а в сокращенной Юстином «Истории» Помпей Трога [IX, 2, 1—2] упоминается война скифов (около 340 г. до н. э.) с истрианами, возглавлявшимися своим царем; во всех случаях речь идет об одном и том же племени, скорее всего гето-фракийского происхождения *. В таком случае ничто не мешает предполагать, что население восточного берега Нижнего Днестра и современного лимана, оставившее на ранних греческих поселениях керамику скифского типа, принадлежало к племени асиаков [207, с. 54], тогда как гетская посуда на этих поселениях должна связываться с фракийским населением, сосредоточивавшимся по берегам Нижнего Дуная и носившим подобно асиакам «речное» имя истриан.

Литературные свидетельства о проникновении греческих поселенцев в Нижнее Поднестровье ограничиваются хронологически неопределенными указаниями пс. Скимна [v. 798—803] на плодородие края, судоходность реки и на милетское происхождение города Тирры, а также беглым замечанием Геродота [IV, 51], согласно которому у устья реки Тираса живут эллины, называющиеся тиритами; на основании слов Плиния [IV, 82] можно заключать, что город, называвшийся впоследствии Тирой, носил некогда ионийское имя Офиусса. Археологические разведки и раскопки не обнаруживают на западном

берегу Нижнего Днестра и его лимана следов первоначальной греческой колонизации (рис. 11), но можно считать установленным, что на восточном берегу последнего уже в VI в. до н. э. сложилось греческое поселение городского типа у северной окраины села Роксоланы — по-видимому, город Никоний или Никония античных источников [136] — и ряд сельских поселений, известных главным образом по подъемному материалу [237]; из них наиболее изучены — по направлению с юга на север — Надлиманское VI [237, с. 113, № 56], Надлиманское III [210; 236; 237, с. 111, № 47], Маяки IV [237, с. 110, № 38] и Беляевка I [233; 237, с. 109, № 35]. Весь характер материальной культуры этих поселений свидетельствует о том, что они были населены греками, хотя лепная керамика указывает на присутствие среди их населения выходцев из среды скифских и гето-фракийских аборигенов [209, с. 160—163; 210, с. 20—21; 235, с. 93—94].

Из перечисленных поселений наибольшее значение имел в раннее время Никоний. Время его основания относится ко второй половине VI в. до н. э. [29, с. 14, прим. 9; 268, с. 3, 20]. Уже в ближайшие десятилетия после основания Никоний поддерживал связи с центрами Средиземноморья, и ионийский характер находок позволяет высказать предположение о том, что он был заложен милетянами [266, с. 94—95; 268, с. 8—9]. Ранний Никоний занимал небольшую площадь, часть которой разрушена абразией. Население жило в небольших, углубленных в землю жилищах, и в его занятиях немалую роль играли земледелие, скотоводство и рыболовство, но горожане вели торговлю с центрами Ионии, Атикой и поддерживали отношения с местными племенами [29, с. 15—17, 268, с. 7—11].

Около середины V в. до н. э. в жизни Никонии намечаются изменения — в городе развивается каменное строительство, возводится оборонительная стена. В конце V—IV в. до н. э. город, терри-

* В истрианах видели иногда граждан города Истрии [91, с. 52; 452, с. 118] и соответственно этому считали ΙΣΤΡΙΑΝΩΝ ΑΙΜΗΝ поселением, основанным переселенцами из Истрии [472, с. 55—56]; им же приписывали и основание Никонии [275, с. 55—56]. Однако единственным указанием на связь Истрии с областями, расположенными к северо-востоку от устьев Дуная, являются монетные находки [111, с. 104—111; 112, с. 67; 453, с. 151—154; 484, с. 27, 251]; предполагать на этом основании широкую колонизационную деятельность истрийских граждан слишком рискованно. Следует поэтому согласиться с мнением В. Пырвана [467, с. 51] и других ученых, считающих истриан одним из северных гето-фракийских племен [43, с. 86—87; 220, с. 125; 317, с. 59—60; 346, с. 86—87; 473, с. 130; 533, с. 114, прим. 4].

Если оставить в стороне оба предположения *, возникновение Тиры как милетской апоккии во второй половине или в конце VI в. до н. э. представляется наиболее вероятным. Это не означает, будто Тира была с самого начала городом и тем более будто она являлась самым значительным из ионийских поселений Нижнего Поднестровья. До тех пор, пока древнейшие слои города не будут открыты, нельзя исключить предположение о том, что ведущая роль во всем этом регионе и даже «первые полисные функции» принадлежали Никонию [29, с. 15; 255, с. 8].

Неизвестность ранней истории Нижнего Поднестровья влечет за собой и другие предположения. Видя в Офиуссе отдельное от Тиры поселение, возникшее уже «после водворения милезийцев в Никониуме» и находившееся на острове, образованном двумя протоками Днестровской дельты или Днестром и Кучурганом, высказывали догадки о последующем переселении «греческих обитателей острова» на коренной берег, вновь основанное поселение получило название реки [56, ч. 1, с. 11—13]. В последние годы эта гипотеза была уточнена — переселение состоялось якобы «в организованном порядке», так что «на новом месте продолжала существование та же городская община, те же органы самоуправления», и именно это «дало основание источникам Плиния и Стефана Византийского свидетельство-

вать, что город Тиры раньше назывался Офиуссой» [30, с. 136]. По сравнению с такой детализированной картиной прежние догадки о том, что жители оставленной Офиуссы просто переехали в уже существовавшую Тиру или основали поблизости отдельное поселение, вскоре слившееся с нею [362, с. 22—23], подкупают своей простотой.

Касаясь всех этих домыслов, следует принять во внимание, что остров, существовавший в I тысячелетии в устьях Днестра, был мало пригоден для хозяйственной деятельности и вообще для постоянного проживания сколько-нибудь многочисленного населения — вряд ли ландшафт местности отличался от современных плавней Дунайской дельты, значительная часть которых представляет озера, заросшие водной растительностью. Вдоль существующих в настоящее время и вдоль заброшенных русл реки тянутся полосы суглинистой суши шириной от 100 до 250 м, а параллельно морскому краю дельты проходят повторяющиеся серии песчаных береговых валов, образовавшихся в различные стадии ее формирования [239; 257]. Не лучше приспособлена для жизни и расположенная вдоль Нижнего течения Днестра заросшая камышом и кустарниками, прерываемая мелкими озерами и протоками днестровская пойма [160; 342]. Предположение о существовании в подобных условиях поселения городского типа не поддается проверке и не слишком вероятно. Располагая при этом указанием Плиния [IV, 82], разъясняющего, что город, носящий имя известной (clagus) реки Тираса, находится на месте, где, как говорят, прежде была Офиусса (ubi antea Ophiussa dicebatur), было бы трудно согласиться, что Тира и Офиусса были разными городами — ведь многие центры античного Причерноморья носили наряду с официальным именем еще и другое, применявшееся преимущественно в метрополии (Дионисополь — Круны, Пантикапей — Боспор, Ольвия — Борисфен) и весьма вероятно, что раннее название Офиусса

* А. С. Русаева вообще ничем не подкрепляет свою гипотезу; В. П. Яйленко опирается на граффито [340, с. 11, табл. I, 34; 80, с. 113], которое он читает КААРАЕ — «отличная ягода» — и на основании формы прилагательного относит к эолийскому диалекту. Другим доводом является сопоставление Гермонактовой деревни в устье Тираса с боспорским городом Гермонассой, об основании которой эолиями под руководством митилеца Семандра сообщает Арриан (§ 80). Однако издатели тирасского граффито читают его как личное имя Халаракт, и даже видя в первом знаке *kalpu* и отделяя два первых слога в качестве прилагательного, в форме последнего можно узнавать как эолизм, так и доризм; антропонымы же Гермонакт и Гермонасса не принадлежат к числу эолийских.

существовало в течение продолжительного времени параллельно с именем Тира.

2. Социально-экономический строй ранней Тире. Составить конкретное представление об общем облике и хозяйственном развитии Тире в начальную пору ее существования нелегко из-за недостаточности археологических материалов. Учитывая отмечаемые древними авторами богатства края (ps. Scyml., v. 798—800; ps. Arr., § 88), есть все основания признать, что хлебопашество, скотоводство, эксплуатация рыбных богатств, а в дальнейшем садоводство и виноградарство были главными занятиями населения Нижнего Поднепровья еще в ту пору, когда ремесленное производство делало только первые шаги [45, с. 182; 104, с. 135—136; 116, с. 64—67; 119, с. 63—64]. Вместе с тем находки импортной керамики и монет позволяют предполагать, что во второй половине V в. до н. э. Тира идет по пути превращения в торговый центр [306, с. 42]; аналогичный характер имело в это время и хозяйство Никония [29, с. 15—16; 263, с. 9—10, 13—14].

Упомянутые находки происходят из перемещенных слоев, но в своей совокупности очень представительны. Это обломки пухлогорлых хийских амфор [262, с. 53—54], фрагменты аттических чернолаковых солонок [267, рис. 1, 6], чаш [267, рис. 4, 1, 2, 4, 7; рис. 5, 1, 6, 7, 10; рис. 6, 11], скифосов [267, рис. 2, 11; рис. 6, 10], тарелок [267, рис. 2, 8—10]; на некоторых обломках читаются пропапанские надписи [351, рис. 1, 27—29; рис. 2, 44; 353, с. 109, рис. 17, 18, 20]. Известны также находки фрагментов краснофигурной афинской керамики [64, рис. 1, 1—3]. Большая часть аттической керамики относится ко второй половине V в. до н. э., однако в Тире зарегистрированы солоны [262, рис. 1, 5, рис. 2, 2] и скифосы не только второй четверти этого века [262, рис. 2, 6, 7; рис. 6, 9], но и последней четверти VI в. до н. э. [262, рис. 6, 8]. По публикациям

известны из Тире ионийский светильник VI в. до н. э. [462, с. 589, рис. 99], фрагмент ручки ионийского кувшина того же времени [306, с. 41], черепки ионийской керамики [330, с. 100; 460, с. 383—384]. Фрагменты ионийских светильников хранятся в Белгород-Днестровском музее, а обломки ионийской и хийской керамики не раз встречались в ходе раскопок. Перечисленные находки опровергают утверждение, будто торговля Тире с Афинами начинается только в конце V в. до н. э. [52, с. 118, 147, 151—152] и показывают, что если массовое поступление аттической керамики в Ольвию началось еще в VI в. до н. э. [52, с. 38—44], то в Тире, как и в Истрии, этот процесс начинается после решающих побед афинян над персами [398]. При раскопках Тире неоднократно отмечались находки литых бронзовых монет Истрии [330, с. 100; 101, с. 62, рис. 5; 102, с. 117], датированных второй половиной V — первой половиной IV вв. до н. э. [484, с. 35—36]. Отдельно следует назвать происходящий из Тире серебряный диобол одрисского царя Спарадоха, чеканенный в 40-х годах V в. до н. э. [98, с. 115, табл. VIII, 14—15]. Все это убедительно доказывает, что город не только существовал в V в. до н. э., но и проявлял немалую экономическую активность.

Имеющиеся источники не дают возможности определить социальный состав первых поколений населения Тире, но она подобно другим античным центрам, сформировалась как рабовладельческий полис, в котором «различия классов фиксировались в сословном делении населения, сопровождалось установлением особого юридического места в государстве для каждого класса» [12, с. 475—476; 13, с. 311, прим.]. Особенности общественно-политического устройства Тире в VI—V вв. до н. э. неизвестны, но поскольку в других милетских апонийских регионах в начале их существования власть находилась в руках олигархов [43, с. 49—51; 473,

с. 178—181] и гражданскими правами пользовались, по словам Аристотеля [Pol., VIII/V, 5, 2], «лишь очень немногие», так что даже состоятельные люди (ΕΥΠΟΡΟΙ) не могли занимать никаких должностей, следует считать вероятным, что и в Тире с ее аграрным профилем хозяйства долго сохранялись олигархические порядки. Отсутствие источников не позволяет решить, была ли тирасская олигархия свергнута, как в Аполлонии, в результате борьбы граждан против знати, расширившей общественное добро [Agist., Pol., VIII/V, 5, 7], или, как в Истрии, постепенное расширение круга граждан «обратило в конце концов олигархию в демократию» [ibid., VIII/V, 5, 2] и предшествовала ли, по примеру Ольвии, утверждению демократии тирании [512, с. 170; 526, с. 25—26; 70, с. 107], но в следующем периоде Тира обладает признаками демократического государства в античном смысле этого термина [§ 7, 1].

3. Исторический очерк ранней Тир. Конкретные события политической жизни Тир в VI—V вв. до н. э. могут быть намечены только предположительно, и о том, к примеру, какова была судьба города во время похода Дария против скифов [311] нет данных. Высказывались, правда, соображения о том, что в результате похода, который относят к предпоследнему десятилетию VI в. до н. э. [103, с. 371—373, прим. 638], греки Западного и Северо-Западного Причерноморья были вынуждены признать власть Персии и оставались в зависимости от нее до афинских побед в годы греко-персидских войн [527, с. 68—70], и даже были сформулированы догадки о том, что в борьбе скифов против персидского нашествия роль организаторов принадлежала причерноморским грекам [35, с. 77], а сам поход был направлен против античных городов Причерноморья [255, с. 7], но достоверность таких гипотез не более убедительна, чем предположений о разрушении Истрии при скифском

нашествии, последовавшем вслед за поражением Дария [527, с. 162—163; 373; 397]. По-видимому, единственное, что можно утверждать, это то, что поскольку при личной оценке маршрута персов * Тира находилась в зоне военных действий, она была, вероятно, вынуждена признать в конце VI в. до н. э. зависимость от власти «великого царя царей», которая, впрочем, вряд ли была прочной и продолжительной: согласно Геродоту после поражения Дария скифы пытались заключить союз со Спартой [VI, 84, 2] и около середины 90-х годов V в. до н. э. [527, с. 105—106] или даже раньше [299] перешли Дунай и дошли до Галиполийского полуострова.

Усиление политического влияния скифов после изгнания Дария сопровождалось их наступлением на греческие города — к началу второй четверти V в. до н. э. исчезают поселения обширной ольвийской хоры [148, с. 7, 11], замирает жизнь на ранних поселениях восточного побережья Нижнего Поднестровья [207, с. 53—54; 208, с. 198—199]. Это приводит к установлению скифской власти над Никоном: здесь появляются литые монеты с изображением совы и с буквами ΣΚΥ и ΣΚ **, то есть начальной частью имени упоминаемого Геродотом [IV, 78—90] царя Скила. Реальность этого царя, подтвержденная находкой принадлежавшего ему перстня в окрестностях Истрии [70], не

* Специалисты расходятся в интерпретации имеющихся источников, и если одни полагают, опираясь на Геродота, что Дарий дошел до восточных пределов Скифии и во всяком случае до Азовского моря [256, с. 175—181; 311, с. 6, 23—28], то другие вслед за Страбонам утверждают, что все события этого похода разыгрались в степях Бессарабии [35, с. 76—77; 70, с. 107, прим. 97]; некоторые считают этот вопрос неразрешимым и несущественным [83, с. 15].

** Речь идет о литых «ассах» [131] и мелких литых «колесиках» [111, с. 109]. При первых находках таких монет в Никонии сохранность найденных экземпляров не позволила заметить, что в первом случае над спинкой совы читаются буквы ΣΚΥ, а во втором в поле монеты написано не ΙΣΤ, а ΣΚ.

вызывает сомнений: монеты доказывают, что он осуществлял контроль над Нижним Поднестровьем. Распространялась ли власть Скила также на Тир — неизвестно.

Изображение совы на монетах Скила указывает на ту роль, которую играют Афины на Черном море после решающих побед над персами в 490 и 480—479 гг. до н. э. С этого времени резко возрастает поступление аттической керамики, которое началось еще в VI в. до н. э. [52; 398]. Однако вопрос о том, являлись ли греческие города Северо-Западного Причерноморья — а среди них Тира и Никоний — членами Афинского морского союза, остается сложным и запутанным. Относительно Никония это считал возможным еще У. Келер, впервые издавший очень поврежденную надпись — список денежных взносов афинских союзников в 425/424 гг. до н. э. [441, с. 74—75, 167]; многие историки распространяли эту догадку на Тир и Ольвию [434, с. 189; 446, с. 195; 447, с. 324—329; 449, т. 1, с. 556—558]. Речь идет о трех небольших обломках мраморной плиты, составлявших четвертый столбец списка, озаглавленный [ΠΟΛΕΣ] ΕΚ ΤΩ ΕΥ[ΧΣΕΙΝΟ], «города на Эвксине»; попытка оспорить это чтение несостоятельна [447, с. 328, прим. 5]. Уцелевшие на одном из принадлежащих к этому столбцу (frg. 40 по Меритту и Уэсту) [448, с. 68—69] буквы ΤΤ ΤΥ... (lin. 523) и ...ΧΧ ΝΙΚ... (lin. 527) читаются обычно ΤΤ ΤΥ[ΡΑΣ?] и [Χ]ΧΧ ΝΙΚ[ΟΝΙΑ?] [16, с. 237—239; № 1; 128, с. 124—125, № 22; 449, т. 1, с. 157, А—9; т. 2, с. 43].

Принимая приведенные дополнения, пришлось бы согласиться, что города Нижнего Поднестровья входили в начале последней четверти V в. до н. э. в состав Афинской державы и платили соответственно своим возможностям форо в размере двух талантов (Тира) и 3000 драхм или половины таланта (Никоний). Подтверждает это предположение широкое распространение и длительное бытование в Тире культа Афи-

ны. засвидетельствованного памятниками на протяжении едва ли не всего периода существования города, а также то, что изображение совы на монетах ставит Тир в число городов, особенно близких Афинам [285, с. 127—128]. Нельзя, однако, упускать из виду, что и текстологическая, и историческая интерпретация фрагментов списка членов Афинского союза за 425/424 г. до н. э. сталкивается со многими трудностями [110, с. 181—182; 130, с. 57—62], а традиционные дополнения ΤΥ[ΡΑΣ?] и ΝΙΚ[ΟΝΙΑ?] являются не более чем издательской конъектурой. Но при всем этом полный и безоговорочный скептицизм по отношению к самой возможности вхождения любого из северопонтийских городов — и, в частности, Никония и Тира — в число членов Афинского союза не представляется оправданным. Не останавливаясь на том, что есть достаточные основания предполагать, что Истрия и Ольвия вступили в политический контакт с афинянами во время экспедиции Перикла в Понт (около 437 г. до н. э.) и были включены в состав Афинского морского союза*, другой обломок того же списка (frg. 38) называет среди городов, вносивших в 425/424 гг. до н. э. форо в афинскую казну, два причерноморских центра — Гераклею Понтийскую на южном побережье и Аполлонию на западном [448, с. 88—89; 449, т. 1, с. 539], а на том же обломке, на котором предположительно читаются имена Тира и Никония, находилось, по-видимому, также и имя Каллатии (frg. 525); взнос ее составлял половину таланта [474, с. 329—330].

* Д. Пиппиди считает это вполне вероятным для Истрии [473, с. 181—183; 474]; соответствующие соображения об Ольвии высказывались В. В. Латышевым [191, с. 45—47], Э. Миннзом [452, с. 458, 639] и другими исследователями. Высказывавшиеся возражения [52, с. 74—75] не достигают цели, так как независимо от того, происходит ли из Ольвии обломок стелы с афинским законом о деньгах, совокупность других данных приводит к тому же заключению [43, с. 67—73; 130, с. 57—62, 71—82; 434, с. 189; 446, с. 195; 447, с. 324—329; 449, т. 1, с. 556—558].

ТИРА В ПОЗДНЕКЛАССИЧЕСКОЕ И РАННЕ- ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ (IV — первая половина III в. до н. э.)

§ 6. Археологические памятники и экономика Тира

1. Остатки оборонительной системы. К середине IV в. до н. э. северо-восточный район Тира был уже огражден с юга оборонительными стенами и тесно застроен жилыми домами. В III в. до н. э. строительство распространяется далее к юго-востоку и снова ограждается с юга линией оборонительных стен (рис. 8). При этом обращают на себя внимание высокая плотность городской застройки [186, с. 82], а также ее регулярный характер.

Один из ранних участков оборонительной стены античной Тира был открыт на ЦР в слое римского времени, когда эта стена (№ 72), усиленная дополнительным каменным панцирем (№ 234), превратилась в северную куртину цитадели, занятой римским гарнизоном (§ 15, 2). Она ориентирована по направлению северо-восток—восток—юго-запад—запад; длина трех сохранившихся и разделяемых разрушенными участками отрезков составляет около 42 м, толщина достигает 2,2 м (рис. 12). На юго-западе к куртине (№ 72) примыкает прямоугольная башня (№ 330), фланкирующая ее и указывающая напольное направление данного участка оборонительных сооружений; на северо-запад под прямым углом продолжается другой отрезок этой же стены (№ 231). Уходящие в западный борт раскопа кладки рассматриваемого узлового сооружения указывают на вероятность

продолжения линии обороны дальше на запад [156, с. 77—80, рис. 1], а еще ранее открытый на обрыве к лиману участок стены [460, с. 383—384, рис. 2] был, по всей вероятности, ее продолжением на восток. Планировочная и строительная связь куртины (№ 72) с расположенными внутри защищаемого ею пространства памятниками эллинистического времени, близкий характер системы кладок и стандарта обработки камней в куртине и подвалах первого строительного периода (см. ниже), а также тождество вещевого материала в зоне оборонительных сооружений и жилого комплекса позволяют относить возведение и перестройку оборонительных стен в этой части города к IV—III вв. до н. э.

Упомянутая прямоугольная башня (№ 330) пристроена впритык к южному фасаду куртины (№ 72) еще до ее усиления панцирем. Восточная часть башни открыта, западная уходит в борт раскопа, и дальнейшее исследование этой части башни в ближайшее время невозможно. Башня выступает за южный фасад куртины (№ 72) на 7 м; ее внешние стены — восточная и южная — вдвое толще внутренних — толщина первых 2,6—2,4 м, вторых 1,3—1,2 м (рис. 13). Все стены выложены наспех в рядовой постелистой системе из слабо обработанного разномерного камня небольших размеров и более крупных плит вторичного использования. Заполнение башни на уровне дневной поверхности эллинистического времени не содержало на-

ходок первых веков н. э. — здесь преобладали фрагменты керамики III—II в. до н. э., однако амисенская монета времени Митридата Евпатора уточняет дату перехода оборонительных функций прямоугольной башни к круглой башне (№ 68) и передвижению линии обороны к другой куртине (рис. 13).

В первом строительном периоде куртина (№ 72) имела цокольную часть, возведенную на фундаменте. Первый наземный ряд кладки отступает от среза вертикальной плоскости фундамента на 0,085—0,1 м, а два верхние ряда — еще на 0,05 м, четко выделяя таким образом цокольный ряд стены (рис. 12). Наибольшая высота сохранившихся ее частей (с фундаментом) 3,23 м.

Фундаментная часть куртины (№ 72) трехслойная; внешние слои сложены из необработанных плит и блоков, наиболее крупные из которых достигают 1,6 м в длину и 0,41 м в высоту. Верхняя плоскость горизонтального среза фундамента выровнена под кладку цокольного ряда стены. Внешние слои фундамента выложены по рядовой однорядовой постелистой ложковой системе общей высотой 1,78 м. Средний слой фундамента представляет собой заполнение из глины с бутовым камнем. Подошва фундамента лежит на слое красновато-коричневого материкового песка.

Покоящаяся на фундаменте стена построена из твердого светло-серого ракушечника и является двухлицевой трехслойной кладкой. Северный фасад ее выложен в рядовой однорядной орфостатной системе с выходом на фасад чередующихся двух-трех плит постелью и одной тычком (рис. 12). Тычковые плиты заходят в средний слой — забутовку из глины и необработанных камней — до половины и даже до трех четвертей толщины стены. Плиты кладки хорошо обработаны, точно подогнаны по месту и четко выкадрованы. Длина фасадных орфостатных плит колеблется от 1,8 до 1,1 м, высота рядов выдержана во всех трех сохранившихся наземных

Рис. 12. Фрагмент кладки куртины (№ 72) оборонительной стены Тире раннеэллинистического времени.

рядах на всем их протяжении (в цокольном и первом рядах — 0,42 м, во втором — 0,65 м). Толщина плит варьирует в пределах от 0,35 до 0,2 м. Наземная кладка выложена на тонком глиняном растворе или почти насухо с толщиной швов, не превышающей 0,01—0,005 м.

Описанная куртина (№ 72) поворачивает в юго-западной части на северо-запад под прямым углом к своему первоначальному направлению (рис. 13). В своей прежней системе она сохранилась только на 1,8 м по восточному фасаду и на 1,3 м по западному (кладка № 235), а далее открывается ее перестроенный участок (№ 231). По восточному фасаду он сложен в однорядной постелистой системе из мелких, слабо подтесанных камней, по западному — в орфостатной системе из крупных блоков. На расстоянии 11,3 м от поворота этот отрезок (№ 235 и 231) подходит вплотную к пересекающей его ось южной стене второго узлового сооружения (кладка № 395). Толщина указанного отрезка стены (№ 235 и 231) остается прежней (2,15—2,05 м), но толщина кладки, на которую она выходит (№ 395) не превышает 1,6 м [184, с. 42, рис. 22]. Однако южная фасадная сторона менее мощной стены (№ 395) по характеру системы ее выкладки и по обработке прямоугольных выходящих на фасад постелью плит близка кладке куртины (№ 72) первого строительного периода.

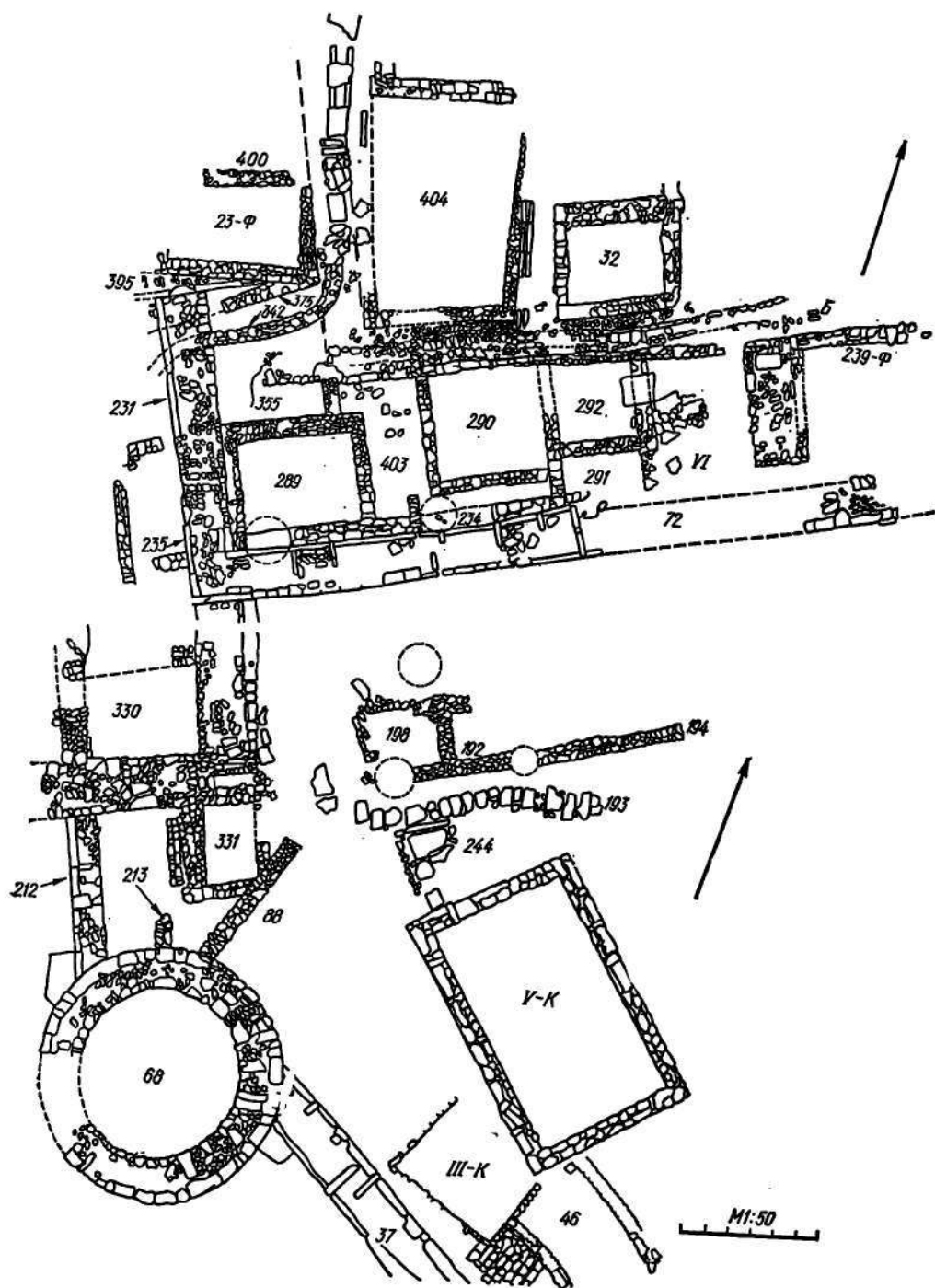

Рис. 13. Обмерный план жилых комплексов и оборонительных стен на Центральном раскопе (раскопки 1962—1979 гг.).

Южная стена узлового сооружения (№ 395) прослежена на расстоянии около 7 м. Она в свою очередь смыкается своим восточным концом с западным фасадом сохранившегося на протяжении 10 м самого древнего участка оборонительной стены (№ 409); западный ее конец уходит в борт раскопа. Стена (№ 409), образующая восточную границу предполагаемого узлового сооружения, использована с этой целью не полностью. Южная ее оконечность (длиной 3 м) от стыка с южной стеной упомянутого сооружения (№ 395) осталась вне его пределов и во втором строительном периоде не нашла применения. В первом строительном периоде юго-восточный ее конец входит в стенку одного из подвальных помещений (№ 355) дома (№ VI), построенного позднее оборонительной стены, в III в. до н. э. (§ 6, 2). Разобранная до уровня своих нижних рядов, эта оборонительная кладка была перекрыта остатками построек, сопровождаемыми керамикой III—II вв. до н. э. Подошва ее лежит на материковом песке, а два нижних фундаментных ряда углублены в культурный слой с керамикой конца V—IV вв. до н. э. Северо-западный край кладки обрывается — на протяжении 3 м она слегка расширена с восточной стороны и сюда же выходит каменный лоток со сливом ($0,3 \times 0,15$ м в сечении), расположенный на 0,6 м выше подошвы кладки. Слив указывает на уровень дневной поверхности, а направление вывода воды к востоку позволяет предполагать, что наполным был для этого отрезка стены его восточный фасад (рис. 15; 33).

Наиболее внушительным сооружением оборонительной системы Тира была круглая башня (№ 68). Она находится всего в 7,2 м от прямоугольной башни (№ 330) и соединялась с ней стеной (№ 212), имеющей толщину 1,3 м (рис. 14). Можно считать, что указанная стена относится к более позднему времени — ее подошва лежит на 2,8 м выше подошвы башни, а система кладки фасадов и размеры камней отличаются

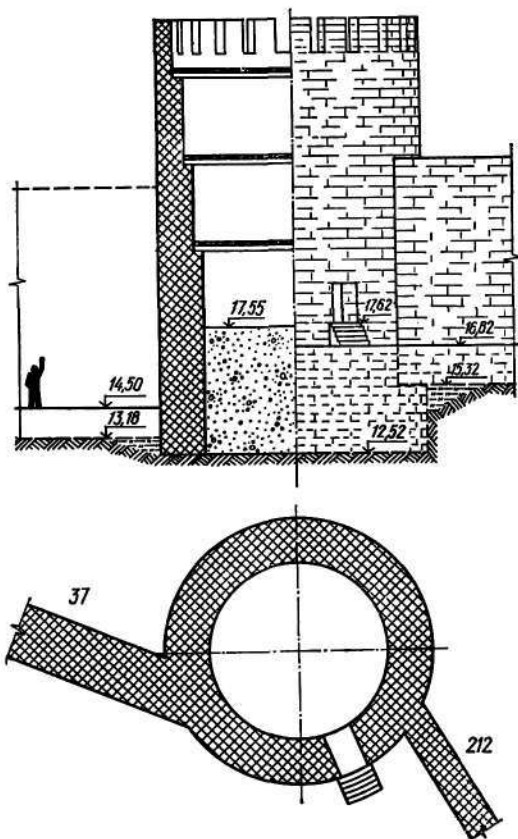

Рис. 14. Круглая башня (№ 68) и прилегающие куртины оборонительной стены (№ 37 и 212). Реконструкция архитектора Ю. А. Снядовского.

от соответствующих характеристик юго-западной куртины (№ 37), примыкающей к башне с юго-востока. Диаметр круглой башни 11,25—10,75 м, толщина стен колеблется от 2 до 1,65 м. Трехслойные стены башни выложены по рядовой однорядной постелистой ложковатой системе из местного ракушечника, наружный фасадный слой сложен из массивных, слегка выкругленных прямоугольных и трапециевидных плит размером от $1,5 \times 0,6 \times 0,5$ м до $0,5 \times 0,42 \times 25$ м; плиты имеют двустороннюю горизонтальную рустовку. Камни наружного фасада хорошо выкадрованы, плотно притесаны и уложены на глиняном растворе в ряды одинаковой

высоты, что придает башне архитектурную завершенность. Внутренний слой с.е.н выложен на глине по однорядной постелистой системе и хуже обработанных плит. Средний слой — бут на глине, куда впущены для связи отдельные плиты наружных слоев. Башня сохранилась на высоту 5,5—4,55 м от подошвы, лежащей на выровненной поверхности известняковой скалы [156, с. 80—82; 184, с. 34—38].

Как можно заключить на основании строительного паза на наружном фасаде башни и по примыкающим к ней в шурфе грунтам, дневная поверхность времени строительства башни находилась на расстоянии 2—1,7 м от ее подошвы, а на высоте примерно 4 м от последней в северо-западном секторе стены сохранился вход в башню, заполненную до такого же уровня утрамбованной глиной. Проем неширок (0,73 м), в его пороге имеются гнезда для крепления двери [184, с. 36, рис. 15].

После открытия башни было высказано предположение, что она первоначально служила маяком и только во втором строительном периоде была включена в систему оборонительных сооружений. Однако перед фронтом действующего узда обороны — прямоугольной башни (№ 330) — не могла быть поставлена на расстоянии 7 м высокая каменная башня, никак не связанная с этим узлом (рис. 13). Кроме того, выяснилось, что примыкающая с юго-востока к башне куртина (№ 37) относится к тому же строительному периоду. Целесообразность строительства столь мощного фортификационного сооружения с широким круговым обзором, соединяющего стены в пункте крутого излома линии оборонительных укреплений, становится легко объяснимой, если принять во внимание, что, вероятно, уже в первой половине III в. до н. э. началась застройка территории к юго-востоку от прежней границы города (куртина № 72, башня № 330). Это потребовало создания новой системы укреплений, главным звеном кото-

рой оказалась круглая башня (№ 68) с примыкающими к ней куртинами (№ 37, 318).

Юго-западная куртина (№ 37) сохранилась на протяжении 44,5 м. Кладка ее отличается монументальностью — фасады выложены по двухрядной орфостатной системе из массивных, достигающих в длину 3,5 м плит. Высота их доходила до 1,4 м, а толщина колебалась от 0,4 до 0,2 м. Не менее толстыми были и подстилающие постелистые плиты. Подошва куртины лежит на предскальной известняковой крошке и коричневом песке несколько выше подошвы башни, к которой она пристроена впритык, достигая в этом месте 4,5 м в высоту. Швы кладки в противоположащих фасадных рядах этой куртины немного смещены по уровню — такой прием обеспечивал прочность при таранных ударах. Толщина стены 2,25—2,2 м, ее надежность была велика — тычковые орфостатные плиты фасада заходили в забутовку на глубину 1,1—1,6 м. Такой же по конструкции была и южная куртина (№ 318), сохранившаяся на протяжении 14,5 м [184, с. 30—31, рис. 8—9].

Находки керамики эллинистического времени в шурфе на уровне фундамента башни; у стыка ее с юго-западной куртиной, наличие строительных остатков (кладка № 304) и сопровождающих находок III—II в. до н. э. у юго-восточного края этой же куртины (№ 37) дают основание считать, что город распространился на территорию юго-восточной части мыса еще в эллинистическое время (рис. 8). Однако только последующее изучение этой части городища позволит окончательно определить время заселения всей этой территории и назначение каждого из открытых участков стен. Пока раскопки эллинистического слоя не завершены, а открытая площадь представляет небольшую часть территории древнего города, возможны различные интерпретации звеньев оборонительной системы. Так, положение куртины (№ 72), прикрывающей с юго-

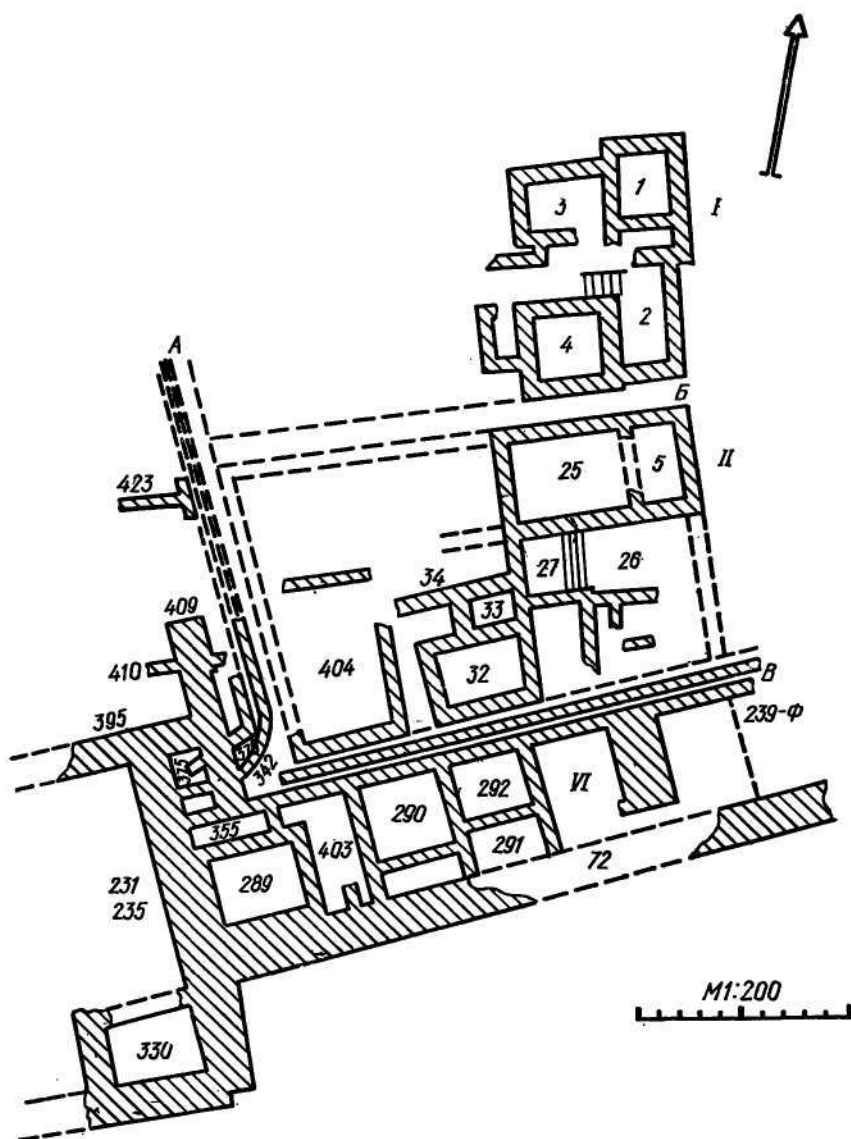

Рис. 15. Схематический план строительных остатков IV—II вв. до н. э. на Центральном раскопе.

востока жилые кварталы IV в. до н. э., может объясняться необходимостью обороны одного из новых районов городской застройки, но поворот этой куртины на северо-запад уже в первом периоде строительства в этом районе оборонительных стен плохо увязывается с представлением о том, что основная

территория древней Тиры помещалась на мысу, занятом в настоящее время цитаделью и примыкающим к ней двором средневековой крепости: продолжающаяся к северо-западу стена (№ 235 и 231) отделяет открытые постройки эллинистического времени от предполагаемых центральных районов города.

В настоящее время открыт лишь небольшой участок Тирь позднеклассического и раннеэллинистического времени, причем открыт не центральный район города, а новые кварталы, освоенные зажиточными горожанами только в IV в. до н. э. Здесь раскопан перекресток ул. Продольной I и Поперечной и частично изучены примыкающие дома.

2. Жилые кварталы. Прежде чем остановиться на описании домов Тирь IV—III вв. до н. э., необходимо отметить, что ошибочное предположение, будто тогдашние городские магистрали пересекались под острыми и тупыми углами [36, с. 315], основывалось на том, что в качестве эталона городской застройки рассматривался квартал, образованный разновременными улицами. На самом деле в эллинистическое время улицы Тирь пересекались, образуя прямоугольные кварталы (рис. 15).

Южной границей одного дома (№ II) служила ул. Продольная I (B), проложенная с юго-юго-запада на северо-северо-восток, то есть приблизительно параллельно переулку между домами I и II (B). Ул. Продольная I эллинистического времени (B) открыта на протяжении примерно 30 м, ширина ее 2—1,75 м. Под вымосткой открыт узкий водосток (ширина до 0,3 м), выложенный небольшими известняковыми плитками. С юга улицу ограничивает фасадная стена (№ 239) выходившего на нее дома (№ VI). На юго-западе открытого участка она пересекает под прямым углом ул. Поперечную эллинистического времени (A), лежащую под южной частью ул. Поперечной римского времени. На стыке с Продольной ул. Поперечная эллинистического времени ограничивалась с востока стеной крайнего юго-западного наземного помещения (№ 404) дома (№ II), а с запада сохранившейся частью еще одной постройки эллинистического времени. Ширина ул. Поперечной не превышает 2 м (рис. 15). В средней части улицы проходит водосток, перекрытый прямоугольными плитами, края ее вымощены мелкими камнями

или утрамбованной жерстью. Выявленная на протяжении 8 м, эта улица перекрыта на северо-востоке подсыпкой и плитами вымостки ул. Поперечной I римского времени; разница в уровне между ними достигает 1,35 м, а разница в направлении составляет 7°. При этом более ранняя улица отклоняется к западу — часть ее вымостки с примыкающей стеной (№ 423) зафиксирована западнее ул. Поперечной I римского времени.

К северу от ул. Продольной I и к востоку от ул. Поперечной эллинистического времени находились два дома. Судя по выходящему на перекресток названных улиц юго-западному углу одного из них и по прослеженному к западу от подвала (№ 25) продолжению его подвального и наземного этажей, дом (№ II) представлял в плане вытянутый в широтном направлении прямоугольник площадью около 360 м² (24 × 15 м). Вероятно и расположенный севернее, по другую сторону переулочка (B), второй дом (№ I) также выходил на ул. Поперечную (A). Третий дом (№ VI), более поздний, находился между куртиной оборонительной стены (№ 72) и ул. Продольная I (B), он также был вытянут по направлению с запада, где его ограничивала другая куртина (№ 235, 231) на восток, где граница его не установлена; можно предполагать, что он не выходил за линию восточных стен двух первых домов (рис. 15). Длина дома по фасаду, выходящему на ул. Продольная I, достигала примерно 30 м.

Каждый из трех домов имел жилые и хозяйственные подвалы и мощенные плоскими каменными плитками дворы, окруженные наземными помещениями. Помещений производственного назначения в этих домах нет, жилые помещения довольно просторны (от 12 до 20 м², а в двух случаях до 30 м²). Высота подвального этажа достигала 2—2,5 м. Полы подвалов глинобитно-земляные. Наземные помещения имели деревянные дощатые полы, опиравшиеся

на балки. Кровли всех этих домов, судя по завалам, были черепичными, причем в двух первых домах (№ I и II) широко использовались импортные керамиды. В одном из наземных помещений (№ 27) найдено около 4000 крупных черепичных обломков, причем на 40 из них сохранились синопские астиномные клейма двух первых хронологических групп [310, с. 6]. Как и в других крупных античных центрах, в Тире при строительстве использовались архитектурные терракотовые украшения крыши — здесь найдены фрагменты фронтальных черепиц, орнаментированные овами и меандровым узором (рис. 16, 1—2).

В первом строительном периоде стены жилых подвальных помещений были выложены на тонком глиняном растворе из правильно выкадрованных и тщательно пригнанных по месту плит и блоков плотного известняка (рис. 17) (длина 0,55—0,8 м, высота 0,25—0,15 м). Толщина стен 1—0,65 м, а их внутренний фасадный слой выложен в однорядной постелистой ложково-тычковой системе. Высота рядов кладки выдерживалась на всем протяжении; стены, как правило, связывались впереплет. Такая строительная техника характерна для жилых построек IV в. до н. э. и более раннего времени [305, с. 124; 186, с. 41, 75].

Кладка стен во втором строительном периоде (III—II вв. до н. э.) изменилась. Во многих случаях они сложены в той же манере, что и поздний участок оборонительной стены (№ 231), то есть из разноразмерных, плохо подогнанных по месту плит и блоков среднего размера (0,36 × 0,25 м по фасаду). Горизонтальность рядов кладки не выдерживалась, между блоками встречался мелкий бутовый камень. Толщина стен уменьшается, не достигая в отдельных случаях 0,4 м [305, с. 126].

В обоих строительных периодах помещения подвального этажа иногда сообщались неширокими (до 1,25 м) дверными проемами; в некоторых подвалах имелись каменные лестницы, ведущие в

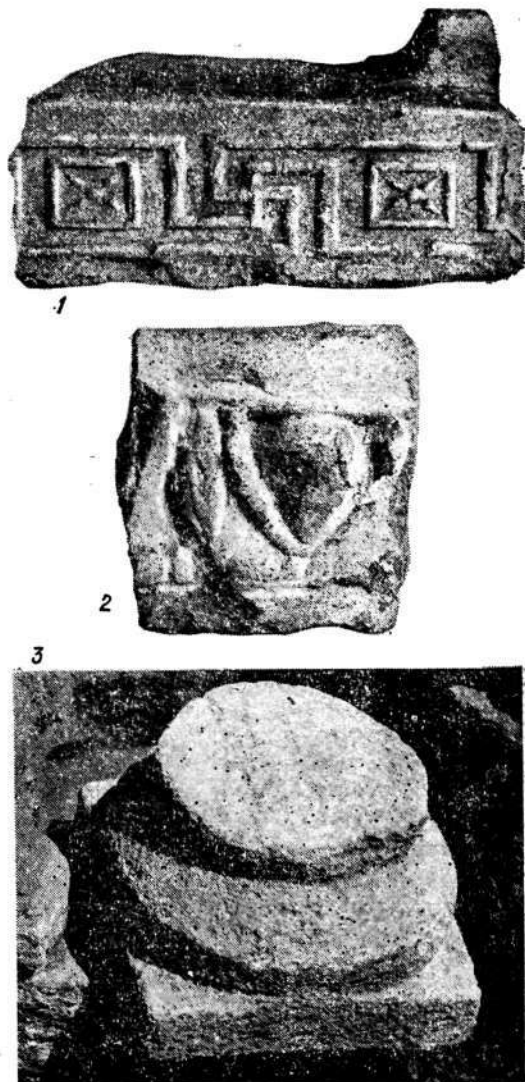

Рис. 16. Архитектурные детали IV—II вв. до н. э.:

1—2 — обломки торцовых черепиц; 3 — деталь колонны (известняк).

наземные помещения: семь ступеней подобной лестницы сохранились в одном из помещений (дом № I, помещение № 2—305, с. 129, рис. 5). В других случаях использовались деревянные лестницы. В стенах имелись порой полукруглые (подвал № 2) или прямоугольные ниши (подвал № 5). Подваль-

Рис. 17. Подвальное помещение (№ 25) дома (№ II) IV в. до н. э. Раскопки 1959—1960 гг.

ные помещения обычно прямоугольные; все они впущены в вырубленные в известняковой скале котлованы.

Из наземных помещений этих зданий хорошо сохранилось и полностью открыто одно помещение (№ 27), частично — смежные с ним (№ 34 и 404). Площадь первого 11,4, второго 18,2 м². Кладка их стен небрежная, но судя по тому, что в заполнении первого помещения (№ 27) под рухнувшей крышей обнаружены расписная штукатурка и имитирующие мрамор облицовочные плитки, кладка здесь была полностью скрыта. Роспись наземных (возможно, и некоторых подвальных) помещений в домах зажиточных жителей Тире эллинистического времени имеет аналогии в декоре интерьеров богатых домов Ольвии и составляет характерную черту

периода высшего расцвета домостроительства в античных городах Северного Причерноморья [186, с. 78].

Заполнение описанных домов однородно и состоит из нескольких слоев засыпи (с остатками черепичной кровли), образовавшейся в период, предшествующий разрушению, а также во время его и в последующие столетия. Дата строительства двух первых домов дается клеймами синопских астиномов на черепицах — они относятся к 360—320 гг. до н. э. Наиболее поздние находки на полу помещений датируют время их разрушения концом II — началом I в. до н. э. В засыпи помещений имеются поздняя аттическая керамика и обломки лепной гето-фракийской посуды, а также гераклейских, синопских и фасосских амфор. В следующем строи-

тельном периоде они сменяются столовой керамикой, изготовленной в центрах Западного и Северного Причерноморья, — обломками пергамских сосудов с рельефным орнаментом, фрагментами родосских и херсонесских амфор, причем последние материалы преобладали в местах с малоперемещенными напластованиями или встречались на уровне полов помещений второго строительного периода [305, с. 124—125; 308, с. 58—62; 310, с. 8—14].

В последние годы на ЦР открыты остатки строительного периода, предшествовавшего первому из охарактеризованных выше; они отличаются монументальностью и завершенностью. Это относится прежде всего к углу постройки из хорошо обработанных и тщательно подогнанных плит и блоков, выявленному под одним из наземных помещений дома (№ VI). Цоколь постройки залегал вместе с обломками чернолаковой керамики V—IV вв. до н. э. на уровне фундамента, расположенного вблизи участка оборонительной стены (№ 72); таким образом, открытая постройка предшествовала и дому, и стене. К этому же слою относятся, по-видимому, открытые в 1940 г. в северной части ЦР прямоугольные, обмазанные глиной ямы [159]; они предшествовали строительству возведенных здесь впоследствии раннеэллинистических домов (№ I—II). В заполнении ям находились обломки чернолаковых киликов конца V в. до н. э. с тисненным орнаментом. Обломки чернолаковой керамики V—IV вв. до н. э. были обнаружены ниже уровня полов помещений дома (№ II), построенного во второй половине IV в. до н. э. Наконец, в 1919 г. на обрыве от гласиса к лиману был открыт угол какого-то каменного здания в сопровождении обломков ионической и аттической посуды [460, с. 384]. К сожалению, находка описана настолько кратко, что дата строительства не может быть установлена; открытое строение, скорее всего, также относится к V в. до н. э.

3. Земледельческие поселения тирасской хоры. Характерной чертой античных городов, основанных, по выражению К. Маркса, «на земельной собственности и на земледелии» [3, с. 470], было неперемнное наличие сельскохозяйственной округи, разделенной между гражданами либо используемой гражданским коллективом каким-либо иным способом. Конкретные формы землепользования граждан Тиры, виды сельских поселений, характер и масштабы применения рабского труда в сельском хозяйстве не изучены, приходится только констатировать, что на правом берегу современных Днестровского и Будаковского лиманов существовал ряд поселений, тянувшийся от с. Удобное, в 30 км к северо-западу от райцентра, до с. Приморское, в 35 км к югу: на этом пространстве зарегистрировано к настоящему времени два с половиной десятка поселений (рис. 11), на которых обломки амфорной тары встречаются вместе с лепной посудой гето-фракийского облика; на многих поселениях встречаются черепки чернолаковой и красноглиняной посуды, даже остатки кладок [237].

Находки тирасских монет второй половины IV — первой половины III в. до н. э. (в том числе серебряной драхмы на виноградишке у с. Шабо — рис. 21, 2) позволяют видеть в этих поселениях тирасскую хору [306, с. 43]. Из их числа систематически раскапывалось в 1960—1962 гг. лишь поселение у с. Пивденное, расположенное в 17 км к северу от Тиры, на высоком береговом обрыве лимана. Здесь были открыты остатки наземных жилищ с глинобитными стенами на каменных фундаментах, много кружальной и лепной посуды [259], причем среди греческих амфор преобладают фасосские и гераклейские [258], а среди лепных сосудов ведущая роль принадлежит фракийской керамике [206, с. 74; 207, с. 45; 208, с. 193]. Связь этого поселения с Тирой подтверждается находкой бронзовой монеты IV в. до н. э. [37].

К IV—III вв. до н. э. относится и существование ряда поселений на левом берегу Днестровского лимана и нижнего течения реки; в них видят хору Никония [36, с. 318]. Из их числа раскапывались городище у с. Надлиманское [274, с. 189—196; 95; 97], а также поселение и могильник у с. Николаевка [208], причем изучение строительных остатков и керамики показывает, что по крайней мере оба раскопанных памятника не могут рассматриваться как чисто греческие. Для кладки стен здесь применялся рваный известняк, черепица для кровель не применялась; на поселениях отсутствуют монеты, а импортная керамика представлена обломками амфор. В то же время в Надлиманском и Николаевке встречено много лепной керамики скифского вида [207, с. 40—46, 53].

4. Хозяйство и торговля Тирасского полиса. Земледельческий характер производства жителей раскопанных поселений эллинистического времени на обоих берегах лимана и значительный удельный вес сельского хозяйства в экономике Тиры и Никония не вызывают в настоящее время сомнений, но из этого не следует, что в этих городах не существовало ремесленного производства. Что касается Тиры, то остатки оборонительных сооружений и жилых домов указывают на достигнутый к IV в. до н. э. высокий уровень строительного дела, а также на немалые материальные возможности отдельных горожан и всего коллектива граждан. Основная часть оборонительных объектов выстроена без поспешности, так что внимание архитекторов уделялось не только функциональной добротности стен и башен, но и их соответствию определенным эстетическим требованиям. Такое строительство предполагает крупные затраты средств и рабочего времени, а также наличие в городе многочисленных и квалифицированных строителей. Наконец, если даже согласиться, что в Тире резчики штемпелей и монетчики были, как полагал А. Н. Зограф, специально

1

Рис. 18. Клейма на ручках амфор IV—III вв. до н. э.:

1 — Фасос; 2 — Родос.

приглашенными иноземцами [121, с. 124—125], нет сомнения, что здесь действовал монетный двор, эмиссии которого хоть и были невелики по объему, но отличались «тщательным и в большинстве случаев изящным стилем» [121, с. 125].

В интересующее нас время Тиры была тесно связана с миром Средиземноморья, с одной стороны, и с племенами Поднестровья, с другой. Так, утраченный перипл III или даже IV в. до н. э., обрывки которого сохранены в приписанной Арриану поздней компиляции, сообщает точные расстояния между устьями Днестра и Днепра (810 стадиев), а также от первого из этих пунктов до

Херсонеса Таврического (4110 стадиев) и до устья Дуная (750 стадиев). Существование такого перипла предполагает, по всей вероятности, регулярное движение торговых судов по указанным направлениям [393, с. 1860—1861]; об оживленных связях заставляет думать и весь комплекс эпиграфических свидетельств, доказывающих, что ольвиополиты принимали в IV—III вв. до н. э. декреты в честь граждан Истрии [17, № 7; 15], Каллатии [23, № 27] и Херсонеса [17, № 3 + 12; 26; 28 + 29]. Истриане в свою очередь почтили надписью гражданина Каллатии [22, № 9], а каллатийцы — херсонесита [16, с. 256, № 26]; известен и фрагмент декрета херсонеситян в честь ольвийского гражданина [23, № 345]. Оживленные связи между греческими городами региона [127; 133; 282; 475; 476, с. 32—56] трудно представить себе без участия Тиры [269, с. 94—96]. Это подтверждает каллатийский декрет первой половины III в. до н. э. в честь неизвестного по имени гражданина Тиры: ему дается право гражданства, проксения и другие обычные в таких случаях привилегии [478, с. 123—126, табл. X; 1; 135, с. 149—152]. Другой тирасский гражданин того же времени известен по процарапанной на обломке амфорной стенки надписи, свидетельствующей о его пребывании в Ольвии [253].

Связи Тиры с ее западными и восточными соседями прослеживаются и по другим материалам. В городе известны находки монет западнопонтийских городов и Ольвии [121, с. 57; 65, с. 17]. В свою очередь монеты Тиры находят во многих греческих городах на черноморском побережье: в Никонии [111, с. 103—104], на поселении у санатория «Чайка» в Северо-Западном Крыму [37, с. 101, прим. 18], в Херсонесе [79, с. 6]. На территории Боспорского государства известны находки бронзовых монет у Еникале [65, с. 19; с. 84, № 4, табл. X, 27; 121, с. 68, № 15, прим. 5], в Фанагории [121, с. 57; 213, с. 135], в Гермонассе [125, с. 107, прим. 4].

Кроме того, в Тире находят тарелки, рыбные блюда, миски и килики ольвийского производства IV—III вв. до н. э. [263, с. 142—145, рис. 1, 1—3, 6; рис. 2, 1]. Подобная продукция поступала в Тиру также из Херсонеса и боспорских городов [263, с. 145—148, рис. 2, 2; рис. 3, 1—2].

Касаясь связей Тиры с более отдаленными центрами, следует отметить находку здесь обломков хиосских пухлогорлых амфор и одного фрагмента с клеймом, свидетельствующих о проникновении сюда в конце V в. хиосского вина [262, с. 53—54]. До конца IV в. до н. э. масло и вино поступают в Тиру преимущественно в гераклейской амфорной таре. После 360 г. до н. э. Гераклею начинает теснить Синопа, а после 340 г. до н. э. к последней присоединяется Фасос (рис. 18, 1; 262, с. 54—57). В конце IV в. до н. э. путь к устьям Днестра открывает и Родос (рис. 18, 2),

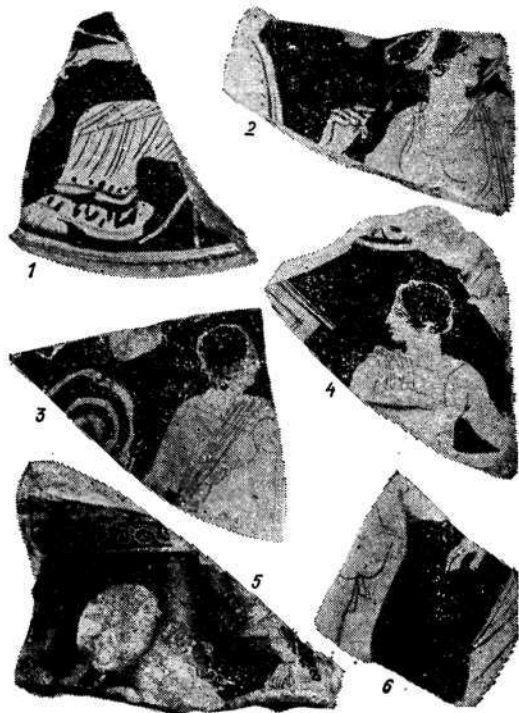

Рис. 19. Фрагменты краснофигурных аттических сосудов V—IV вв. до н. э.

Рис. 20. Иноземные монеты, обращавшиеся в V—IV вв. до н. э. в Северо-Западном Причерноморье:

1 — статер Кизика (из Орловского клада); 2 — драхма Синопы (с Роксоланского городища); 3 — статер Ольвии (из Заток); 4 — статер Филиппа II Македонского (из Ларгучьего клада); 5 — драхма Истрии (из Ренийского района); 6 — тетрадрахма Филиппа II Македонского (с Роксоланского городища); 7 — драхма Амиса (с Роксоланского городища); 8 — статер Александра Македонского (из Белгород-Днестровского); 9 — статер Лисимаха (из Арцизского района).

причем последний не успевает установить прочные связи с Никонием и весь родосский импорт — впрочем, еще очень скромный по объему — поступает через Тир [262, с. 58—60; 67, с. 138]. Судя по керамическим находкам, синопские товары завозились в Тир в наибольшем количестве во второй четверти III в. до н. э., когда прекращается торговля с Гераклеей и значительно ослабляется связь с Фасосом [66]. Вместе с тем состав импорта оказывается различным для поселений, расположенных на западном или восточном берегу Днестровского лимана: если для Тиры и ее окружения до третьей четверти III в. до н. э. отмечается преобладание Синопы и Фасоса, то для Никонии и поселений левобережья несомненно преобладание Гераклеи и Фасоса [67].

На протяжении всего рассматриваемого периода в Тире продолжала поступать чернолаковая аттическая керамика, ввоз которой прекращается лишь в III в. до н. э., когда ее место занимает

керамика малоазийских мастерских, расписанная по темному фону желтой и белой красками [306, с. 44]. Что касается чернолаковой посуды конца V—IV вв. до н. э., то она представлена разнообразными по форме и назначению сосудами: оксибафами, солонками, чашами без ручек и с двумя ручками, так называемыми изящными чашами, чапми-скифосами, скифосами, канфарами, тарелками, рыбными блюдами, лекифами, асками, леканами и светильниками [267]. Встречается в Тире и аттическая краснофигурная керамика (рис. 19) [64, рис. 1—2].

Хотя в Тире и в Никонии не обнаружены электровые монеты Кизика (рис. 20, 1), являвшиеся в V—IV вв. до н. э. главным платежным средством на причерноморских рынках [60; 374], находки таких монет в Истрии [395, с. 103—104] и ее окрестностях [485, с. 140—142], а также в трех пунктах вблизи устьев Дуная — близ Галаца [485, с. 141—142], у с. Орловка [58] и на

Рис. 21. Ранние монеты Тира (вторая половина IV — первая половина III в. до н. э.): 1—3 — серебряные драхмы; 4—10 — разменные бронзовые монеты.

о-ве Левке [59, с. 214—217], а также в Ольвии [57] допускают предположение, что они обращались и в Нижнем Поднепровье. Во всяком случае, голова Деметры под покрывалом на тирасских драхмах (рис. 21, 1) скопирована с одного из кизикских статеров [121, с. 20—21, табл. 1] и если даже согласиться, что в данном случае образцом для монет Кизика послужили монеты Тира [62, с. 116], связь между этими городами несомненна.

Тирасские драхмы (рис. 21, 1—3; 121, с. 20—24) чеканены по эгинской монетно-весовой системе и занимали определенное место в денежном хозяйстве Поднепровья, обращаясь в этом регионе вместе с серебряными монетами Истрии (рис. 20, 5), получившими еще в V в. до н. э. широкое распространение в Северо-Западном Причерноморье [112,

с. 66—67; 453, с. 143—151; 484, с. 26—28]. Особенно показателен найденный в 1965 г. клад из с. Дорожкое (Дубосарский р-н МССР), где 150 истрийских драхм, 6 подражаний этим драхмам и 6 мелких подразделений драхм обнаружены вместе со 128 драхмами Тира [113]. Известны и единичные случайные находки истрийских драхм в Тире [112, с. 67, прим. 52; 453, с. 152, № 4], в Никонии [111, с. 109—111], у с. Орловка [112, с. 67, прим. 55], в другом пункте того же Ренийского района (рис. 20, 5), у с. Тузлы на берегу оз. Бурнас [453, с. 153—154, № 5], в подкурганной скифской могиле у с. Буторы в Поднепровье [209, с. 151]. В 1972 г. к этому прибавилась находка тирасской драхмы на одном из гетских поселений в долине р. Ботна (с. Костешты; монета не издана). Находки из Никонии показывают, что

в IV в. до н. э. в Нижнее Поднестровье проникали и тетрадрахмы Филиппа Македонского (рис. 20, 6).

В последней трети IV в. до н. э. кизикены вытесняются золотыми монетами македонских царей, которые обращались и к северу от Нижнего Дуная (рис. 20, 4) [222]; известна находка в Тире золотой монеты Александра Македонского (рис. 20, 7), а в прошлом веке «на Бугазе в окрестностях Аккермана» (у с. Затока) был найден золотой статер Ольвии (рис. 20, 3; 65, с. 7, табл. VIII, 204). Встречались в Тире и золотые статыры Лисимаха [121, с. 27, 60; 161, с. 12; 229, с. 5, 32; 288, с. 607].

Что касается распространения бронзовых тирасских монет, которые иногда рассматривали как исключительно городскую монету (125, с. 103—104), то они не только обращались на поселения хоры и попадали в лежащий на противоположном берегу лимана Никоны, но проникали, подобно серебру, предметам вооружения, керамике и другим греческим товарам, в долину Днестра [306, с. 42, 43; 204; 205]. Об этом свидетельствуют находки тирасских медных монет IV в. до н. э. у с. Пуркары (рис. 21, 8), на городище Бутучены [241, с. 290, рис. 2, 1] и на поселении Требужены [241, с. 291, рис. 2, 2]. Особняком стоит находка тирасской монеты на Каменском городище, известная еще в XIX в. [83, с. 146, № 4, с. 8, 6].

§ 7. Социально-политическая структура, культура и религия Тиры

1. Общественный и государственный строй. В немногочисленных очерках истории Тиры IV и III вв. до н. э. определяются как эпоха расцвета [36, с. 313; 306, с. 42], причем Тиру называют «типичным эллинским городом-государством» [217, с. 273; 45, с. 182; 306, с. 312]. Правильность подобных утверждений не вызывает сомнений, однако имеющиеся материалы не дают возмож-

ности конкретно охарактеризовать особенности социальной структуры Тиры; представляется, впрочем, что для категорических утверждений о том, что Тира вела широкую торговлю гетскими рабами [217, с. 272], нет оснований. В самом деле, К. Маркс считал экономической основой «классического общества в наиболее цветущую пору его существования» мелкое крестьянское хозяйство и независимое ремесленное производство, подчеркивая, что в эту пору «рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени» [2, т. 1, с. 346; т. 3, ч. 2, с. 371], и Тира в период своего экономического и культурного расцвета не составляла, можно полагать, исключения.

Отсутствие прямых данных об общественном строе эллинистической Тире лишь в малой степени компенсируется имеющимися сведениями о ее политической организации. В IV—III вв. до н. э. Тира была демократическим в античном смысле этого слова полисом [217, с. 273]. Декрет первой половины III в. до н. э. сообщает о награждении золотым венком и о последующем периодическом увенчании «во время всех публичных состязаний» неизвестного по имени тирасского гражданина «за его доблесть и благожелательность по отношению к народу». Объявлять о награде должны агонифеты, постановление же должно быть вырезано на мраморной плите и выставлено для всеобщего сведения в одном из общественных мест, причем необходимые средства надлежит выдать из казны под контролем архонтов [462, с. 566—569, № 2; 128, с. 112—113, № 1]. Бедность содержания и графическая формулировка не препятствуют высокой оценке исторического значения документа, являющегося единственным сохранившимся постановлением тирасских органов власти, относящимся к эллинистическому времени. Надпись удостоверяет наличие в Тире главных органов полисного самоуправления — архонтов, совета, собрания граждан; упоминаются в ней и агонифеты, заведывав-

шие состязаниями и совершавшие праздничные жертвоприношения от лица государства. В Тире существовала обычная процедура награждения граждан и постановка соответствующих плит с надписями за счет государства [306, с. 42—43].

Другой отраслью государственного управления, о которой имеются конкретные сведения, была чеканка монет, которые являются, строго говоря, самыми ранними памятниками, подтверждающими факт самостоятельного государственного существования античной Тире [119, с. 63]. Первые тирасские монеты были серебряными драхмами, и клад из с. Дорожское доказывает, что эмиссия осуществлялась в довольно крупных масштабах [113]. В дальнейшем город чеканит разменную монету, которая с трудом поддается точной датировке. Во всяком случае, ранние бронзовые монеты (рис. 21, 4—9) относятся еще ко второй половине IV или к началу III в. до н. э. [120, с. 112—113; 121, с. 24—26; 125, с. 107—109].

Существенной особенностью тирасских серебряных монет является наличие на некоторых из них особых обозначений. Это либо отдельные буквы — А (рис. 21, 1; 121, с. 64, № 1), В [113, с. 133, № 14—19], Δ [121, с. 66, № 10], либо сокращение ΦΙ [121, с. 65, № 6] или лигатура из букв NE [113, с. 134, № 123—128]. Если значение двух последних как обозначений магистратских имен не вызывает сомнений, то в отдельных буквах можно видеть нумерацию эмиссий — 1, 2, 4.

2. Культура и религиозные верования тирасского населения в эллинистическую эпоху известны недостаточно. Следует, однако, признать, что условия жизни зажиточных жителей города не отличались от быта этой общественной прослойки в других центрах Северо-Западного Причерноморья. Немногочисленные надписи рассматриваемого времени не содержат негреческих имен и лишены каких-либо лексических или грамматических признаков, отклоняю-

щихся от койне, а содержание их свидетельствует, что государственно-правовое самосознание гражданского коллектива соответствовало нормам, сложившимся в период расцвета древнегреческой цивилизации. В Тире существовал ионийский лунный календарь, в котором за начало года принималось новолуние, следующее за первым весенним равноденствием [362, с. 75]; надписи римского времени сохранили названия трех последних месяцев этого календаря — ленеона [23, № 4], антестериона [138, с. 151] и артемисиона [23, № 2; 134, с. 103—104, № 2], который, заметим попутно, иногда неверно считали первым месяцем тирасского года [192, с. 36]. Такой же календарь и с такими же названиями месяцев существовал в Милете и в его колониях, например, в соседних Истрии и Ольвии [362, с. 67—80; 69, с. 25, 37—39]. Этот календарь был тесно связан с культом, в частности, с празднествами в честь Аполлона. Действительно, фрагментированное посвящение III в. до н. э. свидетельствует о почитании в Тире Аполлона Врача [462, с. 564—566, № 1; 128, с. 116, № 4], культ которого хорошо известен во всем Западном и Северном Причерноморье [194; 442; 406, с. 130—135; 525, с. 299—300]. На монетах второй половины IV — начала III в. до н. э. повторяются фасовые (рис. 21, 1—3) и профильные [121, табл. II, 2, 6] изображения Деметры; встречаются также Афина в шлеме [121, табл. III, 7] и Геракл (рис. 21, 6).

Изображение безбородого Геракла известно и на резном камне — красной египетской яшме [147, с. 247]. Посвященные граффиты на обломках чернолаковой посуды упоминают, кроме трех названных божеств [351, табл. I, 20—29; 353, с. 109—110, рис. 16—17, 22—23; 80, с. 110—111, № 1, 6], также Аполлона [351, табл. I; 9—15; 353, с. 109—110, № 19—21; 80, с. 110—111, № 2—3], Артемиду [351, табл. I, 1, 3, 6, 7; 80, с. 111, № 4], Диониса [351, табл. I, 31] и неизвестного бога, именуе-

Рис. 22. Статуэтка быка. IV в. до н. э. Мрамор. Длина 0,7 м.

мого просто Спасителем [351, табл. I, 16—18; 80, с. 111, № 8]. Терракоты расширяют список тирасских божеств культовыми изображениями Зевса [292, с. 26, табл. II, 4], Кибелы или Великой матери [155, с. 97—99, рис. 1, 3—4; рис. 2, 4—5], Коры [155, с. 97, рис. 1, 2], Афродиты [155, с. 99, рис. 2, 3; 292, с. 26, табл. II, 3] и Эрота [155, с. 98, рис. 1, 6], юного Сатира [155, с. 99, рис. 2, 2]. К этому следует присоединить и фрагменты мраморных статуй — колоссальную голову богини, определенную археологами XIX в. как голова Деметры [287, с. 22—23], корпус быка (рис. 22), — возможно, посвящение в храм той же Деметры [460, с. 391], — близко напоминающий изображения быков на тирасских монетах (рис. 21, 4—6); сюда же относится и торс небольшой женской статуи, определенный Э. Р. Штерном как изображение Афродиты [327, с. 49—50, прим. 1].

Даже отрывочные сведения о религиозных верованиях тирасского населения позволяют обнаружить в них некоторое своеобразие. Геродот свидетельствует, что у реки Тирас показывают след Геракла, находящийся в скале (IV, 82), и можно предполагать, что речь идет не о дорическом герое, а о том местном божестве, о пребывании которого в Гилее рассказывали, согласно Геродоту [IV, 8, 1], живущие на Понте греки. На монетах IV—III вв. до н. э. встречается в разных вариантах юношеская голова с маленькими рож-

ками, увенчанная лавровым венком (рис. 21, 4—5, 7—9), в которой признают изображение соименного реке и городу божества [472, с. 152; 225; 121, с. 47—48]. С другой стороны, находки тирасских монет на местах, где располагались древние святилища Ахилла, — на о-ве Левке [59, с. 214, 222; 121, с. 56] и на Тендровской косе [287, с. 72—73, прим. 48; 121, с. 56] — свидетельствуют о том, что тирасские граждане не стояли в стороне от почитания Ахилла, владыки Понта [393, с. 1859]. Вполне вероятно, что с культом Ахилла связано и название Неоптолемовой башни, упоминаемой античными географами вблизи Тиры: Неоптолем, сын героя, связывается в мифах с гиперборейями (Paus., I, 4, 4) *.

§ 8. Исторический очерк Тиры в IV — первой половине III в. до н. э.

Политическая история Тиры и всего края между нижними течениями Дуная, Прута и Днестра в раннеэллинистическое время не может быть восстановлена детально; не располагаем мы и письменными источниками о племенах Северо-Западного Причерноморья в IV — первой половине III в. до н. э. Археологические материалы указывают, что на правом берегу Днестра, южнее границы лесостепи и степи, располагались поселения земледельцев с керамикой гет-

* С легкой руки Э. Муральта [213, с. 135] обычно полагают, что башня получила имя в честь Неоптолема, полководца Митридата Евпатора [316, с. 197—198; 452, с. 13, 447, 586]. Однако ТА НЕОПТОЛЕМОУ упомянуты в низовьях реки Тирас уже в восходящем к III или даже к IV в. до н. э. перипле, который утерян, но был использован составителем позднего компилятивного перипла, приписывавшегося первыми издателями Арриану [251, с. 378; 493, с. 65, прим. 1]. Связь этого топонима с Неоптолемовой башней Страбона [VII, 3, 16] несомненна (§ 6.2) и эти названия невозможно связывать с деятельностью Митридата военачальника, действия которого засвидетельствованы только на Боспоре [Strabo, II, 1, 16; VII, 3, 18].

ского облика; на них встречаются обломки гераклеийских, фасосских и синопских амфор. Близкие по своей материальной культуре поселения известны и на юге Пруто-Днестровского междуречья, вплоть до левого берега Дуная [205, с. 64—68; 206, с. 71—76; 117, с. 35—56; 220]. На восточном берегу Нижнего Днестра в это время жили скифы — кочевые, оставившие курганные погребения Тираспольщины [204], Нижнего Поднестровья [289] и Нижнего Подунавья [87], а также оседлые поселения, которые обнаружены на левом берегу Днестровского лимана [206, с. 77—78; 207]. Отсюда заключают, что в IV—III вв. до н. э. нижнее течение Днестра отделяло скифские земледельческие племена от их гето-фракийских соседей [206, с. 79; 207, с. 39; 208, с. 193].

В середине IV в. до н. э. Нижнее Подунавье привлекает внимание Македонского царя Филиппа (359—336 гг. до н. э.) [437; 461; 479]. К этому времени сюда же были направлены политические интересы Скифского царства, сложившегося в могущественную и воинственную державу [35, с. 135—137, 142—144; 83, с. 20—24; 122, с. 365—367; 128]. Нет необходимости излагать историю скифо-македонского конфликта [317; 346; 437; 438; 479], но именно в степях Южной Бессарабии или Северной Добруджи разыгрались последние акты исторической драмы, завершившейся в 339 г. до н. э. гибелью скифского царя Атея [141; 461]. Несколькими годами позднее (в 335 г. до н. э.) на северный берег Нижнего Дуная переправился Александр Македонский, разгромивший живших здесь гетов и разрушивший их город [220, с. 125; 507; 514]. Где-то поблизости от переправы через Дунай погиб вскоре (в 331 г. до н. э.) [71, ч. 2, с. 21—25] и полководец Александра Зопирион, выступивший против скифов и гетов и безуспешно пытавшийся захватить Ольвию [110, с. 41—47; 71, ч. 2, с. 33—35; 220, с. 125—126]. С этими событиями связа-

но, надо полагать, зарытие богатого денежно-вещевогоклада из Ларгуцы в Молдавии [222] и упоминавшегося выше клада кизикских статеров из Орловки [58]. Вполне вероятно, что все перечисленные военные события отразились на судьбе греческих городов и поселений Нижнего Поднестровья; во всяком случае, в конце третьей четверти IV в. до н. э. Никоний переживает катастрофу — его оборонительные сооружения были разрушены, а жилые кварталы погибли в огне [275, с. 53—54; 268, с. 19—20]. В Тире следы разрушений не обнаружены, и признавали этот город Атея, македонских царей или Лисимаха, установить нельзя *. Во всяком случае, Диодор, сохранивший сведения о выступлении западнопонтийских городов против Лисимаха [XIX, 73, 1—10; XX, 25, 1; XX, 112, 2], не упоминает в этой связи о Тире: восставшие каллатийцы изгнали в 313 г. до н. э. гарнизон Лисимаха, освободили Истрию и другие соседние города и образовали военно-политический союз, к которому присоединились фракийцы и скифы. Однако Лисимах принудил к капитуляции Одесс и Истрию, привлек на свою сторону фракийцев, вытеснил скифов за Дунай и обрушился на Каллатию [43, с. 93—107; 473, с. 222—228, 234—242; 479]. Попытка Лисимаха проникнуть на северный берег Нижнего Дуная, где к этому времени (начало III в. до н. э.) сложилось объединение гетов под властью Дромихета [117, с. 55—60; 220, с. 126—130; 467, с. 53—64], закончилось поражением [Diod., XXI, 12, 1—2; Strabo, VII, 3, 14] и по договору, заключенному в 292 г. до н. э., Лисимах очистил

* Э. Даль утверждает, будто Лисимаху «посчастливилось включить Тир на некоторое время в состав своих владений» и ссылается на доказывающие это монеты [393, с. 1861]. Однако золотые тирасские статеры с типами и именем Лисимаха [§ 11.1; рис. 26, 2] принадлежат к числу посмертных торговых эмиссий [63; 120, с. 110, 114; 121, с. 26—28] и не могут свидетельствовать о власти Лисимаха над Тирой.

Рис. 23. Почетная надпись в честь неизвестного гражданина Тира. III в. до н. э. Мрамор. Высота 0,45 м. (Музей археологии АН УССР).

захваченные ранее опорные пункты [Paus., I, 9, 6; Diod., XXI, 12, 6].

Несмотря на неудачу в борьбе против Лисимаха, Каллатия выдвигается после его смерти (281 г. до н. э.) на первое место среди городов Западного Понта и пытается сплотить вокруг себя и другие полисы Добруджи [476, с. 32—35, 43—45; 527, с. 84—87]. Можно предполагать, что эта политика распространилась в третьей четверти III в. до н. э. и на Нижнее Поднестровье: упомянутый выше декрет каллатийцев в честь неизвестного по имени гражданина Тира [478, с. 123—126; 135, с. 149—151] специально оговаривает, что чествуемое лицо оказывало услуги каллатийцам, прибывавшим в Тиру по общественным и частным делам. Одновременно и ольвиополиты восхваляют в сход-

ных выражениях заслуги каллатийского гражданина Навтима [23, № 27]. При всей невыразительности подобных формулировок они свидетельствуют о связях каллатийцев с их отдаленными соседями.

Активная политика Каллатии встретила вскоре сопротивление и потерпела неудачу. Сообщающий об этом Мемнон (frg. 21) указывает, что поддержанная Истрией попытка полного подчинения томитян вызвала (по-видимому, около 260 г. до н. э.) военное вмешательство Византия, стремившегося не допустить установления каллатийской гегемонии на Понте; столкновение завершилось поражением каллатийцев и истриан [43, с. 107—116; 249, с. 130—131, 139—140; 473, с. 221—223, 234; 527, с. 85—86].

Позиция Ольвии и Тира во время каллатийско-византийского конфликта определяется предположительно. Если согласиться с тем, что намеренное уничтожение имени истрийского гражданина Дионисия, сына Струтиона, в тексте дарованной ему несколько ранее ольвиополитами проксении [17, № 15] является следствием того, что Ольвия выступила в этом столкновении на стороне Византия [282, с. 433—434], то можно предполагать, что и Тира поступила таким же образом. Об этом позволяет догадываться найденная в 1959 г. плита с изображениями пяти венков (один утрачен) с надписями над каждым из них (рис. 23). Сохранившиеся в трех случаях краткие надписи указывают, что ольвиополиты наградили неизвестного по имени тирасского гражданина лавровым венком, а кизикенцы и родосцы — венками из плюща. Письмо надписи позволяют отнести ее не ко второй половине III в. до н. э. [303, с. 175], а ко второй четверти этого века, причем ближе к его середине. Но в таком случае чествуемое лицо может с известной вероятностью рассматриваться в качестве участника войны, награжденного после ее окончания союзными государствами. Кизик, отстаивавший незадолго до этого свою независимость при помощи

Византия [219, с. 135], и Родос, не раз приходивший в это время на помощь Византию [219, с. 142], естественно видеть в одном лагере с последним *.

Участие Родоса и Кизика в чествовании одного из заслуженных граждан Тира не является неожиданным: как уже отмечалось, с конца IV в. до н. э. в Тиру начинает проникать родосский импорт, заметно возрастающий около

* Известный родосско-византийский конфликт имел место значительно позже (около 220 г. до н. э.) и традиционная дружба между Византием и Родосом была вскоре восстановлена [219, с. 145].

середины III в. до н. э. [262, с. 59]. Роль Кизика в черноморской торговле доказывается монетными находками и подтверждается надписями западно-понтийских городов, удостоверяющими пребывание в эллинистическое время кизикенцев в Истрии [22, № 26] и Дионисополе [24, № 25], а истрийских граждан в Кизике [22, № 267]. Наконец, о связях между Тирой и Византием в эллинистическое время можно догадываться по стилистическому сходству их монет [121, с. 28], позволяющему предполагать приглашение монетных мастеров из этого центра [121, с. 124—125].

ТИРА В ПОЗДНЕ- ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ (вторая половина III — первая половина I в. до н. э.)

§ 9. Племена Северо-Западного Причерноморья

1. Кельты, сарматы и распад Скифского царства. Сложившаяся к середине V в. до н. э. этнополитическая карта Скифии оставалась, насколько можно судить по имеющимся источникам, без существенных изменений в течение жизни двух-трех поколений. К середине IV в. до н. э. скифское общество существенно продвинулось в своем развитии, и объединительная политика царя Атея увенчалась успехом. Это позволило скифскому властителю вмешаться в ход событий в нижнедунайском регионе. Атей, несомненно, контролировал степные просторы Северо-Западного Причерноморья, но представление о единовременном и массовом проникновении скифов на территорию Нижнего Подунавья [493, с. 487—494] не подтверждается археологическими памятниками [92, с. 326—332; 206, с. 65—68; 209, с. 110—113, 118—120, 137—139, 144—159; 473, с. 129—131]. Хотя «соседние скифы и фракийцы» поддержали восстание Каллатии против Лисимаха (313 г. до н. э.) и скифы были после поражения вытеснены на левый берег Дуная, двумя десятилетиями позже Лисимах столкнулся на этой территории уже не с ними, а с гетами [220, с. 126]. После гибели Лисимаха (281 г. до н. э.) и распада его непрочной державы к югу от Дунайской дельты Москон (один из неизвестных письменным источникам гетских вождей) чеканит дидрамы

со своим именем и царским титулом [473, с. 127—129, рис. 38]. Нашествие кельтов (278 г. до н. э.) не задело этих областей [92, с. 436—446; 482; 540] и во второй четверти III в. до н. э. другой гето-фракийский вождь, — упоминаемый в одной из истрийских надписей Залмодегик [22, № 8], — оказывается достаточно сильным, чтобы захватить у граждан Истрии заложников и оказывать давление на город [476, с. 167—185]. В это время наблюдается расцвет гетских поселений в Днестро-Прутском междуречье [117; 220] и начинается распространение гетов в степях к востоку от Днестра [75].

К середине III в. до н. э. обстановка во всех скифских степях усложняется в связи с проникновением сарматов, оказывавших активное воздействие на события, разыгравшиеся в Крыму [280, с. 21—23; 493, с. 123—124]. Сарматские племена были скотоводами и борьба за пастбища вызвала жестокие столкновения пришельцев с прежними повелителями степей: согласно Диодору [II, 43, 7], сарматы «опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» [201; 279]. Это создало для Скифского государства, возглавлявшегося «царскими» скифами, катастрофическую ситуацию, и если земледельческие племена Скифии, пострадавшие при нашествии с востока, остались в основном на местах своего прежнего обитания, то подвижная кочевая верхушка скифского обще-

ства сконцентрировалась и передвинулась, с одной стороны, в степной Крым, а с другой — на правый берег Дуная [83, с. 23, 28—29; 201, с. 52—54; 432, с. 15—20]. Этот процесс слабо отразился в сохранившихся источниках, но в течение большей части III в. до н. э. продолжается проникновение скифов «за Тирас и за Истр» и заселение ими «болотистой» земля фракийцев на правом берегу Нижнего Дуная [Strabo, VII, 4, 5; VII, 5, 12]. Не позднее II в. до н. э. в Добрудже сложилось Скифское государство, цари которого чеканят свою монету в прибрежных городах [43, с. 144—147; 368, с. 218—226; 438; 537].

Результат и отчасти ход всех упомянутых событий были известны Страбону, скорее всего, при посредстве трудов Посидония [493, с. 34, 37—39] и были использованы им при описании племен Фракии и Скифии. На Нижнем Днестре Страбон помещает тирагетов и бастарнов [III, 5, 12; VII, 1, 1; VII, 3, 1], а далее к востоку степь занимают «савроматы» — на правом берегу Днепра — язиги, так называемые царские и урги, а между Днепром и Доном — роксоланы [II, 5, 30; VII, 2, 4; VII, 3, 17]. Представляется вполне вероятным, что в основе указанных сведений лежат данные Артемидора, жившего в конце II в. до н. э. [493, с. 33, 35, 37, 52]. К сожалению, вопрос об источниках самого Артемидора недостаточно ясен; однако использованный им труд каллатийца Деметрия не содержал подробных сведений о побережье между Днестром и Перекопом [493, с. 32—33, 35]. Поэтому воссозданная Страбоном картина расселения племен между Дунаем и Днепром, если она действительно восходит через Артемидора к Деметрию [251, с. 380; 493, с. 33], неминуемо должна была оказаться тем сухим перечнем этнонимов, который сложился в результате обычного для Страбона сокращения и без того скудных сведений Артемидора [251, с. 376; 493, с. 34].

В свете сказанного можно по достоинству оценить неоднократно повторяемое предположение, будто отрывок Страбоновой «Географии», в котором перечислены народы, живущие между Истром и Борисфеном [VII, 3, 17], искажен переписчиками. В частности, здесь находили указание на древнейших обитателей Скифии и соответственно полагали, что *OI ΒΑΣΙΛΕΙΟΙ ΛΕΓΟΜΕΝΟΙ* Страбона являются царскими скифами Геродота [IV, 20], тогда как не упоминаемые ни одним другим автором урги (*OYRΓOI*) появились в тексте в результате искажения слов Геродота о скифах-земледельцах (*ΓΕΩΡΓΟΙ*). При всем внешнем правдоподобии такой догадки, она ничем не подтверждается [142]; к тому же Страбон весьма критически относился к сообщениям Геродота о племенах Скифии [XII, 3, 21; ср. также I, 2, 35; XI, 6, 3], и мы нигде не находим у него следов механического соединения данных Геродота с позднейшими. С другой стороны, источником сведений Страбона о северочерноморских племенах нельзя считать Эфора, тесно связанного с Геродотовой традицией [251, с. 375; 493, с. 27, 80—86]. Если принять к тому же во внимание, что *OI ΒΑΣΙΛΙΚΟΙ ΣΑΡΜΑΤΑΙ* упомянуты не только в труде Птолемея [V, 8, 16], но и в историческом сочинении Аппиана [Mithr., 69], где они помещены применительно к эпохе Митридата рядом с кораллами и другими фракийскими племенами, «живущими у Истра, Родопы и Гема», то мы не видим оснований сомневаться в том, что *OI ΒΑΣΙΛΕΙΟΙ* Страбона были вполне конкретным сарматским племенем [51, с. 92, 94, 95; 432, с. 12, 30—32, 34, 37; 201, с. 47; 142; 280, с. 7—11, 19—20].

Признавая историческую реальность царских сарматов и ургов Страбона и помещая их в конце III или начале II в. до н. э. западнее Нижнего Днепра (рис. 24), трудно воздержаться от сопоставления первого из этих племен с саяями декрета в честь Протогена.

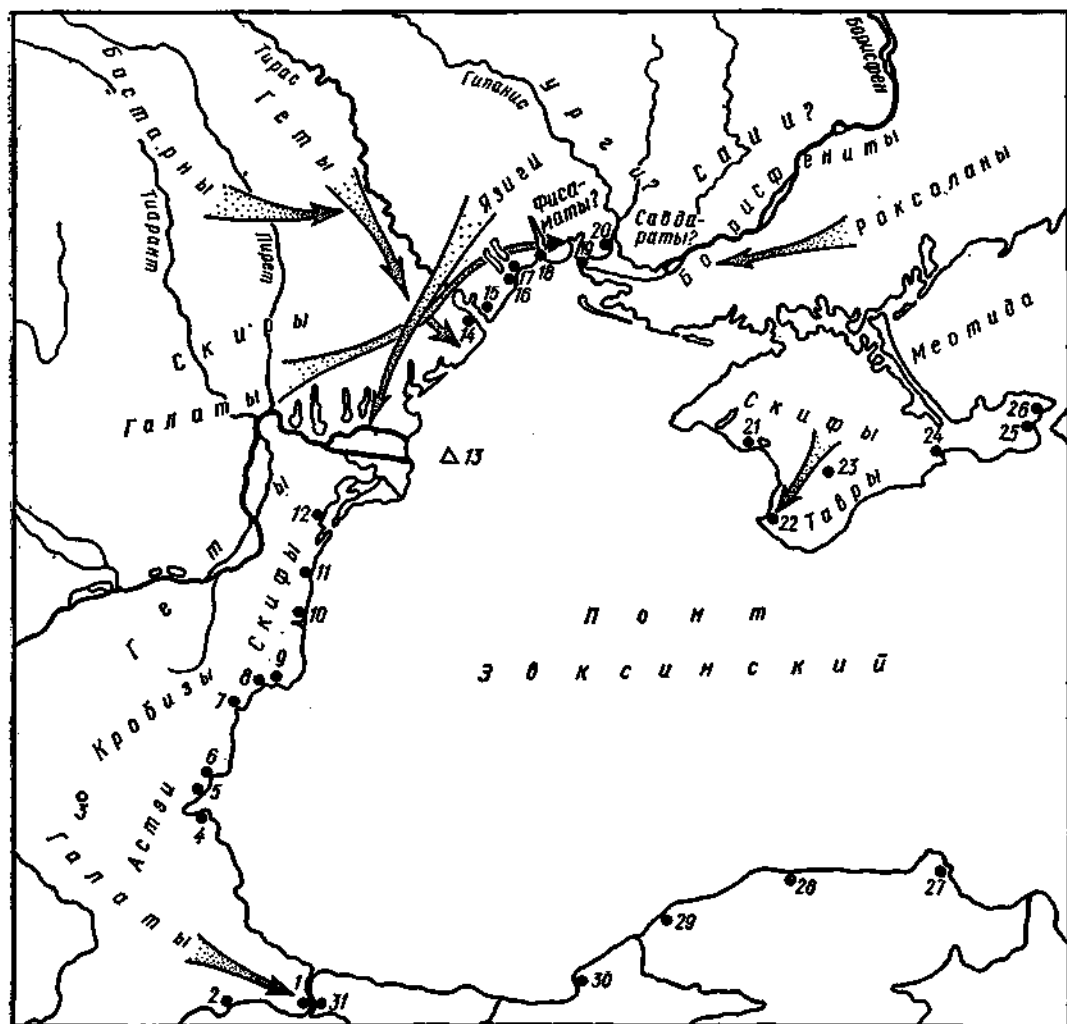

Рис. 24. Северо-Западное и Западное Причерноморье в III—I вв. до н. э.:

1 — Византий; 2 — Периф; 3 — Кабиле; 4 — Аполлония; 5 — Анхнал; 6 — Месембрия; 7 — Одесс; 8 — Дионисополь; 9 — Визона; 10 — Каллатия; 11 — Томы; 12 — Истрия; 13 — святилище Ахилла на о. Левие; 14 — Тира; 15 — Нимоний; 16 — гавань истриан; 17 — гавань исиаков (асиаков, аксиаков?); 18 — Одесс (Ордес?); 19 — поселение на о. Березани; 20 — Ольвия; 21 — Керкинитиды; 22 — Херсонес; 23 — Неаполь скифский; 24 — Феодосия; 25 — Нимфей; 26 — Пантикапей; 27 — Синоп; 28 — Абоития; 29 — Кромна; 30 — Гераклея; 31 — Калхедон (Халкедон).

Греческое субстантивированное прилагательное ΒΑΣΙΛΕΙΟΙ может, как давно указывалось, рассматриваться в качестве кальки древнеиранского этнонима ΣΑΙΟΙ (*ΣΑΙΟΙ) со значением «властвующие», «царствующие» [51, с. 92, 93; 27, с. 164, 189—190, 219—220; 432, с. 94—95; 142, с. 90, 92, прим.

27]. Такая этимология подошла бы, разумеется, и к царским скифам Геродота, но скифы упоминаются в декрете отдельно, к тому же отождествление савев надписи с царскими скифами Геродота плохо согласуется и с другими сообщениями Страбона о скифах, источником которых был на этот раз,

по-видимому, труд Посидония, завер-
шенный в первой четверти I в. до н. э.,
но составленный на основании более
ранних произведений [493, с. 9, 37—
40, 90—93; 83, с. 21]. Европейских
скифов Страбон, как отмечалось, раз-
мещает в двух районах — в степях Кры-
ма и далее к северу до Нижнего Днепра
и на правом берегу Дуная, в Добруд-
же (§ 1.3).

Если непосредственными источни-
ками Страбона при описании племен
Северного Причерноморья и Нижнего
Подунавья были утраченные для нас
произведения Артемидора и Посидо-
ния, то необходимо подчеркнуть, что
и они черпали материалы не столько
из личных впечатлений, сколько из
произведений своих предшественников;
следует ли тогда считать сообщения
Страбона отражающими реальное раз-
мещение племен конца II — начала
I в. до н. э. или можно считать их, как
предполагал М. И. Ростовцев [251,
с. 380; 493, с. 31—40], сформировавшимися
несколькими поколениями ранее и за-
фиксированными впервые источниками
Артемидора и Посидония? Представ-
ляется, что главные элементы извест-
ной нам в передаче Страбона диатеса
действительно существовали в конце
III — первой половине II в. до н. э.
Такой существенный момент, напри-
мер, как наличие сарматских племен
западнее Днепра, хотя и не находит
полного отражения в опубликованных
до настоящего времени археологиче-
ских материалах [279; 280], но получает
поддержку в рассказе об Амаге у По-
лиэна [VIII, 56], который воспроиз-
водит реальную обстановку второй по-
ловины III в. до н. э., — здесь владе-
ния сарматского царя Медосакка по-
казаны достигающими Черного моря.
Показательно также, что после 170 г.
до н. э. отпущенники сарматского про-
исхождения занимают прочное место
в манумиссиях из Дельф [16, № 93—
98], упоминаются в Аттике [16, № 109] и
на Родосе [16, № 115]. Все это заставляет
принимать, что в основе сообщений

Страбона лежит источник конца III
или начала II в. до н. э., быть может,
труд того же Деметрия.

Следует заметить, что Страбон от-
давал себе отчет в исключительной
сложности этнополитической ситуации
в низовьях Дуная и пытался осветить
ее развитие. Геты и трибаллы, по его
словам, «постоянно переселяются на
тот и другой берег Истра»; в числе пе-
реселяющихся племен упомянуты так-
же «скифы, бастарны и савроматы»
[VII, 3, 13]. Начало этого процесса
нельзя относить ни ко времени царя
Атея, о котором географ вспоминает
мимоходом [VII, 4, 18] совсем в дру-
гой связи [126], ни к началу II в. до
н. э., когда составитель истрийской
надписи в честь Агафокла [22, № 15]
пользуется для части Добруджи тер-
мином Скифия как не требующим объяс-
нения топонимом. Если учесть, что
поэт Аполлоний Родосский, расцвет
деятельности которого приходится на
предпоследнюю четверть III в. до н. э.
[493, с. 32, прим. 2], упоминает на Ду-
нае смешанных с фракийцами скифов
[Arg. IV, 320], и что археологические
материалы не содержат данных о на-
личии постоянного скифского населе-
ния в Добрудже до III в. до н. э. [42;
92, с. 362—376; 209, с. 110—113, 118—
120, 137—139, 144—159; 359; 438],
следует согласиться, что Страбонova
диатеса отражает черты действитель-
ности, более всего соответствующие ре-
зультатам перемещения племен, сло-
жившихся к концу III или началу II в.
до н. э. Косвенное указание на такую
дату можно отыскать и у самого Стра-
бона; безводная степь Южной Бесса-
рабии названа в тех частях его сочи-
нения [VII, 3, 14; VII, 3, 17], которые
восходят при посредстве Артемидора
к Деметрию, «пустыней гетов»*, но
в тех местах [I, 3, 7; I, 3, 4], где в ка-
честве источника определенно назван

* Нельзя поэтому согласиться с голослов-
ным утверждением И. Руссу [495, с. 135,
прим. 25], будто это название возникло вслед-
ствие походов Бурбисты.

самим Страбоном труд Стратона, составленный в первой половине III в. до н. э., на том же месте помещена «пустыня скифов».

2. Галаты (бритолаги?), бастарны и поздние скифы. Обстановка, существовавшая на Нижнем Дунае в конце III в. до н. э., четко обрисована в эпиграфических документах — в известной ольвийской надписи в честь Протогена [191, с. 66—114; 315; 440, с. 571—580; 525, с. 307—315] и в сравнительно недавно опубликованном истрийском декрете в честь Агафокла [139; 384; 478, с. 31—55; 495]. Эти документы [23, № 32; 22, № 15] показывают, что Ольвия и Истрия, формально сохраняя свою самостоятельность, находились по существу в зависимости от предводителей окружавших их племен. На Нижнем Буге таким господствующим племенем были саии, идентичные царским сарматам Страбона. Их царь Саитафарн постоянно требует уплаты денежных «даров», но вместе с тем ольвиополитам не приходится рассчитывать на его помощь при угрозе нападения с запада еще более грозных галатов. К югу от Нижнего Дуная обнаруживается враждебная грекам активность фракийского вождя Золта, осадившего Бизону и создавшего серьезную угрозу для Истрии. В то же время греческие города Добруджи признавали над собой неоспоримую власть некоего царя Ремакса, платили ему дань или подать, но в случае опасности могли рассчитывать на военную помощь с его стороны. Из декрета в честь Агафокла видно, что основные владения Ремакса находились вне Добруджи, на левом берегу Дуная, тогда как греческие города лежали рядом с территорией, которую составитель документа называет просто Скифией. При этом в тексте памятника нет ни одного упоминания о скифах и о племенах, названных в Протогеновом декрете, притом не только о саиях, но и о галатах, представлявших вместе со своими союзниками скирами нема-

лую опасность для населения всего региона; нет в нем ни слова и о бастарнах, хотя они появились вблизи устьев Дуная как раз в это время [466, с. 292—293; 500, с. 87—91; 529, с. 112—113; 221, с. 187—188].

Такие расхождения между показаниями эпиграфических источников, обрисовывающих положение двух главных центров Северо-Западного Причерноморья в последних десятилетиях III или в самом начале II в. до н. э., нельзя объяснить тем, что их разделяло немалое расстояние — галаты и скиры угрожали ольвиополитам с запада, из бассейнов Днестра, Прута или Сирета, — и трудно представить себе, что Дунай был для них непреодолимой преградой. Кроме того, обе надписи приходятся примерно на срок жизни одного поколения, так что не приходится думать, что за время, прошедшее между их составлением, существенно изменилась обстановка в регионе. Немецкие ученые обычно ищут выход из положения в отождествлении бастарнов с галатами протогеновского декрета, причем и те и другие считаются германцами [407; 456, т. 2, с. 110—112; т. 3, с. 37, 145; 470, т. 1, с. 5—8; 500, с. 87—91; 501, с. 4—8; 508, с. 46—49]. В основе этой концепции лежит старое (1837 г.) предположение К. Цойса, состоящее в том, что при первом появлении германцев-бастарнов греки перенесли на них название ранее знакомых им кельтов-галатов: термин «галаты» в течение некоторого времени служил общим обозначением всех «северных варваров» [456, т. 2, с. 110; 489, с. 25; 501, с. 4—6]. Но в таком случае трудно понять, почему составитель ольвийского декрета, называя бастарнов галатами, упоминает наряду с ними скиров [23, № 32], несомненно германское племя [51, с. 117; 466, с. 302—303], — ведь и они должны называться галатами [51, с. 102; 466, с. 293]. С другой стороны, принимая термины «галаты» и «скиры» за этнонимы одного уровня, приходится считать с тем, что ольвиополиты

времени Протогена видели в угрожающих им галатах конкретный этнос, притом отличавшийся от соединившихся с ним для предполагаемого похода на Ольвию скиров; это позволяет узнавать в галатах декрета не германцев, а «настоящих» кельтов, и нельзя не признать, что это предположение хорошо согласуется со словами Полибия [XXVI, 9, 2—3], определенно отличающего бастарнов от галатов*.

Появление бастарнов в Карпато-Дунайском бассейне датируется достаточно определенно — в прологе 28 книги «Истории» Помпея Трога их движение (motus) упомянуто среди событий 230/229 г. до н. э. [466, с. 292; 500, с. 87—88], и есть все основания связывать с их появлением зарытие огромного Анадольского клада, датируемого 228—220 гг. до н. э. [504, с. 44—45]. Деметрий из Каллатии, свидетельство которого сохранено пс. Скимном [456, т. 2, с. 104], также сообщает о живущих неподалеку от устьев Истра фракийцах и «пришельцах (ΕΠΕΛΥΓΕΣ) бастарнах». Таким образом, первая волна северных пришельцев появилась в бассейне Прута еще в III в. до н. э.

Нет оснований предполагать, что появление бастарнов немедленно создало военную угрозу для Тиры или Ольвии. Интересы основного ядра новых жителей Пруто-Сиретского междуречья направлялись первоначально не на восток, а на юго-запад: на рубеже III—II вв. до н. э. бастарны ведут успешную войну против гетского вождя Орола [Just., XXXII, 3, 16], а двумя десятилетиями позднее они оказываются союзниками македонского царя Филиппа V [Liv., XL, 57, 2—5] и принимают активное участие в событиях на Балканах вплоть до 168 г. н. э. [Polyb., XXIX, 9, 12]. По-видимому, их кратковременное пребывание близ Ниж-

него Дуная не оставило выразительных следов среди археологических памятников региона [200, с. 94—95], но в конце II в. до н. э. последовало новое нашествие. Теперь бастарны прочно утвердились между Карпатами и Днестром [200; 221; 238; 354; 355; 404; 529]. В это время, по всей вероятности, часть бастарнов осела на о-ве Певке в устьях Дуная и стала именоваться певкинами [Strabo, VII, 3, 15].

Не касаясь дальнейших судеб бастарнов [356; 423], следует вернуться к галатам декрета в честь Протогена. Они были во время составления истрийского декрета в честь Агафокла северо-западными соседями Истрии, и если их нападения опасались около 220 г. до н. э. даже отдаленные ольвиополиты, то трудно было бы допустить, что двумя десятилетиями позднее галаты не замечали расположенной поблизости группы греческих городов Добруджи. Все это заставляет вспомнить, что истрийская надпись хранит молчание о том, какую народность возглавлял царь Ремакс, во владения которого Агафокл отправлялся на корабле (ΚΑΤΑ ΠΛΟΥΝ) и войска которого, направляясь на помощь гражданам Истрии против их врага Золта, должны были переправляться через Дунай. Наиболее вероятно, что царство Ремакса находилось не в Валахии [478, с. 50—51; 527, с. 88—89] и уж никак не в степях между Прутом и Бугом [495, с. 113—136], а в бассейне Нижнего Сирета, где зарегистрировано несколько монетных кладов рассматриваемого времени [483, с. 39—45]. В связи с этим напрашивается вопрос, не является ли этот могущественный и враждебный фракийцам Золта-правитель царем галатов, которые за это время успели установить с греческими городами Добруджи такую систему отношений, какую, согласно Полибию [IV, 45—46], установили кельты из Тиле с византийцами [219, с. 137—139; 476, с. 45—48]? Нельзя, во всяком случае, присоединиться к предпо-

* Ф. А. Браун [51, с. 103—104] показал несостоятельность старой, но находившей иногда сторонников и в наши дни (М. Бабеш) гипотезы о тождестве скиров ольвийского декрета с германцами-бастарнами.

ложению о том, что Ремакс был скифом [495] — на левом берегу Дуная, где несомненно находились его владения, нет в это время никаких следов организованной политической силы скифов, вытесненных, как показано выше, сарматами в Крым и в Добруджу*.

О том, что у скифов Добруджи не позднее II в. до н. э. сложились черты развитой политической организации, позволяет судить изданный еще в XVI в., но в дальнейшем утерянный декрет Одесса в честь некоего Гермия [24, № 41]. По-видимому, речь идет о влиятельном советнике «царя скифов Канита». Монеты этого царя и его преемников встречаются в прибрежной зоне Добруджи; пс. Скимы [v. 750, 756, 766] помещает скифов вокруг города Томы, а около Дионисополя проводит границу между ними и фракийским племенем кробизов. Археологические материалы не дают возможности точно определить границы скифской территории, но из того, что Страбон именует их обитателями «болотистой» земли [VII, 4, 5; VII, 5, 12], можно заключить, что Малая Скифия включала приду-

найские плавни, а так как составитель декрета в честь Агафокла отличает Скифию от греческих полисов, очевидно, что они сохраняли свою хору [139, с. 50—51]. Последнее упоминание о скифах на правом берегу Дуная — замечание Плиния о скифах у Дионисополя, заимствованное из источников эллинистического времени [493, с. 46—48] — приходится на 62 г. до н. э., когда они вместе с гетами и бастарнами поддерживали греческие города в борьбе против Рима (§ 12).

§ 10. Кризис античных полисов Северо-Западного Причерноморья

Процветание и устойчивость греко-скифо-фракийского мира на Северо-Западных берегах Черного моря были непрочными — уже с середины III в. до н. э. признаки приближающегося упадка вырисовываются все определеннее, проявляясь и в росте экономических трудностей, и в обострении социальных противоречий, и в ухудшении сложившихся в предшествующих столетиях взаимоотношений греческих полисов с окружавшими их местными племенами. В изменении внешнеполитической обстановки видели даже основную причину надвинувшегося кризиса. В. В. Латышев, относя начало бедствий Ольвии еще к последней трети IV в. до н. э., усматривал ее сначала в нашествии Зопириона, а затем в смене дружественных грекам скифов «алчными» сарматскими племенами и «свершными» галатами, хищнические вымогательства и разбойничьи набеги которых обусловили «крайний экономический упадок некогда богатой и славной Ольвии» [191, с. 61—62, 66, 87, 92—94, 97—98, 100—101]. Эта впечатляющая картина была в дальнейшем распространена и на другие центры Причерноморья и повторялась во многих трудах, авторы которых уточняли

* Рассматривая галатов, упоминаемых в Протогеновом декрете, нельзя упускать из виду, что пользовавшийся многими впоследствии утраченными источниками Птолемей упоминает близ устьев Дуная племя бритологов (или бритогогаллов) [Ptol., III, 10, 7], в земле которых находятся города Новиодун (современная Исака на правом берегу Дуная) и Алиобриг, в котором видят городище у с. Орловка на левом берегу реки [51, с. 192; 56, ч. 1, с. 130; 426, с. 988—990; 466, с. 308]. И эти названия бритологов, и названия обоих городов не оставляют сомнения относительно кельтской принадлежности этого племени [51, с. 126—129; 466, с. 309]. А поскольку старое мнение о том, что приведенная выше кельтская топонимия в устьях Дуная связана с дальними походами кельтов из Тиле, опровергается скромными масштабами их проникновения в северо-восточном направлении [92, с. 434—438, 444—448; 473, с. 222—224; 482], становится вполне вероятно, что упоминаемые в декрете галаты могут быть сопоставляемы с бритологами Птолемея [51, с. 103, 129—131, 164—165; 452, с. 125—126, 460; 466, с. 309—310].

ее в деталях, но считали кризис причерноморских полисов локальным и вызванным враждебной активизацией местных племен [110, с. 82—92, 148—152; 120, с. 129, 136; 405, с. 224—226; 452, с. 460—462, 516—520].

Сравнительное изучение истории средиземноморской метрополии и ее причерноморских апоекки показывает, однако, что кризисные явления одинаково — хоть и не одновременно — проявлялись во всем греческом мире и вызывались общими причинами [34, т. 1, с. 9—36; т. 2, с. 5—42; 188, с. 361—366; 440; 509; 525, с. 30—316]. Общность социальной структуры понтийских городов и центров метрополии и обусловленность кризисных явлений в их истории сходными факторами были отмечены еще в 50-х годах [315; 478, с. 65—80], и при всех различиях в развитии Средиземноморья и Причерноморья это единство неоспоримо. В самом деле, хотя производство античного общества строилось на рабстве, а античное государство имело его своей основой, процесс превращения «патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости» [2, т. 3, ч. 1, с. 364—365; ч. 2, с. 143, 368], сопровождался сосредоточением земли в руках рабовладельцев и разрушал мелкую собственность крестьян и ремесленников, ведущих самостоятельное хозяйство, то есть то, что являлось, по словам К. Маркса, экономическим основанием общества в «лучшие времена классической древности» [2, т. 1, с. 346; т. 3, ч. 2, с. 371]. Между тем низкая производительность рабского труда порождает экономический застой, тогда как распространение рабства «превращает труд в рабскую деятельность, то есть в занятие, бесчестящее свободных людей» [8, с. 643]. До известного времени выход из такого положения давало расширение сферы экономических связей, однако

в античную эпоху деятельность «колоссально развившихся торговых городов, как торговля чисто посредническая, основывалась на варварстве производящих народов» [2, ч. 3, ч. 1, с. 363] и сокращалась по мере их развития. Таким образом, «в античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство» [2, т. 25, ч. 1, с. 364] со свойственными ему противоречиями, ведущими к разорению мелких производителей, полноправных граждан античного государства.

Поскольку предпосылкой прочности и устойчивости этого государства были «сохранение равенства между образующими его свободными и самостоятельно обеспечивающими свое существование крестьянами, а также собственный труд как условие дальнейшего существования их собственности» [3, с. 467], рост рабовладения и концентрация земли неизбежно расшатывают основы античного политического строя. Они создают «такие условия, в силу которых отдельный человек может лишиться своей собственности, то есть того двойного отношения, которое делает его, с одной стороны, равноправным гражданином, членом общины, а с другой — собственником» [3, с. 484]. Все это порождает затяжной кризис, преодоление которого может быть только временным и достигается «в большинстве случаев путем насильственного порабощения гибнущего общества другим, более сильным» [8, с. 643].

Кризис полиса намечается в Греции в ходе Пелопоннесской войны и проявляется с достаточной определенностью в первой половине IV в. до н. э. Греческие государства Северо-Западного Причерноморья вовлекаются в него не ранее второй четверти — середины III в. до н. э., что находится в непосредственной связи с изменениями в среде окружавших их племен. Истрийские и ольвийские надписи не оставляют сомнений в том, что уход

шение внешней обстановки способствовало обострению и разрастанию всех других черт надвигающегося кризиса [509; 525, с. 306—316]. Разорение городских территорий, прямо засвидетельствованное для Истрии декретом в честь Агафокла [22, № 15], подтверждается для ольвийской хоры археологическими материалами [148, с. 11—12]. Оно приводит к продовольственным трудностям [22, № 18; 59; 23, № 32] и обострению социальных отношений [22, № 1; 18; 19]. Ольвийский декрет в честь Протогена прямо противопоставляет бедному и голодному народу «имущих» (ΕΧΟΝΤΕΣ), «богатых» (ΕΥΠΟΡΟΥΜΕΝΟΙ) и «сильных» (ΙΣΧΥΟΝΤΕΣ); в городах усиливается аристократическая верхушка, фактически монополизирующая в своих руках все должности [440, с. 571—580; 525, с. 312—313; 526, с. 31—33]. В таких обстоятельствах рабы и так называемые миксэллы — скорее, военнообязанные земледельцы типа клерухов или катойков, чем простые наемники, — переходят на сторону врагов, не только подрывая обороноспособность гражданского коллектива, но и расшатывая его устои. Городские власти, желая смягчить раздражающие граждан противоречия и не допустить вызываемых продовольственными трудностями волнений, пытаются прежде всего создать общественные запасы зерна [509], учреждают чрезвычайные коллегии ситонов, ведающие его распределением среди неимущих, идут на временное введение экстраординарных магистратур *. Необходимые для проведения такой политики средства сосредоточены в это время в руках немногих состоятельных граждан, и государственная казна пополняется ссу-

* В предпоследней четверти III в. до н. э. в Ольвии существовала постоянная коллегия ситонов [17, № 72]; еще ранее ольвиополит Автостерий занимал должность Ο ΕΠΙ ΤΗΣ ΣΙΤΟΜΕΤΡΙΑΣ [525, с. 311]. Чрезвычайные полномочия Протогена подробно рассмотрены В. В. Латышевым [191, с. 289—291, 294—297].

дами или жертвованиями богатей, среди которых мы встречаем и граждан, и иностранцев *. Однако собранные деньги приходится пускать в ход прежде всего для умиловливания властителей местных племен — одна из ольвийских надписей называет их «царями страны», ΤΗΣ ΧΩΡΑΣ ΒΑΣΙΛΕΙΣ [23, № 30; ср. ΟΙ ΚΡΑΤΟΥΝΤΕΣ ΤΗΣ ΧΩΡΑΣ ΒΑΡΒΑΡΟΙ в несколько более позднем истрийском декрете — 22, № 54]. С этой целью к варварским вождям периодически направляются дорогостоящие и не всегда удачные посольства — Протоген не только давал деньги на дары царю Саитафарну, но и сам принимал участие в посольствах; точно также действовал в Истрии его современник Агафокл, финансировавший и возглавлявший посольства к Золту и Ремаксу. Завершается это в обоих случаях одинаково — греческим городам приходится поступиться своей независимостью.

§ 11. Социально-экономический строй, культура и религия Тиры в конце III — начале I в. до н. э.

1. Хозяйство и общественно-политическая структура. История Нижнего Поднепровья в конце III—II в. до н. э. фактически неизвестна, но те отрывочные сведения, которые все же извлекаются из имеющихся источников, вполне соответствуют восстановленной выше картине. В конце III в. до н. э. был разрушен Никоний, переживавший уже со времени похода Зопириона период упадка и варвари-

* Затраты Протогена на нужды Ольвии подсчитаны В. В. Латышевым [191, с. 109—114]; об истрийских гражданах, приходивших на помощь героиду, имеется справка у Д. Пипида [478, с. 114—115]. Любопытно, что долг Истрии каллатийцу Гефестону сыну Матрия [22, № 9; 476, с. 54—67], равно как и долг ольвиополитов херсонесцу Аполлонию [17, № 28 + 29; 193, с. 177—183] не были погашены при жизни заемщиков и оба города должны были улаживать эти долги с их наследниками.

зации [29, с. 18; 268, с. 19—20; 275, с. 54, 56], в середине III в. до н. э. прекращается жизнь на мелких поселениях Нижнего Поднестровья [36, с. 318—320; 268, с. 20]. Тира пережила этот критический период — здесь известен слой III — II вв. до н. э. со строительными остатками, керамикой и другими материалами, — но лишилась, по-видимому, своей хоры. Что касается города, то в это время осуществлялись перестройки (§ 6, 1—2) и возводились новые сооружения. Так, к позднеэллинистическому времени относятся водосток (№ 342) и стены (Jf 375, 400, 410), пересекавшие в широтном направлении куртины (№ 231 и 409) оборонительной стены и выходящие к ул. Поперечной эллинистического времени (рис. 13 и 15). Много внимания уделялось в III—II вв. до н. э. и содержанию оборонительных стен. Однако перестройки этого времени указывают на снижение уровня строительной техники: в дело идут разномерные плиты и блоки, плохо подогнанные по месту, горизонтальность рядов кладки не поддерживается, толщина стен подземных помещений уменьшается.

По сравнению с обилием и разнообразием находок предшествующего периода количество и качество импортного вещевоего материала позднеэллинистического времени несколько снижается. Встречаются, правда, привозные предметы, характерные для быта греческой метрополии — переносные керамические очаги для приготовления и разогревания пищи [261], терракотовые статуэтки (рис. 25); находят немало посуды, происходящей из малоазийских центров, сосудов с рельефным орнаментом, имитирующих чеканную металлическую посуду («мегарские» чаши), но вместе с тем наблюдается увеличение числа обломков лепной и кружалной посуды с четко выраженными гето-фракийскими традициями. Весь археологический материал III—I вв. до н. э. отражает «постепенное нарастание экономического

Рис. 25. Голова женской статуэтки в стиле «танагра». III в. до н. э. Терракота. Высота 6,3 см. Публикуется впервые.

кризиса» [306, с. 44]. Однако речь должна идти именно о процессе постепенного увядания города, а не о катастрофическом упадке.

Главным торговым контрагентом Тира в рассматриваемое время был Родос. Уже в третьей четверти III в. до н. э. количество находимых в Тире родосских клейм немного увеличивается, а между 220—180 гг. до н. э. резко возрастает. Родосский импорт остается значительным до середины II в. до н. э. и окончательно замирает лишь к его концу. В течение всего рассматриваемого времени в Тире поступали также товары в книдской и косской таре и товары из Херсонеса, а с 70-х годов II в. до н. э. постепенно растет импорт Синопы [66; 262].

О колебаниях экономики Тира в III—II вв. до н. э. свидетельствует и ее монетное дело — здесь чеканились (притом в небольшом количестве) лишь мелкие номиналы разменной меди [121, с. 29—30, 124—125], не

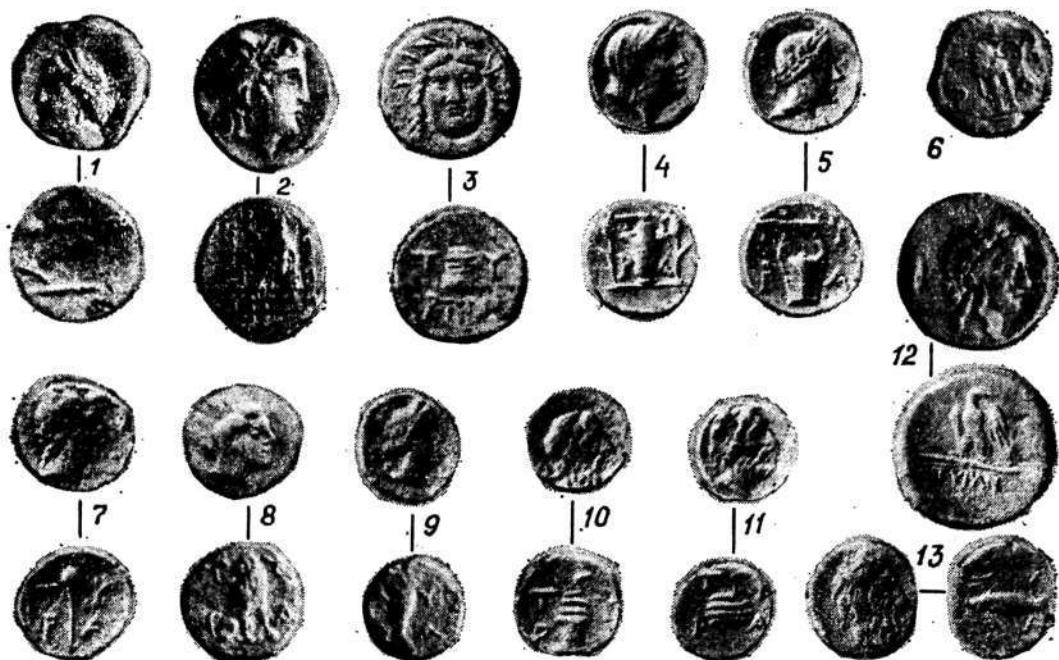

Рис. 26. Монеты Тира:

1, 3—11 — разменные бронзовые монеты (250—120 гг. до н. э.); 2 — золотой статер с типами Лисимаха (около 180—170 гг. до н. э.); 12—13 — разменные бронзовые монеты (120—60 гг. до н. э.).

выходившие за пределы городского рынка (рис. 26). Несколько неожиданно выглядит на этом фоне эмиссия золотых статеров с типами Лисимаха (рис. 26, 2), отнесенная А. Н. Зографом к рубежу III—II вв. до н. э. [121, с. 26—28]. Исходя из современных представлений о датировке посмертных выпусков золота с типами Лисимаха [503], известные тирасские статеры [463] не могут датироваться ранее, чем вторым или даже третьим десятилетием II в. до н. э. — их византийские образцы [121, с. 28, табл. II, 8] датируются 195—190 гг. до н. э. [503, с. 197—199, табл. XXIV, 11a]. Есть также основание приписывать Тире золотые статеры, известные по находкам из Северо-Западного Причерноморья [504, табл. V, 227, 228] — имя города скрыто здесь в несложной монограмме из букв ТΥ [63]. Наличие таких монет в кладе из Анадола, зарытом в период первого нашествия бастарнов, между 228 и

220 гг. до н. э. [504, с. 43—44], показывает, что первая эмиссия золота в Тире относится к третьей четверти III в. до н. э. Если рассматривать ее как признак относительной стабилизации экономики, то следует заключить, что упадок города во второй половине III—II вв. до н. э. не был непрерывным: периоды обострения кризиса перемежались, по-видимому, с периодами подъема. Впрочем, эмиссия статеров с типами Лисимаха, служивших в III—I вв. до н. э. наряду с такими же посмертными выпусками тетрадрахм основным платежным средством на рынках Причерноморья [120, с. 100, 114], осуществлялась в Тире в обоих случаях в ограниченном количестве, а обращавшиеся в городе статеры сосредоточивались, надо полагать, не в городской казне, а в руках таких богачей, как Протоген в Ольвии или Агафокл в Истрии.

О том, что и среди граждан Тира

были люди, выделявшиеся своим богатством и общественным положением, свидетельствует томитанский декрет конца II или начала I в. до н. э. в честь некоего Нила, гражданина Тиря [16, с. 310—311, № 2; 128, с. 113—115, № 2; 513, с. 90—92, № 3]. Надпись прямо указывает на то, что Нил, проживая в городе Томы, «достойно позаботился» об общих делах обоих центров, а по возвращении на родину «проявил себя благожелательным и во всем преданным» интересам граждан города Томы, оказывая содействие, в частности, всем купцам-томитянам, плывущим в город Ольвию. Если предположенное И. Стояном дополнение 19 строки этого документа верно, то Нил добился того, что преимуществ, которыми пользовались граждане Тиря в Томах, были распространены на томитян в Тире. За эти заслуги он получил в городе Томы не только обычные привилегии прокшенов, но и право на приобретение недвижимости и на доступ к совету и народу «первым после священных дел». Формулировки декрета в общем обычные, но документ утверждает роль Тиря как промежуточного этапа на пути от городов Добруджи к Ольвии [270] и показывает, что некоторые из тирасских граждан вели торговые операции широкого размаха и пользовались известностью и влиянием за пределами своей родины [43, с. 133].

Если Нил олицетворяет собой верхний слой тирасских граждан, то другая надпись, открытая еще дальше от берегов Днестра, проливает свет на положение тех жителей Тиря, на плечи которых легли все трудности кризисных десятилетий. Документ, найденный в Иасосе, представляет собой коллективное надгробие наемников, сражавшихся за интересы насосцев на рубеже III—II вв. до н. э. Здесь названы уроженцы разных городов и стран — пятеро антиохийцев, двое галатов, синопеец, киликийец, сидонянин, даже мидянин и араб; северопонтий-

ские берега представляют скиф (по видимому, из Добруджи), носящий, впрочем, чисто греческое имя (Кердон сын Гермона), гражданин Бизоны (Ктесий сын Аполлония) и, наконец, Гермий сын Дионисия ΤΥΡΑΝΟΣ [357, с. 105—106, № 1]. Вряд ли можно сомневаться, что тирасский гражданин оказался на границе Ионии и Карии в силу необходимости — нелегкую участь наемника избирали, как правило, люди, лишенные экономической и социальной базы в своем отечестве.

Что касается Нила, то эта фигура привлекает внимание еще одной чертой: в декрете томитян специально отмечено его высокое происхождение — ΕΚ ΠΡΟΓΟΝΩΝ ΑΓΑΘΩΝ ΩΝ. Эта деталь хорошо подчеркивает, что аристократизация общественно-политической структуры припонтийских городов проявляется в эпоху кризиса не только в Истрии или Ольвии [525, с. 311—313], но и в Тире. Другие стороны этого же процесса — элитаризация правящего слоя и ограничение демократии — отражены другим документом, а именно фрагментированным списком граждан, относящимся к рассматриваемому времени [135, с. 152—153; 305, с. 61, рис. 2, 8]. На камне сохранились остатки восьми имен, причем расположение их делает маловероятным, что надпись была простым списком граждан. В документах эллинистического времени в таких списках обычно каждая строка начинается именем в именительном падеже [17, № 71; 22, № 190, 191; 23, № 201; 24, № 318], что устанавливается даже по небольшим обломкам [17, № 168; 22, № 186], тогда как на тирасском фрагменте две из семи строк начинаются именами в родительном падеже (то есть патронимиками). Вполне вероятно, хотя, разумеется, не доказано [18, ч. 2, с. 32, прим. 45], что обломок является заключительной частью декрета, завершавшегося списком лиц, скрепивших постановление

своими печатями. Такое обыкновение существовало в римское время в Херсонесе [192, с. 314—331] и в Тире [23, № 2]. Если практика скрепления декретов печатями действительно началась в Тире еще в позднеэллинистическое время, то этот факт скрывает за собой характерное для эпохи кризиса сосредоточение реальной власти в руках сравнительно узкого круга лиц [18, ч. 2, с. 25—35].

2. **Культура и религия.** Если материальная культура Тира в позднеэллинистическое время вырисовывается по мере изучения городища со все большей определенностью, то идеологические представления населения выявляются почти исключительно через призму его религиозных верований. Монетные изображения подтверждают существование культов Аполлона (рис. 26, 5, 6, 12), Деметры и Керы (рис. 26, 1, 3, 4, 9), Афины [121, № 31, 43, табл. III, 7 и 18] и добавляют к ним указания на почитание популярных в эллинистическом мире божеств — богини судьбы Тихе (рис. 26, 8), бога-покровителя торговли Гермеса [121, № 38, табл. III, 12] и бога-целителя Асклепия (рис. 26, 10—11), а посвятельное граффито указывает на сохранение культа Геракла [351, табл. I, 19]. Терракоты, изображающие Эроса с пегухом или с виноградной гроздью [155, с. 100—101, рис. 3, 6—7], дополняют круг тирасских культов косвенным указанием на Афродиту.

Эллинистическая эпоха была временем религиозного синкретизма; в греческом мире, в частности, широко распространились египетские культы. В Тире этот процесс документируется посвятельной надписью в честь Сараписа и Исиды [23, № 5; 192, с. 140—147] и культовой статуэткой Сараписа с остатками калафа на голове [292, с. 26, табл. II, 2]. Печатью религиозного синкретизма отмечено появление на монетах Тира бородатой головы с клешнями рака на висках, в которой А. Н. Зограф видел олицетво-

рение обожествленного Понта (рис. 26, 13; 121, с. 48). Д. Б. Шелов указал на наличие подобных изображений на монетах других причерноморских центров и отметил связь этого типа с эпохой, когда создание единой всепонтийской державы стало «одним из основных направлений бурной политической деятельности Митридата Евпатора» [316, с. 100—101]. Он же поддержал догадку Э. Миннза [452, с. 148], связывавшего появление на тирасских монетах изображений и символов Диониса (рис. 26, 7) с идеологической программой Митридата, считавшего этого бога своим личным покровителем и поощрявшего распространение соответствующего культа [218].

§ 12. Исторический очерк Тира (середина III—I вв. до н. э.)

Политическая история Тира в позднеэллинистическое время оставляет широкое поле для предположений. Можно догадываться, что город и его хора не менее ольвиополитов страдали от набегов и вынуждены были откупаться от алчности предводителей различных варварских племен. Представляется, что находка в Тире бронзовой монеты Хараспа, одного из скифских царей Добруджи [144, с. 93, № 17, рис. I, 4], позволяет с доверием отнести к сообщению П. О. Бурачкова [65, с. 17; 121, с. 57] о найденных здесь в разное время монетах других правителей Малой Скифии — Канита, Сариака и Элия. Если принять во внимание, что находки монет этих царей ограничиваются черноморским побережьем от Истрии до Одессы, то есть территорией, на которую распространялся их политический контроль [368, с. 195, карта], и что тирасские находки включают монеты чуть ли не всех известных властителей Малой Скифии, можно допустить, что Тира находилась если не под их непосредственной властью, то, во всяком случае, в сфере их интересов.

Углубление кризиса полисов Средиземноморья и Причерноморья повышает роль эллинистических монархий во всей политической жизни эпохи. Особую роль сыграло при этом в истории причерноморских государств быстрое возвышение Понтийского царства. На рубеже 80-х — 70-х годов II в. до н. э. царь Фарнак пытается выступить в роли объединителя и защитника эллинства на Черном море, и сообщение Полибия [XXV, 2, 12], подкрепленное эпиграфическими документами из Херсонеса [23, № 402] и Одесса [24, № 40], при любой интерпретации [90; 163; 264] показывает, что в круг интересов понтийского царя были вовлечены Гераклея, Кизик, Месембрия, Одесс, Херсонес и неизвестный по другим источникам сарматский вождь Гатал. Сведений об участии городов Северо-Западного Причерноморья в политических акциях Фарнака нет, но если даже владения «сармата Гатала» не распространялись на правый берег Днепра, сама нормализация отношений между сарматами, Херсонесом и Скифским царством в Крыму должна была способствовать временной стабилизации положения во всем регионе [432, с. 18—19] и не могла не отразиться на Тире. Во всяком случае возобновление в 70-х годах II в. до н. э. эмиссии золотых статеров (рис. 26, 2) свидетельствует о некотором укреплении городских финансов, а находки в Тире синопской и херсонесской керамики [262, с. 57, 60; 263, с. 145—147] дают основание считать, что во второй четверти II в. до н. э. контакты Тиря с Понтийским царством и его союзниками приобрели регулярный характер.

Роль Понтийского государства в Причерноморье особенно возрастает в первые десятилетия правления Митридата Евпатора (120—63 гг. до н. э.), когда его власть распространилась на Колхиду и Боспор, а Херсонес и Ольвия стали его союзниками [110, с. 82—115; 319; 416, с. 312—318]. В начале

Рис. 27. Фрагмент рельефа с изображением воина с галатским (галльским) шитом. I в. до н. э. Мрамор. Высота 19 см. Публикуется впервые (находка 1983 г.).

I в. до н. э. Митридат прочно держал в своих руках и западное побережье Черного моря [24, № 392; 43, с. 161—165; 90; 91, с. 129—131; 473, с. 271—272, 276—281], а сарматы и бастарны находились в числе его союзников и выставляли в его войско свои отряды [Just., XXXVIII, 3, 7]. В этот период авторитет молодого понтийского царя был прочным — по свидетельству Аппиана [Mithr., 15], тавры, скифы, сарматы, бастарны и фракийцы «были готовы на все, что он прикажет».

Положение Тиря в годы правления Митридата не освещено прямыми показаниями источников, но Д. Б. Шелов достаточно убедительно показал, что в конце II — в первых десятилетиях I в. до н. э. город находился в сфере его влияния [316]. Автор исходит при этом как из общ исторической ситуации, так и из стилистической близости одной из поздних групп тирасской меди (рис. 26, 12) к монетам городов Понта и Пафлагонии [120, табл. XVIII, 22], чеканенным в конце II в. до н. э. [121, с. 30; 316, с. 99—100; 319, с. 42, 52; 452, с. 447]. На это

указывают и «промитридатовский» характер некоторых других эмиссий (рис. 26, 7, 13; 121, № 29, 30, 32, 33; 316, с. 100—101; 319, с. 52), и находки городской понтийской меди в Тире [316, с. 101—102; 32, с. 195, № 3; 144, с. 93, № 18]. Эти материалы не дают возможности судить о статусе города в составе державы Митридата, но ольвиополиты, принявшие в свои стены понтийский военный отряд, удержали все внешние признаки полисного суверенитета [23, № 35]. Если рассмотренная выше надпись в честь Нила относится уже ко времени пребывания Тиры под властью Митридата, то город не только оставался формально самостоятельным полисом, — об этом свидетельствуют и его монетные эмиссии, — но и сохранял значение важного торгового порта на пути от Том к Ольвии [270].

Еще в конце II — в первых десятилетиях I в. до н. э. римляне стремились укрепить свои позиции на Среднем Дунае [470, т. 1, с. 34—35; 473, с. 275], но продвижение к устьям великой реки началось лишь после решающих побед над Митридатом, одержанных Луцием Лицинием Лукуллом. В то время, когда римский полководец вел военные операции в Вифинии и в Галатии (72 г. до н. э.), его брат Марк начал наступление против бесов, крупного фракийского племени, бывшего на стороне Митридата, а в 71 г. до н. э. он, по сообщению источника, отмечал триумф *de Bessis*, захватив Кабилу, Томи «и другие соседние города» [Euseb., p. 152 ed. Helm]. Список этих городов пополняет Евтропий [VI, 10], уточняющий, что Аполлония была разрушена, Каллатия, Партенополь, Томи, Истрия (а также, по видимому, Бизона) взяты римлянами, которые проникли до Дуная [43, с. 165—167; 470, т. 1, с. 36—38; 473, с. 276—277; 530, с. 25—26]. Судьба Тиры во время этих событий неизвестна, но с этого времени она вышла из числа союзников Митридата [319, с. 41, 55].

В результате разгрома западнопонтийских городов они оказались фактически под властью Рима, однако римские гарнизоны были введены лишь в Месембрию [24, № 314 — а] и, возможно, в Аполлонию; города, лежавшие к северу от Гема, были поставлены в положение римских союзников [93; 471, с. 97—99; 478, с. 165—166]. Сохранился фрагмент договора о таком союзе лишь между Римской республикой и Каллатией; из этого документа видно, что город обязался помогать деньгами в случае враждебного нападения на подвластные Риму страны [43, с. 167—168; 469; 478, с. 166—167, 172—181; 497; 515, с. 269—275; 530, с. 24—26]. Такое положение сохранялось и позже, когда Г. Антоний Гибрида, бывший коллега Цицерона по консулату, ограбил земли дарданов и отсиживался зимой 62/61 г. до н. э. за стенами Дюнисополя [24, № 13; 192, с. 226—243]. В дальнейшем Гибрида пытался «поступить подобным образом и по отношению к союзникам в Мезии» [Cass. Dio, XXXVIII, 10, 1—3], но такая грабительская политика закончилась полным разгромом Гибриды, потерпевшего вблизи Истрии поражение от бастарнов и скифов, пришедших на помощь своим соседям; римский проконсул с трудом отвел остатки своих войск в Македонию [43, с. 169—171; 369; 470, т. 1, с. 38—42; 473, с. 281—282; 478, с. 168, 175; 530, с. 27—31; 533, с. 47—48; 128—129]. Неудачный поход Л. Кальпурния Пизона в 58—55 гг. до н. э. [Cicero, In Pison., 36] подтвердил, что о господстве Рима в северо-восточной части Балканского полуострова говорить рано.

Слабость римских позиций в рассматриваемом районе обнаружилась с полной отчетливостью в середине I в. до н. э., во время объединения и политического подъема северо-восточных фракийских племен под властью Бурбисты [115; 196; 371; 470, т. 1, с. 42—51; 530, с. 27—31; 533, с. 39—68,

125—130]. Время его прихода к власти спорно, но дионисопольский декрет в честь Акорниона [24, № 13] указывает, что «первым и величайшим царем Фракии» он стал вскоре после упомянутой зимовки Гибриды в Дионисополе, то есть около 60 г. до н. э. [379, с. 43—54]. По словам Страбона, сохранившего в своем труде наиболее содержательные сведения о Буребисте [VII, 3, 11—12], последний в течение немногих лет «образовал великое царство и подчинил гетам большую часть соседей». На этом основании Буребисте приписываются широкие политические планы и в современной румынской историографии его именуют военным или политическим гением [531], продолжателем традиций Митридата [377], создателем первого централизованного государства у гето-даков [380].

Однако все, что сообщают источники о внутренней и внешней политике Буребисты, — «удержание народа в повиновении» с помощью жреца Декеней, уничтожение виноградарей на всей подвластной территории, разорение страны среднедунайских кельтов, смешавшихся к этому времени с фракийцами и иллирийцами, опустошительные набеги на Фракию до самых границ римских провинций Македонии и Иллирии, разгром боев и таврисков [Strabo, VII, 3, 11; VII, 5, 2], разорение земли германцев далеко на Западе [Iord., Get., 67], наконец, взятие и разорение Ольвии и других городов западнопонтийского побережья вплоть до Аполлонии [Dio Chrys., XXXVI, 4] — все это позволяет видеть в «державе Буребисты» племенной союз, не ставивший своей целью подчинение и планомерную эксплуатацию побежденных [115, с. 90—91]. Трудно согласиться и с тем, что относящийся, скорее всего, к 48 г. до н. э. [471] поход против греческих городов диктовался стремлением остано-

вить римское наступление к низовьям Дуная [371] или осуществить продуманную политику «включения всего побережья вместе со всеми городами в состав гето-дакийского государства» [379, с. 125], подготовленного к тому же обращением греческих городских монет на территории последнего [454]. Источники позволяют говорить об «интеграции» державой Буребисты только Дионисополя, сохранившего притом все внешние признаки самостоятельности [24, № 13], — геты не назначали в подчинившиеся им полисы администраторов и не вмешивались в их жизнь [115, с. 90].

Судьба прочих городов оказалась различной: Месембрия, чествующая стратегов, возглавлявших военные действия против Буребисты [24, № 323], устояла перед его натиском; Одесс, Истрия и Ольвия были разрушены, о чем в первых двух случаях позволяют заключить документы, сохранившие упоминание о «втором основании» города и «возвращении» жителей [22, № 191, 193; 24, № 46]; во всех трех городах имеются и следы разрушений в середине I в. до н. э. [295, с. 17; 478, с. 54—55, 193; 519, с. 364]. Что произошло в это время с Каллатией и Томами — неизвестно *. Относительно Тирь также нет сведений, но учитывая скромные военные возможности этого города, следует полагать, что он либо был разгромлен, как Истрия и Ольвия, либо, подобно Дионисополю, был вынужден в течение нескольких лет признавать власть Буребисты.

* Дата известного декрета о городской страже [16, с. 253—255, № 19], который раньше относили ко времени Буребисты [470, т. 1, с. 47, прим.; 527, с. 98—99], в настоящее время вызывает сомнение: Т. В. Блаватская [43, с. 188, 189, 195] и Й. Стоян [513, с. 83—90] считают надпись более древней, тогда как Д. М. Пиппиди, напротив, относят ее к более позднему времени [473, с. 283, прим. 72].

ТИРА

В ПЕРИОД УТВЕРЖДЕНИЯ

РИМСКОЙ ВЛАСТИ

В НИЖНЕМ ПОДУНАВЬЕ

(середина I в. до н. э.—
третья четверть I в. н. э.)

§ 13. Продвижение римлян к Нижнему Дунаю и создание провинции Мезии

Первые походы римских легионов к берегам Нижнего Дуная относятся ко времени Митридатовых войн, но позиции Рима в этом регионе не были прочными и в середине I в. до н. э., когда Буребиста, по словам Страбона [VII, 3, 11], «наводил страх и на римлян». Гибель гетского вождя, разделение его непрочной державы сначала на четыре, а потом на пять частей и раздоры между его преемниками [Strabo, VII, 3, 12] несколько улучшили положение греческих городов: по словам истрийского декрета в честь Аристагора [22, № 54], относящегося ко второй половине I в. до н. э. [476, с. 270—286], Истрия оставалась некоторое время без стен, так что «граждане вновь подвергались опасности вместе со своими женами и детьми», но сравнительно скоро стены были отстроены и «постепенно граждане стали возвращаться из варварской страны в город». Хотя «владеющие этой страной варвары» неоднократно беспокоили их, в течение жизни одного поколения жизнь в городе восстановилась, а при Августе в Истрии уже существовал храм, посвященный императору [22, № 146]. В Ольвии следы разгрома ощущались еще в конце I в. н. э. [Dio Chrys., XXXVI, 4—6], но в честь Августа и сменившего его Тиберия был воздвигнут портик [23,

№ 181]. Если Тира также была разгромлена гетами, то и здесь, надо полагать, на рубеже эр была восстановлена мирная жизнь.

Истрийский декрет в честь Аристагора не дает возможности определить, кем были варвары, «владевшие страной и рекой» и постоянно оказывавшие давление на Истрию, но у южных границ региона падение гетского могущества увеличило на некоторое время значение одрисских царей, верных союзников Рима. Так, надпись из Одессы, приходящаяся на время краткого промежутка между гибелью Буребисты (44 г. до н. э.) и смертью одрисского царя Садалы (42 г. до н. э.), показывает, что некий грек Меноген, поставленный Садалой правителем пограничной с городской хорой территории Одрисского царства, оказывал всевозможное содействие одесситам [24, № 43]. О каком-либо вмешательстве Меногена и самого Садалы в городские дела нет и речи; таким образом, Одрисское царство не проявляло в это время экспансионистских стремлений по отношению к приморским городам [43, с. 178—180; 211; 496].

Продвижение римлян к устьям Дуная не может быть здесь рассмотрено с исчерпывающей полнотой, равно как и во многом еще спорный вопрос о времени организации провинции Мезии*. Однако в 29—28 гг. до н. э.,

* Углубленное изучение этого вопроса

во время походов М. Лициния Красса [387, с. 123—127; 470, т. 1, с. 69—82; 530, с. 31—34], римляне проникли на северо-востоке до гетского селения Генукла [Cass. Dio, LI, 26, 5], которое локализуют на севере Добруджи [473, с. 292, прим. 21; 511, с. 12; 530, с. 34, прим. 44]. По-видимому, недалеко от этих мест происходило несколькими годами позже (вскоре после 16 г. до н. э.) столкновение Л. Тария Руфа с перешедшими Дунай сарматами [Cass. Dio, LIV, 20, 3]. Труднее установить точные даты и локализовать районы военных действий во время относящихся уже к началу н. э. походов Элия Ката [Strabo, VII, 3, 10] и Гн. Корнелия Лентула [Tas., Ann., IV, 44; Flor., II, 28, 18; IV, 12, 19—20], но нет оснований полагать, что они затрагивали бассейн нижних течений Сирета — Прута — Днестра [451, с. 219—223; 467, с. 92—94; 470, т. 1, с. 82—94; 517], поэтому известное место из завещания Августа [Ioh. Ansg., 30] о переходе римского войска на левый берег Дуная не приходится относить к истории рассматриваемого края.

Постоянные военные операции против фракийских, бастарнских и сарматских племен Дунайского бассейна, осуществлявшиеся в период длительного правления Августа, укрепляли римское владычество в бассейне Дуная и на черноморском побережье. Вряд ли, однако, мероприятия римских военачальников подчинялись единому плану превращения всего течения Дуная в границу империи. Фракция в рассматриваемое время оставалась под управлением собственных царей и династов [203, с. 517—518; 367, с. 58—59; 439; 516]. В состав их владений постепенно вошла и вся прилегающая к Дунаю территория Доб-

руджи, так что фракийские гарнизоны находились в наиболее важных пограничных крепостях Эгиссе (Aegyssus, совр. Тульча) и Трезмисе (Troesmis, совр. Иглица), а царь одрисов Раскупорид даже планировал поход на левый берег Дуная [Ovid., ex Ponto, IV, 9, 75—80; Tas., Ann., II, 65]. Сохранение формально самостоятельного Одрисского государства на Нижнем Дунае затрудняло для римских войск, базой которых была Македония, эффективные действия в Добрудже. При этом Красс, сознательно перешедший от обороны к наступательным операциям, сосредоточил свои усилия на покорении мезов и сердов, обитавших на западе, в бассейне реки Тимок; в восточной Мезии действовал его союзник, фракийский правитель Рол, и продвижение римских войск до Генуклы, даже если она действительно находилась на севере Добруджи, было скорее эпизодом военных действий, чем этапом в покорении занимающего нас района, как это предполагал Т. Моммзен [212, с. 183—184]. Да и вообще в первые годы и даже десятилетия принципата Августа римское правительство по отношению к этой далекой северо-восточной окраине «руководствовалось не какой-либо строго продуманной программой, а нередко шло от случая к случаю» [203, с. 501].

Положение на Нижнем Дунае изменилось, по-видимому, в конце правления Августа: если даже не соглашаться с предположением, что паннонско-далматинское восстание (6—9 гг. н. э.) вовлекло в свой круг племена восточной части Мезии [114, с. 39—40], оно поколебало позиции римлян и их фракийских союзников во всем Дунайском бассейне. Впрочем, до начала восстания уже существовало, как можно догадываться, самостоятельное командование особой группой войск, сосредоточенных где-то на северо-востоке Балканского полуострова: Плавтий Цецина Север, прибывший в 6 г. н. э. на помощь осажденному восстав-

началось в конце XIX в. [486]; обзор проблемы и литературы до 60-х годов дал Р. Вулпе [530, с. 31—35]. Из советских исследователей следует назвать В. Н. Дьякова [106, с. 77—88], Т. Д. Златковскую [114, с. 24—49] и О. В. Кудрявцева [188, с. 147—176].

шими паннонцами Сирмию, выступает у позднейшего греческого историка [Cass. Dio, LV, 29, 3] как Ο ΤΗΣ ΠΑΕ-ΣΙΟΧΩΡΟΥ ΜΕΣΙΑΣ ΑΡΧΩΝ (legatus Augusti pro praetore exercitus Moesia?). Высокий ранг Цецины, одного из консулов 1 г. до н. э., заставляет считать, что он командовал по крайней мере двумя [486, с. 155, 162, 172; 490, с. 1556, 1573; 511, с. 16], а возможно и тремя легионами [517, с. 64]. Вскоре события показали, что охрана дунайской границы, осуществлявшаяся фракийскими гарнизонами, была сильно ослаблена активным участием парей Реметалка и его брата Раскупорида, наследников ранее упомянутого другого Раскупорида, в подавлении антиримского восстания в северо-западной части Балканского полуострова [Cass. Dio, LV, 30, 6; Vell., II, 112]. Это позволило дакам захватить (в 12 г. н. э.) Эгисс и Трезмис; понадобилось прямое вмешательство римских войск, прибывших на кораблях по Дунаю, чтобы восстановить прежнее положение [Ovid., ex Ponto, I, 8, 15—20; II, 9, 38; IV, 7, 25; IV, 9, 79]. Все это привело к тому, что одним из первых мероприятий сменившего престарелого Августа нового принцепса Тиберия (14—37 гг. н. э.) оказалась организация императорской провинции Мезии [App., Illug., 30], к которой были временно присоединены изъятые из-под сенатского управления старые провинции Македония и Ахайя [Tas., App., I, 76; 80]. Первым наместником, имевшим под своей властью все три провинции, составлявшие в совокупности обширную область, был Г. Поппей Сабин, сохранивший свой высокий пост до смерти в 35 г. н. э. [114, с. 45; 511, с. 18—21; 530, с. 43—45].

Организация новой провинции не означала немедленной аннексии Одрисского царства, хотя и предreshала его судьбу. Тем не менее на первых порах государство одрисов, раздиравшееся жестокой междоусобной борьбой членов правящей династии [Tas.,

App., II, 64—67; III, 38; Suet., Tib. 37; Vell., II, 129], сохраняло де юре свое независимое положение. Более того, придунайская часть Добруджи не была включена в новообразованную провинцию Мезию и оставалась под властью Котия, сына Реметалка. Когда Котий был убит своим дядей Раскупоридом (19 г. н. э.), римляне сместили последнего. «Фракия, — пишет Тацит [App., II, 67], — была поделена между сыном его Реметалком, о котором было известно, что он не одобрял козней отца, и детьми Котия, и так как они были тогда малолетними, к ним приставили бывшего претора Требеллена Руфа, чтобы тот некоторое время правил за них». Фактический переход страны под управление римлян вызвал двукратные восстания фракийских племен [Там же, III, 38—39; ср. IV, 46], и после их подавления Реметалк Младший, сохранивший номинальный царский титул, был отвезен в Италию; он возвратился в свое царство лишь после смерти Тиберия, в 38 г. н. э. [516, с. 196—211; 439; 530, с. 54—65]. Впрочем, возвращение царя отнюдь не означало восстановления реальной независимости Одрисского государства, а после смерти Реметалка [между 44 и 46 гг. н. э.] последовала организация провинции Фракии [367, с. 58—59; 387, с. 139—145; 530, с. 46—49]. При этом Добруджа и вся прилегающая к Дунаю полоса населенных фракийцами земель вошли в состав ранее созданной Мезии [473, с. 305—307; 421, с. 212—218], внутри которой они составили особый таможенный округ — portorium girae Thraciae [388, с. 234—235; 458; 476, с. 373—382; 533, с. 132—135, 303—305].

Иначе сложились судьбы греческих городов черноморского побережья, также включенных в 46 г. н. э. в Мезию, но перешедших под власть Рима несколькими десятилетиями ранее (§ 12); они составили отдельную префектуру, подчиненную до 46 г. н. э. Македонии [476, с. 382, прим. 91;

511, с. 14; 533, с. 135—136]. В начале I в. н. э. граждане Каллатии официально чествуют проконсула Македонии П. Виниция [473, с. 300, прим. 91; 488; 499], а Истрия примерно тогда же получает от римских властей освобождение от пошлин [476, с. 349—385; 530, с. 49—55]. С другой стороны, ссылка Овидия в Томи (8 г. н. э.) показывает, что город был составной частью Римского государства [486, с. 193—195], как это, впрочем, прямо следует и из слов поэта [Ovid., ex Ponto, IV, 7, 1—2; IV, 9, 119; Trist., II, 197—200]. После образования провинции Мезии *praefectura* *agae maritimae* вошла, надо полагать, в ее состав и была уничтожена лишь при разделении Мезии на две провинции в 86 г. н. э. [476, с. 382—383].

Полисы западнопонтийского побережья переживали после гетского разгрома тяжелые времена. Страбон называет городом только Каллатию, обозначая Истрию и Томи термином *ΠΟΛΙΧΝΙΟΝ* (VII, 6, 1). Бедственное положение этих «городишек» видно как из жалоб высланного в Томи Овидия, так и из надписей, сообщающих, например, что единственной доходной статьей Истрии были поступления за соленую рыбу [476, с. 384]. Ухудшение материального положения большинства городских жителей обостряет социальные противоречия в их среде; эпиграфические документы начала I в. н. э. свидетельствуют о выделении среди граждан знатных и богатых «благородцев» [22, № 56, 57, 59]; среди них встречаются несомненные представители фракийской аристократии [24, № 400].

Во времена Овидия население Добруджи составляли по преимуществу фракийские племена — он называет гетов, мезов, бессов, кораллов — и немногочисленные сарматы; на противоположном берегу Дуная обитали те же геты или родственные им даки, сарматы — среди них отдельно названы язиги — и сидоны, одно из трех

бастарнских племен, известных Страбону [443]. Хотя сосланный поэт, без сомнения, преувеличивает степень проникновения варваров в Томи [74; 240, с. 19—25], он достаточно выразительно описывает тревожную и напряженную жизнь томитян, постоянно опасавшихся нападения воинственных соседей и в то же время не испытывавших уверенности в верности живущих внутри городских стен варваров. Тот же Овидий отмечает, что после организации провинции Мезии положение несколько улучшилось: дикий берег Истра стал, по отзыву поэта, более безопасным; хищные соседи замиренны и уstraшены [ex Ponto, IV, 9, 75—80]; в городе возрождается и налаживается муниципальная жизнь [Ibid., IV, 9, 115; 14, 51—56].

§ 14. Тира в период раннего принципата

1. Нумизматические и эпиграфические памятники. Хотя стратиграфия тирасского городища не позволяет выделить самостоятельный слой I в. до н. э. — I в. н. э., археологические памятники опровергают утверждение, будто город после гетского нашествия едва ли не сто лет лежал в развалинах [217, с. 274]; напротив, он оправился сравнительно быстро. Во всяком случае, керамика — амфоры рубежа новой эры, фрагменты сосудов типов *terra nigra* и *terra sigillata* с клеймами первой половины I в. н. э. — позволяют говорить, что городская жизнь была восстановлена уже к началу новой эры [306, с. 46]. Что касается положения Тире во времена Августа, то для этого периода нет прямых свидетельств; о варваризации населения можно, впрочем, догадываться по резкому возрастанию количества гетской керамики с начала I в. н. э. и в последующие десятилетия [75, с. 121; 302, с. 93—94]. В окрестностях города жили упоминаемые римскими

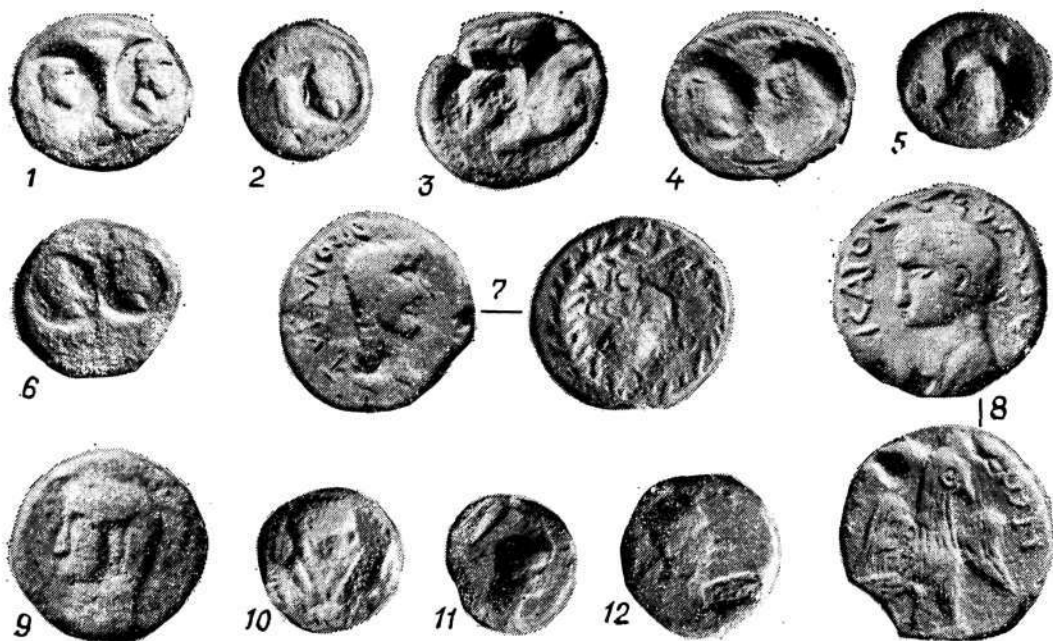

Рис. 28. Тирасские монеты и надчеканки середины I в. н. э.

1—2, 4—6 — бронзовые монеты фракийского царя Реметалка с клеймами Тиры; 3 — бронзовая монета Тиры с такими же клеймами; 7 — бронзовая тирасская монета с изображением римского сената; 8—9 — бронзовые тирасские монеты Веспасиана; 10—12 — бронзовые тирасские монеты Домициана с клеймами начала II в. н. э.

авторами геты (тирагеты) и сарматы (языги), но показания Плиния [IV, 80—81] и Птолемея [III, 5, 7—10; III, 10, 4 и 7] не отличаются ясностью [51, с. 107, 174—178, 199—200; 276, с. 39—55, 85—89]. Птолемей помещает к югу от устьев Дуная «троглодитов», а на побережье от Дуная до Днепра — «гарпиев». В последних видят часть карпов, живших в Прикарпатье, известных Птолемею на этой территории под именем карпианов [360].

О положении Тиры в первой половине и середине I в. приходится судить по крайне скудным данным, среди которых главное место занимают монеты. Обычно считают [121, с. 13; 125, с. 109—111], что после Митридата Евпатора эмиссия монет в Тире прекратилась до Домициана: единственным нумизматическим памятником промежуточного периода признают сестерции и ассы Клавдия, надчеканенные прямоугольным штемпелем с бук-

вами ТУР (рис. 29, 1—3). На тирасских монетах известно, однако, еще другое клеймо: овальный штемпель с изображением обращенной вправо безбородой мужской головы в венке, скрепленном лентой, концы которой свисают вдоль шеи. Такое клеймо не отмечено в нумизматической литературе. Принадлежность его Тире доказывается тем, что оно встречается на сильно изношенных тирасских монетах (рис. 28, 3), а дата наложения надчеканки определяется тем, что описанное клеймо зарегистрировано на находимых в Тире монетах Одрисского царства — на монетах младшего номинала стоит одно клеймо, а на крупных монетах два (рис. 28, 1—2, 4—6). Эти монеты относят ко времени одрисского царя Реметалка II, правившего в 19—36 гг. [536, с. 61—63, табл. XXIV]. Монеты этого царя обращались во многих городах черноморского побережья и также подвергались

Рис. 29. Монеты из Тире. Первая половина I в. н. э.:

1—3 — бронзовые римские монеты с клеймом ТУР; 4 — серебряная тетрадрахма Византия с таким же клеймом; 5 — бронзовые монеты фракийского царя Реметалка; 6 — серебряная драхма того же царя; 7 — подражание бронзовой монете того же царя.

наложению местных клейм [76, с. 63, рис. 26, 3; с. 68, рис. 27, 9].

В Тире отмечены и находки неклеяемых монет последних одрисских царей. Это, прежде всего, редкая серебряная драхма (рис. 29, 6), чеканенная на монетном дворе Византия [98] в то время, когда Реметалк I (11 г. до н. э. — 12 г. н. э.), теснимый враждебными племенами, был вынужден искать защиты на римской территории [Cass. Dio, LIV, 20, 3; 34, 5—7]. Кроме того, из Тире происходит около десятка бронзовых монет с именем Реметалка II; часть принадлежит к числу случайных находок [32, с. 195, № 4—6, рис. 1, 3—5], но такие монеты были найдены и в ходе раскопок в 1960 г. [308, с. 62; 32, с. 197, прим. 12] и в 1982—1984 гг. (рис. 29, 5).

Неоднократные находки монет последних одрисских царей в Тире по-

казывают, что этот город поддерживал в первой половине I в. н. э. прочные отношения с Фракией. В связи с этим необходимо упомянуть о найденном здесь же обломке надписи, относящейся по характеру письма к концу I в. до н. э. или к первой половине I в. н. э. Документ является посвящением какого-то сооружения, а в качестве дедиканта выступает лицо, именующее себя сыном царя (рис. 30). Принимая во внимание, что при Августе и его ближайших преемниках ближайшими к Тире легальными носителями царского титула были одрисские цари, активно вмешивавшиеся в жизнь греческих городов черноморского побережья — об этом свидетельствуют надписи из Истрии [22, № 66] и Каллатии [468], — можно предположить, что в этом случае также речь идет об одном из них.

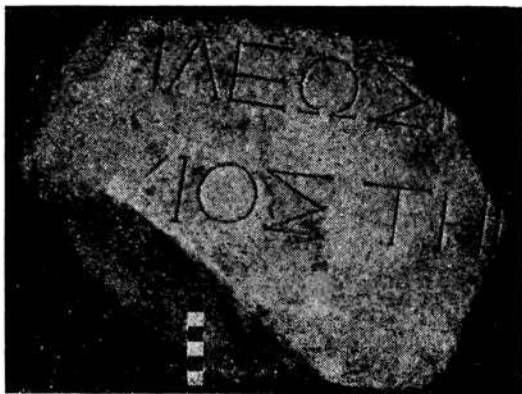

Рис. 30. Обломок посвяtitельной надписи начала I в. н. э. Мрамор. Высота 0,36 м. Публикуется впервые (находка 1982 г.).

Надчеканка фракийских монет местным клеймом с достаточной ясностью указывает на то, что они служили в восстановленном после гетского разгрома городе узаконенным средством обращения наряду с собственными надчеканенными монетами [76]. Что касается самой надчеканки, то ее смысл раскрывается недавно опубликованной монетой, на аверсе которой изображение точно такой же головы сопровождается легендами ΤΥΡΑΝΩΝ и ΙΕΡΑΣ ΣΥΝΚΑΝΤΟΥ (рис. 28, 7), позволяющими определить изображение как олицетворение римского сената [171, с. 120, табл. IX, 5]. Такие изображения, свидетельствующие о культе персонифицированного сената, широко распространены на монетах городов римской провинции Азии со времен Тиберия и до Валериана [414]. Тирасская монета по совокупности признаков относится к эпохе ранней империи и может быть датирована серединой I в. н. э.*

Монета с изображением олицетворенного в образе юноши сената близ-

ка по фактуре кружка, стилю изображений и характеру надписи давно известным тирасским монетам с императорским портретом, римским орлом и надписью ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΣΕΒΑΣΤΟΥ [452, табл. I, 15; 65, табл. XII, 79; 338, табл. II, 110]. Несомненная подлинность этих монет (рис. 28, 8) подтверждается их находками в ходе раскопок тирасского городища [144, с. 93, № 22—24, рис. 1, 6], но они не могут относиться ни ко времени Августа [120, с. 114; 125, с. 109; 452, с. 664], когда своих монет не выпускал ни один из городов западнопонтийского побережья, ни к периоду правления Севера Александра [65, с. 93, № 78; 338, с. 12, № 110], тирасские эмиссии которого не имеют с описываемыми монетами ничего общего. По аналогии с монетами Ольвии [120, табл. XXIV, 12, 15, 17] и Херсонеса [120, табл. XXXVII, 8—17] весь этот выпуск должен быть датирован временем первых Флавиев, чему не противоречит и надпись; во всяком случае, среди эмиссий Малой Азии можно перечислить немало монет с несомненными портретами императоров I в. н. э. с анонимными надписями ΚΑΙΣΑΡ или ΣΕΒΑΣΤΟΣ*, а в соседней Истрии известна монета Нерона с надписью ΑΥΤΟΚΡΑΤ ΣΕΒΑΣ [472, с. 171, № 484].

Прежде чем перейти к исторической интерпретации всех перечисленных эмиссий, необходимо уточнить время их выпуска. То, что крупная медь с римским орлом занимает в этом ряду последнее место, следует из того, что на одном из найденных в 1940 г. в Тире экземпляров имеется прямоугольная надчеканка с колосом (рис. 28,

* Издатель указывает в качестве аналогии монету Херсонеса [120, табл. XXXVII, 7] и датирует тирасскую монету 30—45 гг. н. э. [171, с. 120]. Привлекая для сравнения монеты Ольвии [120, табл. XXXIV, 12, 15] и псевдоавтономную чеканку города Томы [472, табл. VI, 10, 12], эту дату следует отодвинуть к началу второй половины I в. н. э.

* Подобные случаи можно, например, легко отыскать по указателю к коллекции Аулока [415, с. 61—63], где такие анонимные эмиссии указаны среди монет Тиберия (№ 3918, 3941, 6736, 8368), Калигулы (№ 2489), Клавдия (№ 6208, 2586, 3919, 8063), Нерона (№ 2546, 2547, 2859, 2104, 2105, 8951), первых Флавиев (№ 7655, 7220, 7673) и Домциана (№ 2106, 2107, 2548).

9), известная на тирасских монетах Домициана (рис. 28, 10—12). Монеты с олицетворяющей сенат юношеской головой (рис. 28, 7) настолько близки монетам с орлом, что могут рассматриваться в качестве их непосредственных предшественников; судя по весу, все они являлись представителями одного номинала *. Что касается надчеканок, то сходство сюжета и исполнения не позволяет отделять овальное клеймо с юношеской головой от аналогичного монетного типа, и можно предполагать, что клеймение находившихся в обращении старых и иноземных монет предшествовало чеканке монет с олицетворением сената или осуществлялось одновременно с последней. Остается, таким образом, вопрос о дате римских монет, надчеканенных прямоугольным клеймом с буквами TYP (рис. 29, 1—3). Они были известны еще нумизматам середины XIX в. [213, № 6, h, i], но в корпусе А. Н. Зографа зарегистрировано лишь два сестерция и пять ассов [121, с. 121]. Располагая в настоящее время более чем двумя десятками экземпляров, можно констатировать, что клеймились не только сестерции Клавдия с типом богини Надежды (Spes) и ассы с Афиной, но также сестерции Агриппины Старшей [171, с. 121, № 6] и ассы времени Августа [171, с. 121, № 5] и последующего времени с изображением Агриппы (монета не издана). Это позволяет думать, что клеймение римских монет было самым первым финансовым мероприятием тирасских властей и предшествовало эмиссии монет с изображением сената. К какому же времени относятся эти явления?

Для ответа на поставленный вопрос необходимо иметь в виду, что разменная медь чеканилась римским монетным двором в самом начале правления Клавдия (41—45 гг. н. э.) в ограниченном количестве, так что в

обращении оставались монеты предшествующих императоров, подвергавшихся наложению клейм с именем Клавдия; в западных провинциях по образцу общегосударственной монеты осуществлялись локальные эмиссии и только в 50 г. чеканка меди была возобновлена в централизованном порядке [422]. Во всех случаях, когда надчеканенные тирасским клеймом монеты Клавдия сохранились настолько, что чтение надписей возможно, речь идет об экземплярах римской чеканки 41 г. н. э. — на ассах 50 г. н. э. в конце императорского титула читаются буквы PP (pater patriae), отсутствующие на монетах первого выпуска [422, с. 34—35]. Кроме того, поступающие под надчеканку монеты Клавдия сильно изношены, и надо полагать, что они находились до этого времени в обращении немало лет. Наконец, клеймо TYP известно не только на римской меди (рис. 29, 1—3), но и на серебряной тетрадрахме (рис. 29, 4). Эта последняя принадлежит к числу посмертных византийских эмиссий с типами Лисимаха, причем на ней имеется, кроме тирасской, другая, более ранняя надчеканка CI.CAES. Таким клеймом были надчеканены находившиеся в обращении монеты после аннексии Фракийского царства (46 г. н. э.), причем тетрадрахма приравнивалась к трем денариям [445, с. XXIV—XXV; 455; 503, с. 198—199, табл. 24, 17]. В Тире этот экземпляр проник не ранее конца 40-х годов I в. н. э., и можно предполагать, что наложение клейма TYP приходится на последние годы Клавдия. В таком случае эмиссия монет с изображением римского сената и надчеканка обращавшихся в городе старых монет клеймом с такой же эмблемой относятся к «золотому пятилетию» Нерона (54—59 гг.), когда юный принцепс искал опоры в аристократических кругах и фактически доверил сенату ведение текущих государственных дел [Тас. Апп., XIII, 4—5].

* Монета с изображением сената весит 12,8 г [171, с. 120]; вес монет Веспасиана колеблется от 18 до 8 г; средний 13 экз. — 11,73 г.

2. Включение Тир в состав Римской империи. Тирасская эра. Все описанные выше этапы восстановления в Тире монетной чеканки позволяют отразить изменения в политическом статусе города. Надчеканка общегосударственной римской монеты клеймом с именем города возможна лишь в независимом и автономном полисе; этот факт никаким образом не может рассматриваться как признак, указывающий, как это иногда утверждалось [121, с. 32; 114, с. 57], на подчинение Риму *. Напротив, появление на монетах обожествленного сената, не говоря уже об императорском портрете и орле, явно и недвусмысленно указывает на признание римской власти. Важным аргументом в пользу такого истолкования изложенных фактов является появление в Тире в эти годы особого летоисчисления. Начальный пункт эры определяется по более поздним эпиграфическим документам [23, № 2 и 4], из которых видно, что 181 г. н. э. соответствует 125, а 201 г. н. э. — 145 г. местной эры [336, с. 12—16; 192, с. 37—40; 138, с. 152—154]. Если бы система координации лунного в своей основе года Тир с юлианским солнечным годом была на протяжении всего двадцатилетия удовлетворительной, начало этой эры должно было бы приходиться на весну 56 г. н. э., как это и принимали П. Никореску [464, с. 221] и Э. Диль [393, с. 1859]. Поскольку, однако, при согласовании упомянутых календарей дело явно не обошлось без расхождений и про-

счетов *, следует согласиться с более осторожным заключением П. В. Беккера, отнесшего начало тирасской эры к 56 или к 57 гг. н. э. [38, с. 18; 318, с. 53; 416, с. 340; 470, т. 1, с. 166; 476, с. 323, прим. 120]. Во всяком случае, нет оснований соглашаться с безоговорочным отнесением исходного пункта этой эры к 57 [114, с. 59; 121, с. 13, 32; 306, с. 47] и тем более к 58 г. н. э. [55, с. 57].

Ученые XIX и начала XX в. были единодушны относительно того, что принятие гражданами Тир новой эры следует связывать со включением города в состав римских владений. При этом Ф. К. Брун полагал, что Тира находилась в зависимости от Рима еще при Клавдии, а ее новая эра должна связываться с засвидетельствованными римскими историками [Тас. Апп. XIII, 51; Suet., Nero 10] мероприятиями Нерона по упорядочению положения греческих городов [55, с. 57—68]. Б. Боргези высказал предположение, что Тира была впервые занята римскими войсками и введена в число городов Мезии во время походов Тиберия Плавтия Сильвана Элиана [366, с. 425—427], упоминаемых в элгии этого выдающегося полководца и администратора третьей четверти I в. н. э. [106, с. 83—88; 114, с. 58—61; 372; 473, с. 309—313; 476, с. 287—328; 530, с. 55—59]. Лишь немногие пытались в дальнейшем конкретизировать точку зрения Бруна. Так, Э. Диль полагал, что введение новой эры ознаменовало дарование тирасским гражданам освобождения от

* Римские монетные клейма времени Юлиев-Клавдиев не содержат, как правило, локальных обозначений (единственным исключением является, быть может, латинская надчеканка SA или САА на выпущенных в Лугудуне монетах Августа, которую иногда расшифровывают как Colonia Agrippina или Colonia Augusta Agrippina), а заключают названия общегосударственных учреждений, имени принцепсов или императорских легатов либо, наоборот, указывают на подтверждение или изменение курса стертых монет [445, с. XXVIII—XLIII; 422, с. 41, 56—60].

* Согласно тирасским надписям [23, № 2 и 4], 27 апреля 181 г. («5-й день перед календами мая в консульство императора Коммода в 3-й раз совместно с Антистием Бурром») приходилось на 30 артемисиона, а 17 февраля 201 г. («13-й день перед календами марта при консулах Мукиане и Фабриане») — на 8 ленеона, тогда как, по расчетам Ф. Биалабеля [362, с. 76], первая дата должна в идеальном случае соответствовать 21 марта (разница равна 36 суткам), а вторая — 17 февраля (разница 48 суток).

пошлин [393, с. 1861], тогда как мнение Боргеви было поддержано Т. Моммзеном [212, с. 265] и надолго стало общепризнанным в зарубежной [464, с. 222; 467, с. 103—104; 470, т. 1, с. 166—168] и отечественной науке [114, с. 59; 121, с. 31—32; 191, с. 192; 252, с. 2; 318, с. 53]. Уверенность в обязательном наличии причинной связи между военными действиями Сильвана на левом берегу Дуная и распространением римской власти на Тиру была настолько сильна, что некоторые исследователи пытались установить точную дату похода римского военачальника на основании исходного пункта тирасской эры [188, с. 173, прим. 19].

При более углубленном и всестороннем изучении событий, связанных с пребыванием Плавтия Сильвана на Нижнем Дунае, удалось установить, что он занимал пост легата Мезии не в 52—54 гг. н. э. [467, с. 10—105], а между 57 и 67 гг. н. э. [473, с. 309; 476, с. 297—305; 530, с. 56; 533, с. 137]; возможно, что его наместничество началось даже в 58 [431, с. 121—124, 140—142] и не исключено, что только в 60 г. н. э. [511, с. 29—31]. Равным образом было показано, что упоминаемое в его надгробной надписи [25, № 986] переселение в Мезию «более ста тысяч задунайских жителей с их женами, детьми и царями» является ранней акцией легата, назависимой от последующих сражений с сарматами, от подчинения бастарнов и роксоланов и упоминаемого в конце списка деяний Сильвана вмешательства в дела осаждавших Херсонес скифов [476, с. 302—305, 309—328; 533, с. 138—139]. При этом нет оснований считать, будто переселение названных «трансданувиан» касалось обитателей Днестро-Дунайского междуречья [467, с. 104, прим. 1], а не гетов или даков, живших в бассейнах Сирета или даже Олта [372, с. 119—128]. С другой стороны, подавление «поднявшегося среди сарматов волнения», которое было осуществлено вопреки тому, что «боль-

шая часть войска была отослана в экспедицию в Армению», относится не ранее, чем к 62 г. н. э. [476, с. 311—312], когда один из трех постоянно располагавшихся в Мезии легионов был переброшен в Закавказье [490, с. 1559, 1574—1575]. Следует также добавить, что слова надписи, согласно которым Сильван расет *provinciae et confirmavit et protulit*, не могут быть истолкованы как указание на территориальное расширение провинции Мезии и притом, как полагал В. Пырван [467, с. 103, 129], именно в Бессарабии и в Южной Молдавии: изменение и передвижение государственных границ вообще не находились в сфере компетенции легата, а зависели от воли принцепса и осуществлялись в силу присущей только ему власти и к тому же по постановлению сената [431, с. 147—149; 476, с. 314—319; 517, с. 115—116; 533, с. 137].

Критика традиционных взглядов относительно времени включения Тиры в число городов провинции Мезии в результате успешных военных и политических мероприятий Плавтия Сильвана долгое время представлялась обоснованной, поскольку считалось, что в распоряжении науки имеется прямое свидетельство о том, что во времена Траяна Тира находилась за пределами империи. В самом деле, латинский папирус, согласно тексту которого двое римских солдат из I Испанской всаднической когорты ветеранов были направлены в Тиру, помещает эту командировку среди мероприятий, осуществленных *extra provinciam* [435]. На этом основании обычно утверждали, что хотя, возможно, Тира и испытывала со времени Сильвана некоторый нажим со стороны римских властей, она все же не была включена в провинцию Мезию [114, с. 59, 121—122; 121, с. 13—14; 306, с. 47; 511, с. 31, прим. 5]. Когда, однако, папирус был повторно изучен, удалось установить, что вместо *Tyrae in praesidio* следует читать *Kasrae (?) in praesidio*

[409; 533, с. 140—145, 154—155; 50, с. 157—158; 138, с. 155—157]. Таким образом, прямое указание о пребывании Тиры во времена Траяна вне пределов империи оказалось несостоятельным и встречающееся иногда повторение господствовавшего в 30-х — 50-х годах взгляда [539, с. 487] следует считать неверным.

Впрочем, сам факт введения в Тире новой эры является указанием на изменение политического статуса города, что в рассматриваемое время вряд ли может означать что-либо, кроме его включения в состав римских владений. Правда, связать это событие с деятельностью Плавтия Сильвана не легко. Гипотезу В. Пырвана, который считал возможным относить войну последнего против сарматов на Нижнем Дунае к 57 г., а поход против осаждавших Херсонес Таврический скифов к 63 г., приходится считать искусственной, так как именно подавление вступления сарматов не могло иметь места до 62 г. [476, с. 311—312]. Поскольку все-таки трудно себе представить, что эра, находившая применение в официальных документах в те времена, когда город несомненно входил в состав Мезии, не имеет никакого отношения к переходу его под власть Рима, можно лишь предположить, что этот переход, совершившийся в годы наместничества Сильвана, дал повод начинать новое городское летоисчисление с момента вступления его в должность легата (весна 57 г. н. э.).

Одним из существенных мотивов признания римской власти было для граждан небольшого города стремление обезопасить себя перед лицом возрастающей активности сарматских племен [38, с. 17]. По свидетельству Светония [Tib., 30], в конце правления Тиберия (14—37 гг. н. э.) Мезию беспрестанно опустошали сарматы и даки. В годы правления ближайших преемников Августа среди сарматских племен степного Причерноморья и при-

легающих территорий произошли существенные изменения. Во времена Овидия у Нижнего Дуная находились язиги, входившие в состав союза трех сарматских племен, обитавших между Дунаем и Днепром (§ 9, 1; § 13), но около середины I в. н. э. язиги оказались далеко на западе, у границ римской Паннонии [Tas., Ann. XII, 29—30]. Место язигов у нижнедунайской границы империи заняли роксоланы, обитавшие, по данным Страбона, еще между Днепром и Доном; по-видимому, роксоланы постепенно двигались и далее на запад вслед за язигами, а причерноморские степи стали постепенно заселяться аланами [36, с. 185—187, 193—195; 361; 392; 432, с. 25—31].

Выход роксоланов на правый берег Днепра в первой половине I в. н. э. сопровождается значительным увеличением числа сарматских памятников в занимающем нас регионе и к северу от него, а также подчинением Ольвии варварскому царю Фарзю [335]. Появление новой группы кочевников у Нижнедунайской границы Рима проходило в обстановке постоянных военных столкновений. Согласно Тациту [Hist., I, 79; III, 24] зимой 67/68 г. н. э., «сарматское племя роксоланов» вторглось на территорию Мезии, и только при повторном нападении следующей зимой десяти тысячный их отряд был уничтожен легатом Апонием Сатурнином. Зимой 69/70 г. н. э. были, по-видимому, новые стычки с кочевниками, за которые Лициний Муциан, один из главных сторонников Веспасиана в борьбе за престол, удостоился триумфа de Sarmatis [Tas., Hist. IV, 4; ср. III, 46]. Римские успехи оказались, однако, крайне непрочными — в том же 70 г. в борьбе против даков и сарматов погиб очередной легат Мезии Фонтей Агриппа [Flav. Ios., Bell. Iud., VII, 89—91; ср. Tas., Hist. IV, 54] и только его преемник Рубрий Галл вытеснил, по свидетельству Флавия Иосифа [Bell. Iud. VII, 91—95], виновных пришельцев за Дунай и пе-

сколько укрепил границу [114, с. 59—65; 470, т. 1, с. 176—181; 511, с. 32—33; 530, с. 59—67].

Положение Тиры во время сарматских нападений источниками не освещается, но трудно представить, что город, расположенный на пути следования роксоланов к устьям Дуная, не испытывал всех бедствий, связанных с нашествием неприятеля. Относя монеты с римским орлом и надписью **KAICAPOC CEBACTOY** к правлению Веспасиана, можно рассматривать эту

эмиссию как свидетельство того, что город устоял при натиске кочевников и с этого времени разделял судьбы римской Мезии*.

* Не лишено вероятности, что отсутствие имени императора на этих монетах связано со свежими впечатлениями «года трех императоров» (69 г. н. э.) — при отсутствии твердой уверенности в прочности власти очередного принцепса естественно было ограничиться помещением титула вокруг не слишком реалистически исполненного императорского портрета.

ТИРА В РИМСКОЕ ВРЕМЯ (конец I — первая половина III в. н. э.)

§ 15. Северо-Западное Причерноморье под властью Рима

1. Римская экспансия в Северо-Западном Причерноморье. Если ионийские переселенцы после своего появления у северных берегов Черного моря стали одним из главных факторов экономического, политического и культурного развития всего региона, а процесс эллинизации местного населения шел медленно и сохранял стихийный характер, то римляне всегда оставались к северо-востоку от устьев Дуная инородным меньшинством, не имевшим прочной опоры в среде населения, принудительная романизация которого скоро показала свою бесперспективность. Лишь по мере назревания социальных конфликтов внутри античных городов и перед лицом нарастающей угрозы со стороны варварских племен верхушечная прослойка городского населения переходит на проримские позиции — Тира и Ольвия были сравнительно слабо связаны с экономическим организмом империи; да в сущности и связь Рима с провинциями была «почти исключительно политической» [5, с. 22]. Поэтому римское владычество на Черном море ограничивалось, если не говорить о Малой Азии и Балканах, только узкой прибрежной полосой и долго сохраняло характер военной оккупации. Это сознавали наиболее наблюдательные современники, и Флавий Иосиф прямо

писал [Bell. Iud., II, 16, 4], что живущие здесь народы «теперь держатся в подчинении тремя тысячами тяжело вооруженных воинов, и сорок военных кораблей поддерживают мир на несудоходном прежде и суровом море».

Преимущественно военно-политический характер римского господства в Северо-Западном Причерноморье заставлял правительство империи уделять особенное внимание организации и дислокации вооруженных сил на нижнедунайском участке границы. При Клавдии мезийский легат командовал двумя легионами — IV Скифским и V Македонским. Последний был при Нероне временно переброшен в Армению и принимал участие в военных действиях против парфия; на Дунай он возвратился в 71 г.* К этому времени в Мезии уже находились три легиона — I Италийский, V Alaudae («легион Жаворонка») и VII Клавдиев [408; 413, с. 2394—2402; 490, с. 1407—1417; 1556—1586, 1614—1629]. В начале правления Веспасиана завершилась организация нижнедунайской флотилии, названной Флавиевой Мезийской — *classis Flavia Moesica* [68; 281; 375; 470, т. 1, с. 169]. При разделении провинции Мезии на Верхнюю и Нижнюю (86 г.) на территории последней оказались размещенными I Италийский легион, главная квартира и органы управления которого находились в Новах (современ-

* В этой и следующей главах все даты относятся к новой эре.

ный Свиштов) и V Македонский, центральный лагерь и штаб которого располагались в Эске (современный Гиген); при Траяне к ним был присоединен XI Клавдиев легион с главным лагерем в Дуросторе (современная Силистра) [381; 401; 490, с. 1410—1413, 1573—1578, 1697—1699]. Наконец, в Нижней Мезии несли службу многие вспомогательные отряды (когорты и алы), которые пополнялись первоначально за счет уроженцев западных провинций [77; 114, с. 67, 74, 83; 322; 534, с. 58—66].

Разгром Траяном непрочной державы Декебала и создание новой провинции Дакии резко увеличили стратегическое значение Нижнего Дуная. Оборона нижнедунайского лимеса была усилена сооружением земляных укреплений — прежде всего, двух первых отрезков Нижнего Бессарабского вала, тянувшихся от Прута до оз. Ялпуг (34 км) и отсюда к оз. Катлабух (24 км); на западном берегу Прута вся система завершается небольшим Галацким валом [296, с. 71—80; 528]. Эти сооружения прикрывали пути к дунайским переправам и давали время для подготовки отражения нападений с севера на римскую границу [50, с. 151—155].

Обычно считается, что римские гарнизоны появились в городах Северного Причерноморья в результате походов Плавтия Сильвана [212, с. 189—190; 416, с. 344—345], и если речь идет о Херсонесе и Южном побережье Крыма, это представляется бесспорным [107; 124, с. 21—24, 28—29; 248]. Однако ольвиополиты получили военную помощь от Рима не ранее правления Адриана [252, с. 12], а если придавать решающее значение поздней биографии Антонина Пия [SHA, Ant. Pius, 9, §], то только при этом императоре [191, с. 190]. При Траяне — а может быть и несколько ранее — римские войска появились на левом берегу Нижнего Дуная, у сел Бэрбошь [530, с. 120—121] и Орловка [49; 81]. Во II в. в этих

пунктах находились вексиллатионы — отряды, выделенные из состава воинских частей, расположенных на территории Нижней Мезии. Воины всех трех легионов — I, V и XI — несли службу в Херсонесе, где упоминаются также военные моряки Мезийской флотилии и солдаты вспомогательных отрядов — I Бракарвагустанской, I Киликийской и II Луцензийской когорты [18, ч. 1, № 53—62, ч. 2, № 188—198; 23, № 417, 547—556, 748; 124, с. 27—31]. В Ольвии, кроме легионариев, известны подразделения VI Астурийской когорты и отряд фракийцев [23, № 223, 236, 322, 687, 270]. В Орловке лапидарными [23, № 1] и керамическими надписями удостоверяется присутствие воинов I и V легионов; здесь же находилась стоянка кораблей Мезийской флотилии, главной базой которой был находившийся на противоположном берегу Дуная Новиодун [81, с. 77—79]. Вероятно, мелкие сторожевые посты были выставлены римлянами и в некоторых других пунктах по левому берегу Дуная, о чем позволяет догадываться находка эпиграфических документов (в том числе с упоминанием I легиона) в районе современного Измаила [427, с. 382, рис. 2]. Наконец, воины все тех же нижнемезийских частей входили в гарнизоны небольшого кастеля близ Севастополя (здесь обнаружены клейма V легиона), укрепления на Заветнинском (Альма-Керменском) поселении, где найдены черепицы с клеймами XI легиона, Харакса на Ай-Тодорском мысу — здесь наряду с отрядами I и XI легионов находились воины из когорты Арреваков и из I Фракийской когорты [23, № 675, 677; 72, с. 182; 248; 265]. Из этого видно, что римские гарнизоны, расположенные на левом берегу Дуная, в Ольвии и в Крыму, постоянно комплектовались из числа войск, расквартированных в Нижней Мезии; все перечисленные гарнизоны были подчинены (по крайней мере, во времена Марка Аврелия) особому командиру —

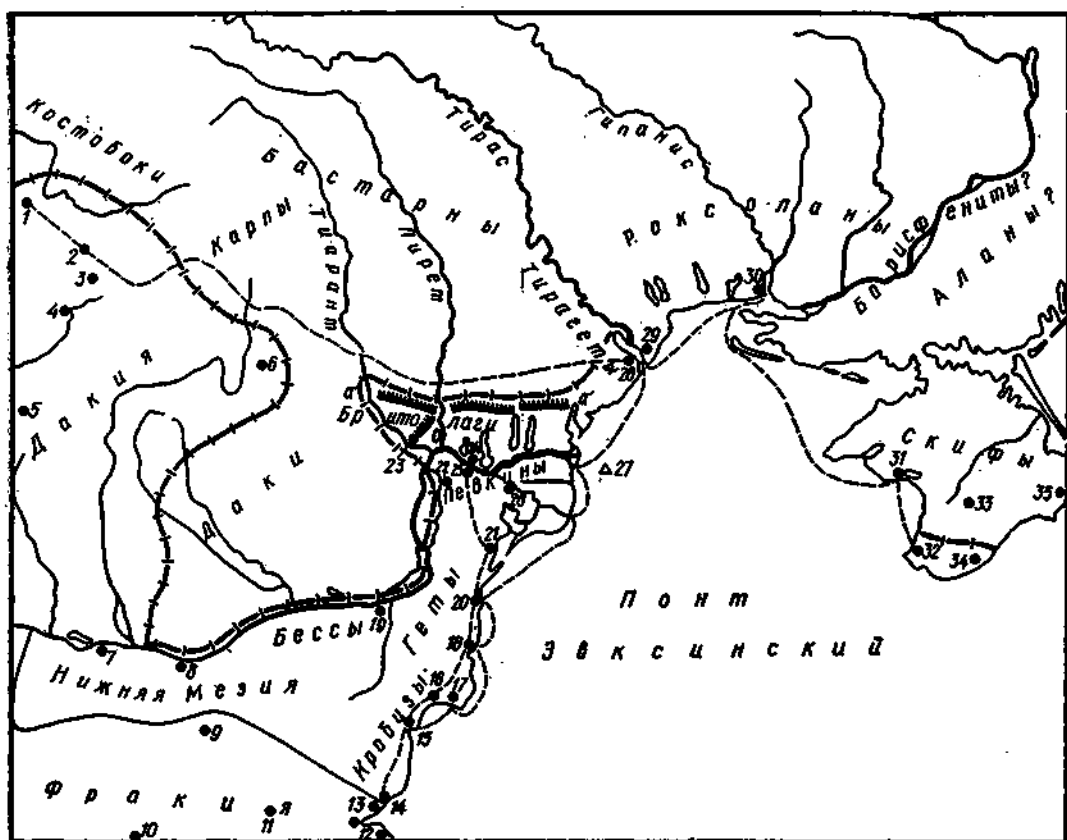

Рис. 31. Северо-Западное Причерноморье в I—III вв. н. э.:

1 — Поролисеум; 2 — Напона; 3 — Потанса; 4 — Апулум; 5 — Зармистеуза; 6 — Августия; 7 — Эски; 8 — Новы; 9 — Никополь на Истре; 10 — Филиппополь; 11 — Кабиле; 12 — Аполлония; 13 — Анхиял; 14 — Месембрия; 15 — Одесс; 16 — Дионисополь; 17 — Бизона; 18 — Каллатия; 19 — Дуростор; 20 — Томы; 21 — Истрия; 22 — Трезмис; 23 — римское укрепление у с. Ворбошь; 24 — укрепление у с. Орловна (Алиобриг?); 25 — Новодун; 26 — Эгисс; 27 — святилище Ахилла на о. Левке; 28 — Тира; 29 — Никокий; 30 — Ольвия; 31 — Керкинитида; 32 — Херсонес; 33 — Неаполь скифский; 34 — Харакс; 35 — Феодосия; а-а' — нижний вал Бессарабии и вали Южной Молдовы.

трибуну I Италийского легиона, носившему специальное должностное название *praepositus vexillationibus Ponticis apud Scythiam et Tauricam* [25, № 2747; 252, с. 6—7].

Римские гарнизоны, расположенные в «Скифии и Таврике», не только представляли собой организованное целое, но и были связаны с пограничными провинциями — Дакией и Нижней Мезией — необходимыми для перемещения военных отрядов транспортными артериями. Морской путь из Нижней Мезии к Херсонесу и Боспорско-

му государству пролегал близко к побережью. Главные пункты на этом пути перечислены на своеобразной маршрутной карте, украшающей оборотную сторону кожного щита, принадлежавшего воину XX Пальмирской когорты и найденного в римской крепости на Евфрате. Среди этих пунктов названы Одесс, Каллатия, Томы, устья Дуная, Тира, Борисфен (Ольвия) и Херсонес [382; 538]. Сухопутная дорога вела к Тире из Дакии и была создана, судя по не очень ясному замечанию одного из поздних латин-

ских авторов [Aur. Victor., de Caes., XIII, 3], при Траяне. Упомянутый о ней раннесредневековый географ, опиравшийся, впрочем, на античную традицию (так называемый Равеннский аноним), называет на пути от Поролиссума (в Дакии) до Тиры восемь промежуточных станций, из которых, к сожалению, локализации поддается лишь одна [Anon. Raven., V, 5, p. 47]. В другом месте [V, 11, p. 93] указана другая сухопутная дорога, ведущая от Тиры к Месембри и Византию вдоль морского берега. Таким образом Тира была включена в систему морских и сухопутных дорог и являлась важным узлом римской дорожной сети [429, с. 36—39; 470, т. 2, с. 131, 146, 152—153, 191] (рис. 31).

Оккупация придунайских областей и организация провинций Мезии, Фракии и Дакии, а также усиление военно-политического контроля в Северо-Западном Причерноморье не только решали стратегические задачи, но и должны были обеспечить беспрепятственность и эффективность экономической эксплуатации новоприсоединенных территорий. Одна из наиболее содержательных истрийских надписей рассматриваемого времени — так называемая горотесия Лаберия Максима [22, № 67—69] — свидетельствует о том, что вдоль дунайского побережья была создана сеть постов, где взимался сбор за право рыбной ловли в реке; другое место того же документа позволяет предполагать, что поборами была обложена и рубка леса [114, с. 53—57]. Местные племена оставались вначале по большей части под властью своих вождей либо над ними были поставлены особые префекты из командиров расположенных поблизости римских воинских подразделений [25, № 1348]. Наконец, местные жители должны были отбывать военную повинность во вспомогательных войсках, где они составляли особые фракийские отряды [114, с. 46—49, 53—54; 322, с. 256—260].

Включение гето-фракийских племен

в состав Римской империи влекло за собой важные и необратимые последствия. «Налоговое бремя и вызванная им потребность в деньгах в местностях, где существовало только натуральное хозяйство или оно было преобладающим, все глубже ввергали крестьян в кабальную зависимость от ростовщиков, порождали крупные имущественные различия, обогащали богатых, доводили до полной нищеты бедных» [11, с. 483]. Процесс распространения античных форм собственности совпал с ростом крупного землевладения и сопровождался увеличением количества рабов; в качестве собственников выступают потомки местной родоплеменной знати, римские ветераны, выходцы из греческих городов, на территориях которых складываются подвластные городской верхушке сельские поселения [166; 324, с. 26—48; 533, с. 279—288]. Медленно, но неуклонно распространяется латинский язык; развиваются процессы бытового взаимодействия и религиозного синкретизма. Вопреки широко распространенным взглядам, романизация не сводилась к одностороннему воздействию античной культуры на варваров; речь должна идти о сложном процессе социального и культурного взаимодействия, и в ходе своего развития гето-фракийские племена становились органической составной частью римской рабовладельческой цивилизации, привнося в нее свои традиции и особенности *. Со второй половины II в. многие крупные поселения гето-фракийцев на территории Мезии приобретают статус муниципиев; растет и количество организованных в колонии ветеранов,

* Нет необходимости анализировать этот процесс во всей его сложности; применительно к Мезии, Дакии и Панионии он рассмотрен в трудах Т. Д. Златковской [114], И. Т. Крутиковой [180] и Ю. К. Колосовской [166; 167]. По Фракии имеется капитальная монография Б. Герова [78]. Роль дунайских легионов в процессе романизации рассмотрена О. В. Кудрявцевым [188, с. 145—253].

привилегированных поселенцев [349; 376; 533, с. 279—288].

Что касается греческих городов черноморского побережья, то по отношению к ним осуществлялась несколько иная линия, долженствовавшая превратить их влиятельную верхушку в оплот римской власти. Города сохранили свои сельскохозяйственные территории, границы которых уточнялись и оформлялись особыми документами [114, с. 84—88; 167, с. 117—126, 179—199; 180, с. 97—109]. Сохранялись и органы внутреннего самоуправления, и культовые объединения граждан; в I в. в большинстве городов возобновляется чеканка разменной меди, не только необходимой для расчетов на рынке, куда римская монета проникала главным образом в виде сравнительно крупного номинала — серебряного денария, — но и представлявшей в глазах городского населения наглядное проявление дарованной им автономии. Наконец, греческие города в составе провинции Мезии составляли особое объединение — *O KOINON TOY PONTOU* [385; 478, с. 230—256; 513, с. 33—36]. Такая политика позволила римским властям придать определенную гибкость режиму военной оккупации и просуществовать без серьезных потрясений до первых десятилетий III в.

2. Римский гарнизон в Тире. Принятие гражданами Тиря особой эры и чеканка монеты провинциального образца — сначала с изображением персонифицированного римского сената, а в дальнейшем с портретами и именами императоров династии Флавиев (§14,1) — делают вероятным предположение о том, что первые римские отряды появились здесь еще в третьей четверти I в. [318, с. 53—54; 416, с. 339—340; 464, с. 221]. Документальные данные о римском гарнизоне появляются, однако, лишь после завоевания Дакии (101—106 гг.). Первым датированным его памятником является надпись, поставленная от импе-

ни наместника Нижней Мезии Кв. Росция Помпея Фалькона командиром расположенного в Тире *вексиллатиона* М. Эннием Илладианом, центурионом V Македонского легиона [465; 128, с. 116—117, № 5]. Имя легата провинции позволяет отнести надпись к 116—117 гг. [511, с. 64—65; 530, с. 125—129]. Таким образом, пребывание в Тире воинов V легиона, удостоверенное также другими надписями и клеймами на черепице *, относится ко времени, когда этот легион имел свой главный лагерь в Трезмисе, где он оставался до 60-х годов II в., когда V легион принимал участие сначала в походах Луция Вера против парфян (в 161—166 гг.), а затем, скорее всего в 167 г. [408, с. 74—77; 490, с. 1298, 1578—1582; 530, с. 155], был переведен на север Дакии, в Потаиссу (совр. Турда).

Указанная выше надпись Илладиана в честь Траяна определенно сообщает, что в конце правления этого императора тирасский гарнизон состоял из *вексиллатиона* V легиона и точнее не определенных вспомогательных отрядов (*auxilia*); присутствие воинов других легионов Нижней Мезии не отмечено. Как долго сохранялось такое положение, точно неизвестно, однако еще до перевода этого легиона в Дакию состав гарнизона Тиря изменился. К этому заключению приводят лапидарные и керамические надпи-

* Клейма *LEG. V. MAC* [197, с. 81, рис. 2; 460, с. 413, № 67; 464, с. 217] и *LEG. V. M* [184, с. 33, рис. 13, 1; 350, с. 20—21, № 41—43] не вызывают сомнений относительно своей принадлежности; клейма *LEG. M* [460, с. 412—413, № 69; 464, табл. 1,1] относятся, быть может, ко времени кратковременного пребывания в Тире подразделений *legionis I Minerviae* в годы войн Траяна с даками [425, с. 6—7]; этим же событиям обязаны, скорее всего, своим появлением в Тире и немногочисленные обломки клейм *legionis X Geminae* [425, с. 3, прим. 46]. Из лапидарных надписей, кроме упомянутых далее в тексте, следует назвать также обломки с названием V легиона [462, с. 570, № 7; 128, с. 123, № 20] и XI легиона [134, с. 107—108, № 15].

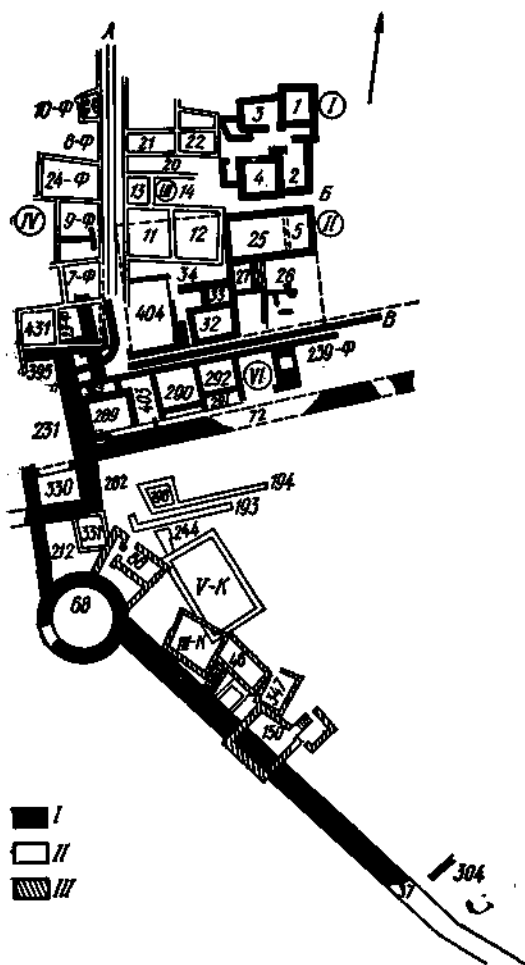

Рис. 33. Схематический план строительных остатков на Центральном раскопе (раскопки 1940—1983 гг.):

ческого времени (№ 72) была в первых веках н. э. усилена (со стороны жилых кварталов разросшегося города) дополнительным каменным панцирем (№ 234) и превратилась в северную куртину цитадели, в которой, как можно полагать, размещался римский гарнизон (рис. 13). На территории цитадели обнаружено значительное количество обломков латинских надписей, керамики с латинскими клеймами, керамики

Упомянутое здание изолировано от окружающих его строений и состоит из одного большого помещения площадью 66 м². Об особом характере постройки позволяют судить толстые стены, а о ее принадлежности свидетельствуют 28 клейм на обломках кровельной черепицы из сохранившегося не нарушенным завала кровли в северо-восточном углу: они содержат сокращение имени одного из центурионов I Итальянского легиона [150]; если учесть, что под этим завалом встречены железные шипы-рогульки, использовавшиеся римскими войсками в борьбе против вражеской конницы, интерпретация здания как одного из служебных помещений гарнизона вряд ли может вызывать сомнения [151].

Прямоугольное в плане здание (10,6 × 6,2 м) было вытянуто с северо-запада на юго-восток. В северо-западной стене находился вход, обращенный в сторону проделанного через кладку оборонительной стены (№ 282) прохода с порогом и вымосткой, продолжающейся за пределы цитадели. Стены поставлены на фундаменте с цоколем (высота 1,3—1 м) и представляли двухлицевую двухслойную кладку из плотного серо-желтого известняка на глиняном растворе. Наружный фасадный слой выложен из крупных прямоугольных плит (1,7 × 0,95 × 0,30 м) в сложной орфостатной системе, внутренний — из небольших плит в рядовой постелистой системе с перевязкой слоев тычковыми плитами; связь всех стен

впереплет. Такая конструкция превращала здание, толщина стен которого превышает 0,6 м, в солидный элемент оборонительной системы [184, с. 40—45].

Культурный слой заполнения здания содержал обломки амфор и черепиц, светильники, обломки краснолаковой и красноглиняной посуды, костяного гребня, стилей, литые стеклянные жетоны, которые датируются II—III вв. Почти не находившийся в обращении денарий Септимия Севера 209 г. (рис. 38,4), обнаруженный вместе с бронзовым браслетом в специальном углублении у северо-восточной стены здания, позволяет уточнить, что оно было построено в конце II — начале III в. Время его разрушения определяется находкой в кладке стены новой постройки, перекрывшей южный угол здания гарнизона, трех слепшихся в ком монет, среди которых оказались антонинианы Валериана (253—260 гг.) и Галлиена (253—268 гг.).

§ 16. Археологические памятники и экономика Тира в I—III вв.

1. Строительные остатки и вещественный материал. В первых веках новой эры Тира значительно расширилась и располагалась на территории всей будущей средневековой крепости и прилегающих к ней на юго-востоке кварталов современного города (рис. 8).

Наиболее полное представление о римской Тире дает раскрытый в северной части ЦР жилой и производственный комплекс, занимавший северо-восточную часть древнего города, у восточного склона плато. Здесь на протяжении 30 м раскопана так называемая ул. Поперечная I (А) с расположенными по обеим ее сторонам остатками больших домов. Юго-восточнее улицы проходила оборонительная стена эллинистического времени (№ 72), которая отделяла в это время жилые кварталы от римской цитадели.

Ул. Поперечная I (А) вымощена почти во всю свою ширину прямоугольными массивными плитами из серо-желтого известняка, уложенными поперек полотна. Эта вымостка служила одновременно перекрытием расположенного вдоль улицы водостока, ложе и стенки которого также были выложены из крупных плит, а по краям и по стыкам последних забиты мелкими камнями и боем кровельных черепиц. Размеры плит, использованных при мощении улицы и строительстве водостока (до 2,5 м в длину и до 1—0,9 м в ширину), позволяют предполагать, что они были извлечены из частично разобранных оборонительных стен предшествующего периода (102, с. 114, рис. 3).

Сильное разрушение края ул. Поперечной I со стороны лимана дает основание считать, что она продолжалась дальше к северо-северо-западу, причем северный край водосточного канала лежит на 1,25 м ниже южного. Такое устройство способствовало быстрому сбросу воды и препятствовало заиливанию всей системы. Южный конец улицы, также сильно поврежденный, указывает, тем не менее, что она не продолжалась в этом направлении далее ул. Продольной I (В).

С востока и запада ул. Поперечная I была застроена прямоугольными домами, частично возведенными на засыпанных подвальных помещениях эллинистического времени. Наиболее полное представление о домостроительстве, хозяйстве и быте зажиточных жителей Тира дает восточный дом (№ III). Его южная сторона выходила на ул. Продольную I (В), продолжавшую функционировать и в римское время. Главный вход находился на ул. Поперечной I (А) и вел на узкий (11,5 × 2,7 м) дворик (№ 20), вымощенный небольшими известняковыми камнями с подсыпкой из амфорного боя. С юга, отделяясь пастадой или стеной с проемом, находился второй дворик (№ 14), выложенный такими

же камнями по утрамбованной глине. Функционально этот комплекс составлял единый двор, на который с севера выходила своим внутренним фасадом жилая часть дома.

В юго-западном углу узкого двора (№ 20) открыта водосборная цистерна глубиной 2,5 м с дном и стенами, выложенными камнем. Вода поступала в цистерну по каменному желобу длиной 2 и шириной 0,2 м.

В одно из сохранившихся помещений (№ 21) с узкого двора (№ 20) вел дверной проем шириной 1,25 м с порогом, за которым шло несколько ступеней вниз — пол помещения лежал на 0,2 м ниже вымостки двора. Во втором строительном периоде проход во двор был заложен; находки в верхнем горизонте желтоглиняной засыпи включали орнаментированную насечками краснолаковую мисочку II—III вв. и тирасскую монету Адриана (102, с. 115; 305, с. 121).

Во втором строительном периоде с восточной стороны описанного помещения к нему было пристроено более просторное помещение (№ 22) площадью около 19 м² (4,85 × 4 м). В завале камней и кровельной черепицы здесь были куски обугленного дерева, а под обвалом на полу найдены монеты Геты и Каракаллы (305, с. 128). Самой интересной находкой оказался ком слепшихся монет, на которых лежали серебряная фибула, золотой перстень с изображением Гермеса на щитке и золотое кольцо в виде змеи (305, с. 127, рис. 10, 1—3). При расчистке оказалось, что клад состоит из римских денариев (31 экз.), тирасских медных монет (149 экз.) и одного ольвийского тетрассария Септимия Севера, при котором чеканены все поздние монеты клада (307).

С юго-запада к узкому дворику (№ 20) примыкало небольшое (3,75 × 2,5 м) прямоугольное жилое помещение (№ 13), имевшее выход на другой дворик (№ 14). В нем найдено значительное количество краснолаковых и сероглиняных кружальных обломков, фраг-

ментов стекла, лепных сосудов, узкогорлых амфор, костяных шпилек. Здесь также обнаружен клад — небольшой красноглиняный сосуд, накрытый плоским камнем (102, с. 114; 302, с. 84); в нем находилось 60 монет — 5 денариев и 52 тирасские монеты; самые поздние из них чеканены при Каракалле (33).

К югу от двора (№ 14) располагались помещения производственного назначения. В восточном помещении (№ 12) обнаружен круглый каменный чан (высота 0,4 м, нижний диаметр 0,45, верхний — 0,75 м при толщине стенок 0,12—0,1 м). С одной стороны в стенке чана было два небольших отверстия, расположенных по вертикали, а с противоположной такие же отверстия располагались на одинаковом уровне в верхней части стенки. Находки из засыпи обоих помещений (обломки узкогорлых амфор, черепиц, краснолаковых и стеклянных сосудов, монеты) позволяют датировать их II—III вв.

К югу от помещения с чаном были открыты две домницы для выплавки железа (300, с. 27—29). Наличие в завале над печами кирпичей, глины, золы и кровельных черепиц показывает, что домницы находились под навесом или даже в помещении (102, с. 116—117, рис. 4). Лучше сохранилась южная домница (№ 171). Она представляла собой круглое в плане выстилки из хорошо обожженной глины, облицованное изнутри огнеупорными плитками из камней вулканического происхождения: трапецевидные плитки плотно прилегали друг к другу, образуя котлообразную камеру глубиной более 0,5 м и диаметром от 1 м с несколькими сквозными отверстиями в нижней части. Выложенный из известнякового щебня и глины под находился на 0,25 м ниже подошвы ближайшей стены и от него шел наружу наклонный сток с прочными каменными стенками (длина 1,25 м, ширина 0,4 м); в ложе стока были три небольших углубления (диаметром 0,15—0,17 м). Северная домница (№ 175) сохранилась хуже, плитки ее огнеупор-

ной облицовки сдвинуты, многие распались под воздействием высокой температуры. При расчистке домниц обнаружены приварившиеся к ним куски железа, уголь, зола; вблизи найдено много шлаков, обломки железных изделий [302, с. 84—85].

Производственное назначение имела также сохранившаяся в самом северном из открытых помещений описываемого дома печь для обжига керамики (№ 182), овальная в плане (1,25—1,16 м), сложенная из известняковых камней средней величины, обмазанных с внешней стороны глиной. Печь состояла из нижней (топочной) части и частично разрушенной обжигательной камеры с сохранившимся подом. Печь находит близкие аналоги в Ольвии и на Боспоре, предназначалась для обжига небольших сосудов [302, с. 85].

Стены всех помещений рассматриваемого восточного дома (№ III) сложены на глинисто-земляном растворе из камней разной величины и покрыты глиняной обмазкой или штукатуркой; крыши, судя по содержанию завалов, были черепичными.

Не меньший интерес представляет и западный дом (№ IV). В северо-восточной его части открыт вымощенный плитками трапециевидный дворик (№ 10), куда, судя по широкому каменному порогу в общей восточной стене фасада, вел вход с улицы (А). К небольшому дворiku [302, с. 87, рис. 2] с севера и юга прилегают стены помещений, сложенные отчасти из хорошо обработанных плит из разобранных кладок построек эллинистического времени. Среди находок на территории дворика следует назвать жернов, обломки узкогорлых амфор, верхнюю часть большой амфоры с надписью, выполненной красной краской, обломки краснолаковых и лепных светильников, стеклянных сосудов, два фрагмента арбалетовидных фибул. Особенно выразительна большая терракотовая головка Афины в шлеме (высота 0,083 м), найденная вместе с фрагментами грубой лепной посу-

ды сарматского облика [301, с. 65].

В засыпи дворика и прилегающего к нему с юга помещения (№ 8), сильно разрушенного строительной активностью золотоордынского времени, нет никаких следов производственной деятельности; в то же время здесь обнаружены фрагменты ошлакованной огнем керамики, много пепла и углей, обломки кровельных черепиц. Все это создает впечатление, что перед нами жилая часть дома, погибшего, как и описанный выше восточный дом, во время пожара.

Особенно характерно третье помещение западного дома (№ 24). Оно имеет в плане почти квадратную форму; площадь его около 30 м² [305, с. 129—135]. Западная стена помещения разобрана; в его северной части сохранился завал кровли. В верхнем слое завала находились камни от обрушившихся верхних частей стен (до 0,7 м толщиной), а под ним — скопление черепиц вперемежку с углями и золой (0,2 м). Среди черепиц и золы встречаются куски печины с отпечатками хвороста. Под черепицами сохранились остатки дубовых стропил и их обшивки, покрытые слоем глины с отпечатками соломы. Положение остатков стропил позволяет установить, что крыша была двускатной; черепицы укладывались поверх дощатого настила, опиравшегося на стропила [305, с. 130, рис. 6].

В слое черепиц находились три скульптуры из плотного мраморовидного известняка [305, с. 130] — герма Диониса [304, с. 79, рис. 1—2], рельеф с изображением сидящих мойр [304, с. 80, рис. 3; 172] и статуэтка воина со щитом [304, с. 82, рис. 4—6]. Под завалом почти в центре помещения оказалась возвышающаяся над уровнем пола на 0,15 м глиняная площадка с округленными углами (1 × 0,9 м). Если принять во внимание упомянутые скульптуры и обнаруженные на полу обломки ритуальных сосудов (§ 17,3), следует согласиться, что возвышение служило домашним алтарем или жертвенником, а помещение (№ 24)

Рис. 34. Фигурный сосуд в виде барана с подписью мастера. II в. н. э. Глина. Длина 27 см.

имело культовое назначение (305, с. 131—132; 283, с. 62—63).

На полу помещения под завалом и отчасти на уровне его нижней части было найдено, как отмечено выше, несколько сосудов, поддающихся полному восстановлению. Это нижняя часть большой желобчатой красноглиняной амфоры, целые узко- и широкогорлые амфоры II—III вв. с остатками проса и ячменя [305, с. 136, рис. 12]; процарапанные на одной из амфор буквы PNZ [305, с. 132], — по всей вероятности, дата по тирасской эре, соответствующая 213 г. [283, с. 63, прим.]. Здесь же найдены красноглиняный двуручный и сероглиняный одноручный кувшины, краснолаковая чаша, два таких же светильника, несколько лепных горшков, а также стеклянные и пастовые бусины, скарабей, керамические пряслица, железные гвозди, железная дверная ручка, двусторонний костяной гребень, обломок зеркала сарматского типа [305, с. 135, рис. 11]. При этом поверхность многих сосудов имеет следы вторичного обжига при пожаре. Наконец, в северо-восточной части помещения у возвышения находились части человеческого костяка с лежащим слева от него наконечником копыа.

Обнаруженные в помещении предметы вряд ли могли попасть в него в таком комплексе при обычных условиях. Складывается впечатление, что они были собраны в святилище в обстановке военной угрозы. Дата разрушения дома была, по-видимому, близка к середине III в. Так, среди обломков амфор здесь найден фрагмент ребристой шейки амфоры с поднимающимися над венчиком ручками; уточняет время разрушения дома единственная поддавшаяся очистке монета — тирасский тетрассарий Севера Александра с позднейшей надчеканкой [305, с. 134—135].

Западный дом делился, как и восточный, на жилую и производственную половину. Рядом со святилищем в просторном ($6,9 \times 5,4$ м) помещении (№ 9) под завалом черепицы в юго-западном углу обнаружены остатки небольшой печи (№ 426) — каменное основание ($1,88 \times 1,6$ м) и опоры пода из сырцового кирпича, а в засыпи — литейная форма и миниатюрный толстостенный лепной сосудик со сливом. Этот комплекс относится, скорее всего, к ювелирному производству. У подошвы стены открыты две ямы, заполненные золой и фрагментами столовой посуды II—III вв. Стены этого помещения трехслойные (толщина их 0,6—0,5 м), сложенные на земляно-глиняном растворе из небольших, грубо обколотых и лишь частично подтесанных по фасаду известняковых плит и блоков в рядовой однорядной постелистой ложковой системе и только косяки дверного проема в западное помещение облицованы подтесанными плитами вторичного употребления.

Переходя в расположенное к югу следующее помещение (№ 7) площадью 23 м^2 , мы снова встречаем следы производственной деятельности: хотя пол разрушен почти полностью, в северо-западной части сохранились остатки печи и две небольших ямки, заполненные золой; в восточной части помещения находились еще две зольные ямы. Описываемое помещение (№ 7) также погребено при пожаре: в верхней части засыпи от-

крыт завал черепицы в желтом глинистом грунте, под которым находился слой (толщина до 0,25 м) с явными следами огня. До этого уровня камень обрушившихся стен был выбран; стены сложены небрежно и из плохо обработанного камня, но были покрыты глиняной штукатуркой. В этом помещении найдены обломки узкогорлых светло-глиняных амфор I—III вв., два целых краснолаковых светильника II—III вв. (один с рубчатым орнаментом), краснолаковый сосуд в виде лежащего барана, подписанный по сырой глине именем мастера (рис. 34), обломки стеклянной посуды, керамические пряслица, свинцовая пластинка. Под завалом черепицы находилась ручная каменная мельница.

Датировка рассматриваемого комплекса помещений уточняется монетными находками. В одной из зольных ямок последнего помещения (№ 7) находился римский асс императора Клавдия с клеймом Тиры, а в засыпи другого (№ 9) найдена монета фракийского царя Реметалка. Это дает основание заключить, что перепланировка и застройка этой части города происходили в I в.

Юго-восточное (№ 23) и значительно разрушенное средневековыми вторжениями юго-западное (№ 431) помещения западного дома (№ IV) также хранят следы производственной деятельности. В первом из них площадью более 25 м² открыты остатки примыкавшей к южной стене круглой печи (№ 210) до 2,5 м в поперечнике; сохранились лишь каменное кольцевое основание глинобитных стен и под, выложенный целыми и фрагментированными керамидами; на двух из них имеются клейма V легиона. Устье печи обращено на север, и с этой стороны к ней подходит вымостка из камней (№ 394), покрывавшая всю площадь помещения.

Время строительства печи определяется использованием для вымостки пода черепиц V легиона — естественно предполагать, что они нашли такое применение после вывода этого легиона из Тиры [197, с. 82; 302, с. 88]. Однако в

помещении прослеживаются следы более ранней строительной деятельности. К первому ее периоду следует отнести круглую яму диаметром 0,45 м с вертикальными стенками, выложенными камнями и обломками черепиц; дно ее утрамбовано (глубина 0,5 м). Обложенная камнем горловина ямы выходила на уровень вымостки, на которой были обнаружены фрагменты амфор, краснолаковой импортной и сероглиняной керамики с лощеным орнаментом, обломки стеклянных сосудов и лицевая часть терракотовой статуэтки воина с подвесными конечностями; здесь же найдены шелуха зерен и обломок зернотерки. Во втором строительном периоде вымостка с ямой перекрыта галечно-жествяным слоем (до 0,15 м), через который была прокопана новая яма, также выложенная камнями и, вероятно, также связанная с печью. Как и в соседних помещениях, все было перекрыто пожарным и завалом черепиц [197; 302, с. 88].

В первом строительном периоде западная стена помещения (№ 23) имела проем (шириной 1,1 м), заложенный впоследствии. Стены, сохранившиеся в некоторых местах до 12 рядов кладки, трехслойные, выложенные, как и в других помещениях рассматриваемого дома, на земляно-глинистом растворе по рядовой, но не всегда выдержанной однорядной ложковой системе из разномерных, слегка подтесанных камней. Северная и южная стены помещения (№ 23) продолжают к западу за створ поставленной впритык к ним западной стены, образуя вместе с ней смежное юго-западное помещение (№ 431) западного дома (№ IV). При разборке стен найдены фрагмент позднеэллинистического рельефа с изображением воина с кельтским щитом (рис. 27) и покрытая разбавленным красным лаком головка женской терракотовой статуэтки, выполненной в стиле римской портретной скульптуры I — начала II в.

К южному фасаду описанного помещения (№ 23) сделана пристройка, от ко-

торой сохранился отрезок ее восточной стены, выходивший на ул. Поперечную I. От находившейся здесь печи сохранился под, выложенный обожженными прямоугольными кирпичами трех стандартных размеров ($0,34 \times 0,14 \times 0,04$ м, $0,23 \times 0,14 \times 0,04$ м и $0,19 \times 0,14 \times 0,04$ м), а по периферии — камнями и обломками черепиц. На одном из кирпичей еще до обжига было выцарапано изображение корабля [197, с. 81, рис. 3]. По контуру под обожжен камнями, на которых были возведены глинобитные стенки печи. На полу обнаружено несколько почти не поврежденных сосудов [197, с. 82, рис. 4], фрагменты керамики (в том числе амфор I—III вв.), а также куски обрушившихся вовнутрь глинобитных стенок печи с отпечатками прутьев, уголь и зола. Из пяти практически целых сосудов — два горшка, светильник и миска лепные, пятый сосуд — сероглиняный с пролощенным орнаментом — изготовлен на гончарном кругу; все сосуды имеют сарматский облик.

В западном ряду помещений этого дома (№ IV) открыто только юго-западное помещение (№ 431). Несмотря на вторжение средневековых кладок, внутри помещения открыт завал черепиц; под завалом найдены раздавленные краснолаковые сосуды III в. — одноручный кубок, два кувшина — и лепной сосуд с насечкой по венчику, украшенный линейным орнаментом, несколько синих стеклянных бусин, а также обломки светлоглиняных узкогорлых и красноглиняных широкогорлых амфор II—III вв.

2. **Памятники хоры.** Существование греческих городов всегда зависело от наличия и использования сельскохозяйственной округи, в пределах которой размещались земельные участки граждан. Римская администрация не могла не считаться с экономической необходимостью, и эпиграфические памятники Истрии [22, № 67—69] и Калла-

тии [19, № 14214³³] наглядно показывают, что установление границ городских территорий входило в обязанности легатов [370; 476, с. 349—385]. Одна из сильно поврежденных тирасских надписей позволяет предполагать, что аналогичные меры предпринимались и по отношению к Тире [145, с. 79—82], но границы закрепленной за городом территории не поддаются определению. Судя по археологическим находкам, тирасская хора II — начала III в. тянулась вдоль берега Днестровского и Будацкого лиманов от с. Удобное на севере до с. Приморское на юге (рис. 11); между этими крайними точками известно около десятка пунктов с остатками каменного домостроительства и фрагментами римских амфор; на некоторых из поселений зарегистрированы монетные находки I—III вв.: денарий Каракаллы у с. Бельняное [143, с. 175, № 10], денарий Веспасиана у сел Затона (рис. 36, 1) и Шабо [132, с. 64, № 11], денарий Антонина Пия на южной окраине Белгорода-Днестровского (рис. 36, 2), две тирасские монеты времени Северов и клад римских денариев у с. Переможное [40, с. 184; 178, с. 70, № 742], асс Адриана из с. Удобное. Особенно важны клады, содержавшие римские денарии вместе с монетами Тире: такие находки — они известны у с. Выпасное [143, с. 174—175, № 9] и Шабо [140, с. 82, прим. 12] — позволяют предполагать в указанных пунктах существование усадеб, принадлежавших значительным гражданам.

К сожалению, большинство памятников тирасской хоры римского времени известно лишь по данным разведок и по случайным находкам. Однако в одном случае мы располагаем и материалами раскопок. Речь идет о поселении Молога II, расположенном на высоком обрывистом мысу в 15 км к северо-западу от Тире. В ходе раскопок поселения и относящегося к нему некрополя (1975—1978 гг.) открыты остатки каменных домов, отдельно стоящая печь, зерновые ямы, четыре земляных склепа

и несколько грунтовых погребений. Вещевой материал поселения и могильника однороден и находит аналогии на многих памятниках южной части Пруто-Днестровского междуречья: это керамические пряслица, каменные оселки, железные ножи, украшения из металла и стекла, немногочисленные стеклянные сосуды. Самым массовым материалом является керамика — фрагменты узкогорлых светлоглиняных и красноглиняных амфор, краснолаковые тарелки и чаши, красноглиняные миски, светлоглиняные канфары. На поселении и в некрополе имеется также гончарная и лепная сероглиняная посуда — столовые сосуды обычно с лощением, лепные горшки, миски и светильники. Весь этот материал, а также найденный в культурном слое денарий Антонина Пия и поднятые на поверхности фрагмент монеты Фаустины младшей и тирасские монеты Коммода и Геты позволяют датировать памятник второй половиной I — первой половиной III в. По мнению исследователей памятника, он относится к дочерняховскому времени и связан с позднескифской культурой; гето-фракийские традиции на материалах Мологи II не прослеживаются, но среди лепной керамики имеются фрагменты, идентичные сосудам карпов [88].

3. Городское хозяйство и торговля. Строительные остатки и вещевой материал из раскопанного участка римской Тире дают основание для ряда заключений. Домостроительство и строительное дело во II — начале III в. переживали свой расцвет, отражая общий подъем хозяйственной жизни этого периода [186, с. 96, 110—111]. Расширение площади городской застройки, появление больших домов, объединяющих жилые и производственные помещения, использование местных строительных материалов — не только камня, но также обожженного кирпича и кровельной черепицы, — стандартизация размеров керамических строительных материалов, сооружение монументальной водосточной системы — все это наглядно сви-

детельствует о сложившихся традициях благоустроенного городского быта [36, с. 316—317].

Открытые в ряде помещений домницы, печи для обжига посуды, печи неопределенного производственного назначения, литейные формы и тигли, металлические изделия и шлаки, пряслица, а также сами здания показывают, что во II — начале III в. в Тире существовали не только такие виды ремесла, которые обслуживают бытовые нужды населения, но и металлургия, кузнечное дело, развитое и специализированное (изготовление столовой посуды, кирпичей, черепицы) гончарство, ткачество, косторезное ремесло, а также строительное дело и связанные с ним специальности. В то же время зерновые ямы, каменные жернова, керамическая тара с остатками горелого зерна, кости домашних животных свидетельствуют, что хлебопашество, виноградарство, скотоводство и рыболовство по-прежнему занимали существенное место в деятельности горожан и жителей близлежащих мелких поселков.

Обнаруженные в ходе раскопок материалы дают представление о размахе и направлениях внешних торговых связей Тире. Подробный анализ наиболее массового керамического материала — амфорной тары — показывает, что в Тире поступало в I—III в. десять типов импортных амфор [260, с. 255—261, рис. 1—2]. Хотя не для всех типов и вариантов установлены центры их производства, можно предполагать, что амфоры из красно-оранжевой глины со слюдяными включениями и со сложнопрофилированными ручками происходят из ольвийских мастерских, узкогорлые светлоглиняные амфоры с профилированными ручками изготавливались в Малой Азии, а редко встречающиеся амфоры из розовой глины со значительным содержанием слюды и с шиповидными ручками следуют производственным традициям итальянских гончаров. За исключением этого последнего типа амфор остальные амфоры из Тире находят ана-

Рис. 35. Курильница нижнемезийского производства. II—III вв. н. э. Глина. Высота 8,7 см.

логии среди материалов из других центров Северного и Западного Причерноморья. В Тире встречаются разнообразную краснолаковую посуду [151, с. 233, рис. 4; 302, табл. I], среди которой различаются изделия малоазийских и подражавших им нижнемезийских мастеров, а также предметы, вышедшие из мастерских Италии и римских провинций [179, с. 16, 82, № 672; 306, с. 48—49]. В числе последних следует упомянуть опубликованный Э. Р. Штерном [328] бронзовый сосуд II—III в. в виде бюста юноши [73, с. 591, рис. 6], группу мелких поделок египетского происхождения (§ 17, 3), стеклянные изделия. К кругу импортов из центров Нижней Мезии необходимо отнести красноглиняные курильницы в виде вазочек со сложнопрофилированным венчиком (рис. 35), восстанавливаемые по обломкам массивные плоскдонные миски со сливом (мортиарии) с латинскими надписями, отгиснутыми специальным штемпелем [158, с. 49, рис. 2—6], бронзовые украшения конской сбруи [158, рис. 7] и шкатулок [158, рис. 8]. Западное происхождение имеют также фибулы [101, с. 63, рис. 1—2; 184, с. 34, рис. 14], литые стеклянные жетоны [179, с. 126, № 1225]. Находят в Тире привозные терракоты, фигурные сосуды, посуду, пряслица и бусы из стекла, пастовые бусы и т. п. Обращают внимание разнообразие импорта и однородность состава находок привоз-

ных предметов во всех раскопанных помещениях.

В конце I — начале III в. Тира была не только потребителем импортных товаров, но и поставщиком их для варварской периферии. Положение города на месте пересечения сухопутных дорог, морского пути вдоль черноморского побережья и начального пункта крупной речной магистрали [429, с. 36—39; 470, т. 2, с. 131, 146, 152—153, 191] превращало ее в один из центров транзитной торговли, и если через Тиру вывозили зерно и различные виды сельскохозяйственного сырья, то через нее к племенам Поднепровья поступали светлоглиняные узкогорлые амфоры с вином и оливковым маслом, краснолаковая посуда, стеклянные изделия и римские монеты [250, с. 196—199, 201—214, 223, 232—233; 306, с. 49].

Следует заметить, что Тира была не только проводником влияния римской провинциальной культуры в среду племен Поднепровья, но и сама подвергалась воздействию варварского мира. В быту населения отмечаются элементы местной материальной культуры. Это примитивные зернотерки и лепная керамика, сарматские бронзовые зеркала, кружальные сероглиняные сосуды с лощением, простые светильники [302, с. 91, рис. 3; 306, с. 50]. Следует назвать грубые скульптурные произведения — каменные фигуры сидящей женщины [100, с. 48, рис. 6] и воина [304, с. 82, рис. 4—6]. Особенно показательна сероглиняная керамика с пролощенным орнаментом: классификация этой посуды, отличающейся общностью технологических приемов изготовления и орнаментации и одностильностью всего облика [86, с. 99], дает возможность выделить открытые и закрытые миски, кувшины (в большинстве одноручные), тарелки. Они имеют много общих черт с керамикой черняховской культуры, но многие сосуды, повторяющие формы красноглиняной римской посуды, не находят аналогий на черняховских памятниках; имеются различия и в орнаментации [86]. Многие

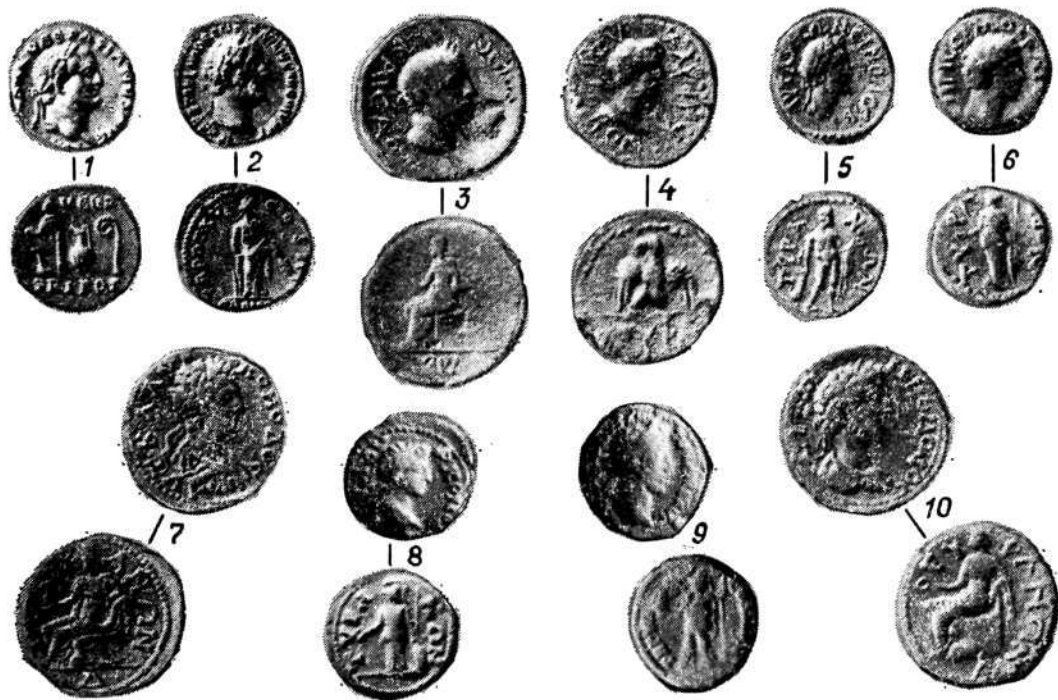

Рис. 36. Монеты римской Тире (I—II вв. н. э.):

1, 2, 9 — денарии Веспасиана, Антонина Пия и Коммода; 3—8, 10 — бронзовые тирасские монеты Флавиев и Антонинов.

из кружалных и лепных сосудов из Тире находят убедительные аналогии среди сарматской и гето-фракийской керамики и заставляют предполагать в рядах городского населения наличие выходцев из местной этнической среды [306, с. 50].

Изученные дома принадлежали, очевидно, далеко не рядовым горожанам: они многокамерные, средняя площадь помещений в западном доме (№ IV) достигает 25 м², а отдельных комнат — более 30 м². В восточном доме (№ III) найдены чрезвычайно редко встречающиеся при раскопках античных городищ золотые и серебряные предметы и два клада монет, а в западном (№ IV) — скульптуры из мраморовидного известняка, художественные терракоты, фрагменты высококачественных краснолаковых сосудов, изготовленных в малоазийских и германских мастерских (рис. 34).

К сожалению, надписи римской Тире содержат мало материалов об экономике города. В нескольких сильно фрагментированных и не поддающихся связному переводу документах [23, № 3; 134, с. 102—103, № 1; 460, с. 394—396, № 4; 128, с. 115, № 3] речь шла о подати или пошлине (ΤΕΛΟΣ), о торговле и торговых судах (ΕΜΠΟΡΙΑ, ΝΗΕΣ ΕΜΠΟΡΙΚΑΙ), о трапезитах, занимавшихся различными денежными операциями, о золоте и серебре, под которыми подразумеваются золотые и серебряные монеты, о подделке или перечаканке (ΠΑΡΑΧΑΡΑΓΜΑ) монет, о наложении на них клейм (ΧΑΡΑΚΤΗΡΙΣ), но связать эти разрозненные штрихи в достоверную картину невозможно. Однако известно, что граждане Тире пользовались определенными податными льготами — правом беспошлинного ввоза товаров как для личного потребления, так и для продажи [23, № 4].

Эти льготы были дарованы городу «божественным Антонином», под которым следует подразумевать Антонина Пия (138—161 гг.); это подтверждается постановкой на тирасских монетах Антонина (рис. 36, 5) его имени в внятельном падеже, что должно было подчеркивать коммеморативный характер эмиссии [120, с. 116; 121, с. 15, 37].

Монетное дело Тире дает некоторые основания для суждения об экономике города. Чеканка монеты была начата при Веспасиане (69—79 гг.), продолжена при Домициане (81—96 гг.) и возобновлена при Адриане (117—138 гг.). В последних случаях выпускались монетные серии, причем каждый из трех номиналов (тетрассарий, дупондий, ассарий) имел в обоих случаях одинаковые изображения на реверсе. При Антонине, монеты которого отличаются особым изяществом, появляется новый мелкий номинал (тригемиассарий). При Коммоде объем чеканки резко возрастает и в годы его правления (180—192 гг.) было выпущено две серии монет, причем появляется новый номинал (трессис), а также особые обозначения ценности на монетах трех старших номиналов. Еще более возрастает объем монетных эмиссий при Септимии Севере (193—211 гг.) и Каракалле (211—217 гг.), на тетрассариях которых появляются новые типы изображений. В последний раз Тира чеканит монету при Севере Александре (222—235 гг.), но теперь выпускается лишь одна серия в составе трех первоначальных номиналов [121, с. 33—43; 125, с. 105—106, 111—112].

Особенностью монетного дела Тире на его первом этапе (до Коммоды) было преобладание мелких монет; при Северах, напротив, чеканятся по преимуществу тетрассарии. Следует добавить, что при Траяне (98—117 гг.) на монеты Домициана накладывались особые клейма (рис. 28, 10—12 — колос, рис. 36, 3 — виноградная гроздь), которыми узаконивалось обращение монет свергнутого императора. Судя по той же надчеканке (колос) на монетах Веспасиана (рис. 28,

9) и на ранее надчеканенных клеймом ТИР стертых монетах Клавдия (рис. 29, 1), они еще находились в обращении в первых десятилетиях II в.

Тирасская медь следовала образцам, которыми служили для нее монеты Западного Понта. Это явствует не столько из системы номиналов и содержания монетных изображений [472, табл. XIII, 13—XX, 33], сколько из преимущественного применения одного и того же типа реверса для каждого из номиналов, проявляющегося с полной отчетливостью в нумизматике Одессы [472, с. 526]. Из городской чеканки Нижней Мезии заимствованы и появившиеся там при Коммоды обозначения большинства номиналов знаками ценности. Для мезийских городов такая система обеспечивала возможность обращения монет одного города во всех прочих центрах [472, с. 74—76, 622—623], но средние веса тирасских тетрассариев настолько отставали от соответствующих весовых показателей западнопонтийской чеканки, что о широком распространении тирасских монет на рынках Мезии не приходится думать*.

Медные монеты Тире были мало приспособлены для крупных платежей, и в городе сравнительно рано появляется общеимперская монета, прежде всего денарии [250, с. 229]. Обращение их наряду с местной монетой иллюстрируется совместными находками вкладах из города [33; 307] и его окрестностей [140, с. 82, прим. 12; 143, с. 174—175, № 9; 178, с. 70, № 742]. Денарии из кладов и из отдельных находок показывают, что приток этих монет в Тире начался не раньше Флавиев, возрастает при Адриане и достиг наибольшего уровня при

* Тирасские монеты никогда не отмечались среди находок в городах западнопонтийского побережья; нет их и среди подпошений в известной находке в святилище близ Бургаса. Единственным пунктом находок монет римской Тире является Печения в Добрудже, откуда происходят тетрассарии Юлиа Домны [524, с. 349, № 117] и Севера Александра [457, с. 113, № 35].

Таблица 1. Находки римских монет I — начала III в. в Тире

Правитель, дата	Количество найденных монет						Всего	Количество монет, приходящихся на один год
	ауреусы	денарии и субэраги	сестерции	дупондии	ассы	неизвестные монеты и миниаты		
Марк Антоний, легионные эмиссии 32/31 г. до н. э.		2					2	
Клавдий и Нерон (41—68 гг.)	1	2	1		6		9	0,33
Флавий (69—96 гг.)		13					13	0,48
Траян и Адриан (98—138 гг.)		15	3		2		20	0,49
Автонин Пий (138—161 гг.)		8	2	2			12	0,52
Марк Аврелий и Коммод (161—192 гг.)		20	1		1		22	0,69
Септимий Север и Каракала (193—217 гг.)		22					22	0,92
Элагабал и Север Александр (218—235 гг.)		7				1	8	0,47
Подражания римским монетам		2					2	
Всего	1	91	7	2	9	1	110	

Коммод и Септимии Севере (табл. 1). Впрочем, в Тире известны и монеты поздних Северов, а также эфемерных императоров III в. до Галлиена включительно (§ 21, табл. 2). Большинство римских монет из Тиря являются денариями; известны, впрочем, два ауреуса (Нерона и Деция), а также разменные монеты — сестерции, дупондии, ассы. Приведенные ниже таблицы 1—2 суммируют данные о находках римских монет I—III вв. в Тире и на ее хоре; эти данные группируются следующим образом (во внимание приняты только экземпляры, происхождение и определение которых не вызывает сомнений):

а) из находок XIX — начала XX в. изданы: ауреус Нерона [337, с. 31, прим. 1; 178, с. 70, № 748], сестерций Фаустины Старшей [178, с. 70, № 744], денарий Антонина Пия 156 г. [231, с. 26], денарий Марка Аврелия 162 г. [232, с. 34], денарий того же императора 171 г., найденный Э. Р. Штерном в 1912 г. [330, с. 96; 178, с. 70, № 745], не определенная монета Севера Александра [178, с. 110, № 1706], ауреус Траяна Деция [178, с. 110, № 1708];

б) из числа римских монет, найденных при раскопках Тиря под руководством

Л. Д. Дмитрова и А. И. Фурманской, опубликованы субэратный денарий (?) Веспасиана [178, с. 70, № 751], асс Траяна [178, с. 70, № 750], дупондий Антонина Пия [178, с. 70, № 752a], денарий Юлии Домны плохой сохранности [305, с. 136; 178, с. 70, № 743], денарий Плавтилы [178, с. 110, № 1709], денарий Севера Александра [310, с. 15], денарий Юлии Мамеи [102, с. 118], антонинианы Клавдия Готского и Диоклетиана [308, с. 63];

в) вкладах 1950 и 1958 гг. содержалось 36 денариев [33; 307]; они принадлежат императорам от Нерона до Геты; находившиеся во втором кладе легионные денарии Марка Антония обращались до начала III в. [364, с. 336—337];

г) в списке случайных находок из Тиря [32, с. 198—300, № 1—2, 4, 6—13] указаны 10 денариев, антониниан Диоклетиана, а также два подражания [32, с. 301, № 1—2];

д) при раскопках 1963—1976 гг. найдены и опубликованы 30 римских монет [144, с. 96—98, № 86—112, 118, 121, 124, 126] от Клавдия до Диоклетиана;

е) в 1977—1983 гг. найдены два асса Клавдия с тирасским клеймом (79—222, 82—20), денарий Адриана (79—298) и

Марка Аврелия (куплен в 1982 г.), асс Фаустины Младшей (78—221), антонинианы Гордиана III (77—276; 79—59), Гордиана или Требониана Галла (79—93), Филиппа Младшего (79—1; 79—86), Траяна Деция (77—57) и Гостилиана (78—22). К этому следует присоединить драхму Септимия Севера, чеканенную в Кесарии Каппадокийской (79—185) — эти монеты обращались на Востоке империи наравне с денариями [120, с. 53] — и два сильно изношенных сестерция II в. (Траян или Адриан и Марк Аврелий или Коммод — 77—69 и 98); ж) следует учесть также находки на хоре, указанные в тексте (§ 16, 2).

Монеты Тирь обращались вместе с римскими денариями на поселениях тирасской хоры (§ 16, 2) и проникали за ее пределы. Не касаясь здесь монет Домициана, Септимия Севера и Каракаллы, найденных в святилище Ахилла на Левке [59, с. 223, табл. 2-а; 215, с. 237, прим.; 216, с. 475, № 6], и неопределенных указаний на находку тирасских монет II в. на территории бывшего Аккерманского уезда (178, с. 70, № 738), следует назвать монету Антонина Пия из с. Желтый Яр Татарбунарского р-на [143, с. 174, № 8]. О распространении монет Тирь на восток свидетельствует небольшой клад из Овидиополя [129, с. 134], отдельные находки оттуда же [178, с. 71, № 766], из долины р. Барабой [40, с. 207] и из Одессы [132, с. 64, № 12], а также находки на Тендре [287, с. 72, прим. 48].

§ 17. Общественно-политическая структура, культура и религия римской Тирь

1. Этнический и социальный состав населения. Уже в самом начале исследования Тирь было правильно отмечено, что в городе проживали как «коренные граждане», так и люди, которые «не пользовались правом местного гражданства» [39, с. 438], но определение общего количества населения и соотношения числа граждан, прочих свобод-

ных и рабов возможно лишь предположительно. Учитывая возрастающее количество посуды сарматского и гетского облика и принимая во внимание сообщения античных авторов, непосредственно знакомых с положением территориально близких греческих городов в I в.*, можно предполагать количественный рост местного населения и в римской Тире; однако небольшие размеры раскрытого раскопками участка городских кварталов и случайный характер находок на некрополе дают возможность лишь констатировать наличие среди горожан зажиточной прослойки, не раскрывая особенностей социальных противоречий. Поэтому не подлежащее сомнению деление жителей города на «греков, римлян и варваров, свободных и рабов, уроженцев государства и иностранцев, граждан государства и тех, кто только пользовался его покровительством» [8, с. 636] не получает на тирасском материале достаточной конкретизации.

Немногом более сведений дают эпиграфические документы. Надписи сохранили только имена, не всегда однозначно свидетельствующие об этнической принадлежности своих носителей. Кроме того, эти имена принадлежат только полноправным гражданам, притом принимавшим активное участие в муниципальной жизни; наконец, полиэтничность имен далеко не прямо отражает подлинную этноструктуру популяции. Но при всем том нельзя не отметить, что среди архонтов, булевтов и верхушки граждан Тирь наблюдается значительное разнообразие антропонимических данных; здесь мы находим граждан, носящих правильно образованные трех- или двусоставные римские имена, — например, Публий Элий Каль-

* Имеются в виду сообщения Овидия о составе населения Томы [443] и Диона Хрисостома о проникновении варваров в среду ольвиополитов [191, с. 145—160]. Необходимость критического отношения к этим данным отражена в работах Н. В. Вулях [74] и А. В. Подосинова [240].

пурний [23, № 4], Флавий Юлиан, Элий Луций, Коккей Валент, Валерий Руф [23, № 2], — носителей чисто греческих или варварских имен, сохраняющих эти последние как римский *cognomen*, — таковы, к примеру, Тиберий Клавдий Антисфен [23, № 2], Аврелий Гераклид [24, № 229] или Аврелий Фордигал [24, № 228-е]. Наряду с ними среди граждан немало лиц, носящих чисто греческие имена с такими же патронимиками — это Гиероним, сын Артемидора, Теодор, сын Боэта, Макарий, сын Артемидора и некоторые другие [23, № 2]; греческое имя с латинским патронимиком носил Каллистрат, сын Силия [23, № 9], а с «варварским» — Дионисий, сын Писка [23, № 2]. С другой стороны, имеются носители римских имен, соединяющихся с греческими, латинскими или фракийскими отчествами — это Валериан, сын Понтика, Сетумий, сын Гиеросонта, Луций, сын Сатурнина, Валерий, сын Бассиана, Кесарь, сын Зуры [23, № 2]. Встречаются, наконец, лица со скифо-сарматскими либо неопределенно-варварскими именами и патронимиками — Пидан, сын Питфарнака [23, № 2], Абриния, дочь Фордигала [24, № 228-е] — или даже носители варварских имен с чисто греческими патронимиками, как Мадина, дочь Артемидора [24, № 228-е].

Несмотря на пестроту и кажущуюся беспорядочность тирасских антропонимов II—III вв., они все же указывают на явное преобладание греческих традиций в быту населения. Это выражается и в количественном перевесе греческих имен и в том, что не только варвары, но и носители римских имен образуют патронимики на греческий лад. Было бы, однако, неосторожно заключать, будто греки составляли «основную, преобладающую часть населения» [306, с. 50]; во всяком случае из пяти известных женских имен высшей прослойки тирасских граждан три имени — Абриния, Мадагава, Мадина [24, № 228-е, 229; 128, с. 120, № 9] — являются варварскими, и только два —

Дионисия [23, № 11] и Лафайя [16, с. 312, № 6; 128, с. 120—121, № 10] — принадлежат к числу греческих.

Еще менее можно полагаться на личные имена при определении реального присутствия римлян в этом дальнем форпосте империи — принятие римского имени было своеобразным показателем социального статуса и не может рассматриваться как указание на происхождение. Разумеется, среди солдат и командиров расположенного в Тире гарнизона могли быть уроженцы Италии, но в каждом отдельном случае это можно лишь предполагать. Следует добавить, что фрагментированные в большинстве латинские надписи из Тиря не дают возможности установить, наблюдался ли и здесь процесс приобщения римских воинов и выпедших в отставку ветеранов к кругу интересов и забот местных жителей, процесс их сращивания с повседневными проявлениями муниципальной жизни и вступления в число граждан. Во всяком случае надписи в честь Траяна [465; 128, с. 116, № 5], Автонина Пия [145, с. 182—185, № 4; 286] и Септимия Севера [23, № 6] исходят только от тирасского гарнизона. Единственный источник, позволяющий догадываться о сближении военнотружущихся с верхушкой городского населения, — явление, хорошо известное в истории римских провинций [166; 349; 376], — относится к сравнительно позднему времени. Речь идет о латинской надписи, найденной в конце XIX в. в развалинах Эска. Памятник воздвигнут в годы правления Элагабала (218—222 гг.) в честь некоего Тита Аврелия Флавина [19, № 14416; 25, № 7178]. Последний, будучи по рождению римским гражданином (в документе указаны не только имя отца, но и триба), отличился в сражениях и дослужился до должности *принципалария*; со времени Септимия Севера эта должность считалась всаднической и открывала путь к высшим военным постам. Поселившись после увольнения в отставку в родном Эске, Флавин стал патроном одной из ремес-

ленных коллегий и председателем совета, а также занял место в советах нескольких других городов — Маркианополя, Дионисополя и Тиры в Нижней Мезии, Аквинкума в Нижней Панионии и даже «города тунгров», т. е. Атуатуки в Нижней Германии (совр. Тунгр в Бельгии). В чем конкретно выражались отношения этого заслуженного ветерана к городу Тире мы, к сожалению, не знаем, но из того факта, что памятник в Эске был поставлен ему одним из членов тирасского совета, можно с некоторым основанием заключать, что Флавин проявил себя в качестве активного гражданина Тиры и что он проживал в этом отдаленном городе или, во всяком случае, посещал его.

Антропонимический материал лишь с большой осторожностью может привлекаться для характеристики социального статуса носителей тех или иных личных имен, однако обращает на себя внимание отсутствие в Тире подлинно аристократических имен, традиционных исключительно в узком кругу семей, имевших основание гордиться древностью и знатностью своего происхождения. В то же время встречаются «династические» имена римских императоров — Флавий, Коккей, Элий, Аврелий. В особенности показательно последнее имя — Аврелиями назывались, в частности, все свободные жители империи, получившие гражданские права в силу известного закона Каракаллы*.

2. Политический строй. В римское время Тира была провинциальным городом с значительными остатками автономии и демократических порядков. Юридически *Tyranorum civitas* [23, № 2 и 4; 25, № 7178] рассматривалась

* Среди граждан Тиры имеются лица, имена которых совпадают с их патронимиками (Дельф, сын Дельфа, Филокал, сын Филокала, Хрисипп, сын Хрисиппа [23, № 2]), но учитывая, что все трое входят в число лиц, скрепивших печатями постановление совета и народа, было бы неосторожно видеть в них вольноотпущенников [124, с. 57] — не следует забывать, что младшие сыновья часто носили в греческих семьях имя отца.

во II—III вв. в составе империи как *civitas libera et immunitas* [393, с. 1861—1862; 477, с. 100—103] — она сохраняла свою территорию (ХΩΡΑ), право гражданства (*ius civitatis*), свои законы (*leges*) и постановления (ΥΠΟΨΗΜΑΤΑ)**. Город по-прежнему возглавлялся архонтами, продолжали функционировать совет и народное собрание [23, № 2, 4; 138, с. 151; 462, № 5; 128, с. 121, № 13; 145, с. 79—82, № 2]. Коллегия архонтов состояла, по видимому, из прота, являвшегося эпонимом, и трех членов; упоминается также городской секретарь (ΓΡΑΜΜΑΤΕΥΣ ΤΗΣ ΠΟΛΕΩΣ). Важные документы скреплялись печатями архонтов, эйсегета (лица, внесшего проект постановления в народное собрание) и членов особой группы ΤΩΝ ΣΦΡΑΓΙΣΜΕΝΩΝ, которая в единственном известном случае [23, № 2] состояла из 15 членов. Наконец, город имел свою собственную эру, чеканил разменную бронзовую монету, располагал собственными средствами (ΔΗΜΟΣΙΑ) и сохранял право беспошлинной торговли (*immunitas*), находясь при этом под контролем таможенных властей Иллирика [388, с. 200—210; 458; 476, с. 373—381; 533, с. 303—308].

Все эти признаки полисной автономии оказываются, впрочем, далеко не безусловными. Нельзя забывать о постоянном присутствии в Тире римского гарнизона и о том, что дарованные гражданам привилегии находились под постоянным надзором легата провинции (рис. 37). Если вспомнить, что особая тирасская эра была связана со включением города в состав Римской империи, а на монетах Тиры со времени Флавиев неизменно помещались изображения и

** П. В. Беккер полагал, что Тира, вынужденная признать в 57 г. верховную власть Рима, стала при этом союзным городом (*civitas foederata*); после завоевания Дакия он был включен в ее состав и приобрел статус вольного города (*civitas libera*), а при Коммоде вошел «в число городов так называемых *imunes*» [38, с. 15—22]. Такая четкая последовательность изменений статуса Тиры не вытекает, однако, из имеющихся документов.

имена императоров, то придется признать, что защита и покровительство со стороны Рима были куплены ценою серьезного ущемления и ограничения суверенитета Тира [38, с. 17, 20, 22; 39, с. 428, 441; 40, с. 185]. Это, впрочем, не являлось исключением по сравнению с другими провинциальными городами и вполне соответствовало интересам верхушки гражданской общины, укреплявшей под властью Рима свое имущественное и социальное лидерство внутри города, сохранявшей полную возможность распределять в своем кругу награды и должности [23, № 2], выступать с официальными заявлениями о своей благонамеренности и покорности перед императорами, которых тирасские граждане, как, впрочем, всех других провинциальных городов, лъстиво именуют при случае «повелителями земли и моря» [138, с. 151].

При изучении сохранившихся эпиграфических документов можно убедиться в том, что автономия Тира в составе Римской империи была призраком подлинной независимости, а государственный строй города все более отходил от традиционных демократических порядков. Антидемократичным является по существу уже выделение должностей прота (первого архонта) и городского секретаря. Не лишено значения также, что теперь все существенные постановления городских властей скреплялись печатями архонтов, эйсегета и небольшой группы граждан, не принадлежавших к числу магистратов данного года. Эти граждане, можно полагать, — бывшие магистраты, — принадлежали к высшему слою сословия декурионов (*ordo decurionum*) и вносились в особый список (*album*); они являлись булевтами (членами совета) и обладали авторитетом, зависевшим как от их богатства, так и от заслуг перед римской администрацией; в эту группу входили, например, заслуженные ветераны. Выделение такой прослойки указанного периода и предоставление ей фактического контроля над городскими органами власти

Рис. 37. Статуя римского военачальника, II в. н. э. Мраморовидный известняк. Высота 2,22 м.

являлось несомненным ограничением демократии [18, т. 2, с. 31].

3. Культура и религия. Касаясь культуры и религиозных верований римской Тира, приходится констатировать отрывочность и недостаточность имеющихся материалов. До настоящего

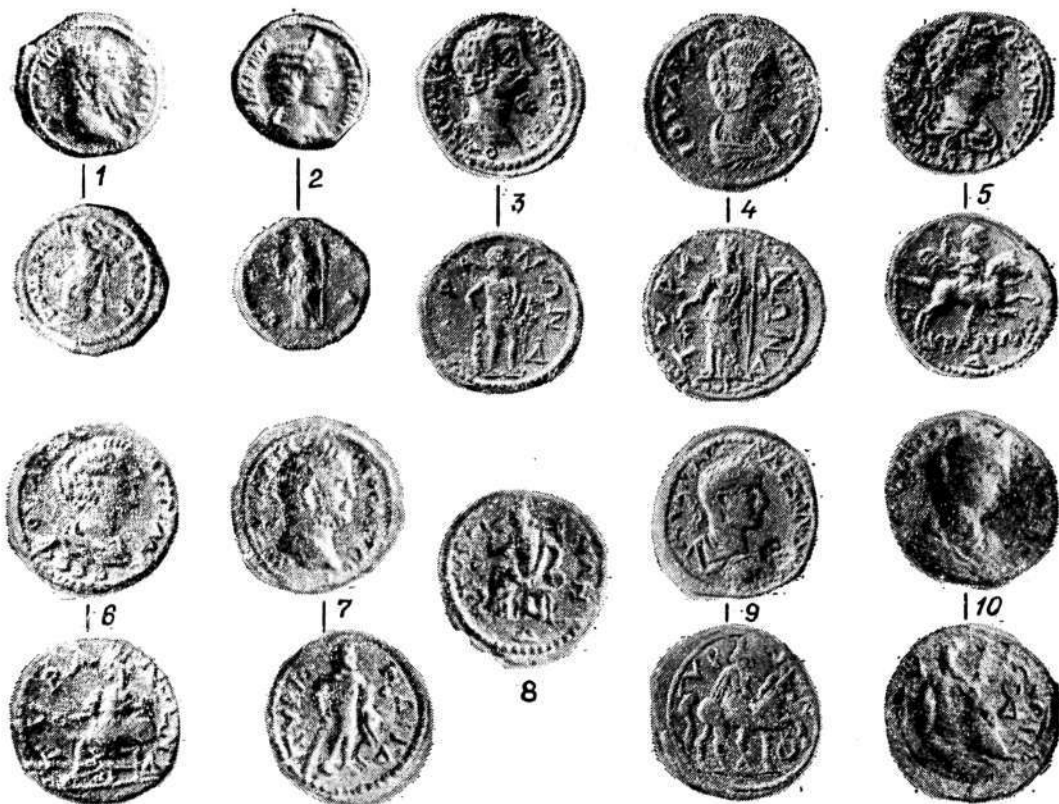

Рис. 38. Монеты римской Тире (конец II — начало III вв. н. э.):

1—2 — денарии Септимия Севера и Юлии Мамеи; 3—10 — бронзовые тирасские монеты Северов.

времени в Тире не открыто ни одного храма; уцелевшие строительные надписи настолько фрагментарны, что в двух случаях [145, с. 76—79, № 1; 286] невозможно установить, какое именно сооружение — портик, алтарь или храм — было посвящено, а в остальных угадываются лишь самые неопределенные намеки на храмостроительство [23, № 7 и 13]. Не содержит эпиграфический архив римской Тире и посвящений божествам от магистратов или культовых объединений, так что о религии граждан в I—III вв. приходится судить преимущественно по монетным изображениям. Среди последних выделяется фигура восседающей на троне богини с калафом на голове, с венком (рис. 36, 3), чашей (рис. 36, 10; рис. 38, 6, 8) или маленькой фигуркой кылатой Ники (рис.

36, 7) в протянутой правой руке. Тимпан, на который богиня опирается в большинстве случаев левым локтем (рис. 38, 6) или держит в левой руке (рис. 38, 8), и один или два льва у трона (рис. 38, 8) характеризуют это божество как малоазиатскую Кибелу [121, с. 36, 50—51]; этому не противоречит и замена в некоторых случаях калафа башенным венцом (рис. 38, 6). Различия в деталях не позволяют видеть в этом изображении на монетах Антонина Пия и последующих императоров воспроизведение культовой статуи, но на монетах Домициана (рис. 36, 3) и Адриана [121, табл. IV, 7] А. Н. Зограф предполагал изображение статуарного оригинала [121, с. 51].

Монетные изображения с таким же постоянством указывают и на культ рим-

ского Геркулеса [121, с. 52—53]. Последний изображается обнаженным, с палицей в опущенной правой руке, с одним или тремя яблоками в левой, через которую перекинута львиная шкура (рис. 36, 5; рис. 38, 3, 7). В зависимости от облика правящего императора Геркулес изображается бородатым или безбородым, что подчеркивает про- римский характер всего типа (рис. 36, 5; рис. 38, 3, 7).

Из других монетных типов, постоянно повторяющихся на монетах римской Тиры, следует выделить изображения стоящих богинь Афины [121, с. 37] и Тихи [121, с. 38]. Каждая изображена со своими атрибутами — шлем, копье и щит для Афины (рис. 36, 6, 8,), башенный венец, рог изобилия и рулевое весло для Тихи [121, табл. V, 10; табл. VI, 3; табл. VII, 5; табл. VIII, 10; табл. IX, 10] — и соответствует установившейся задолго до этого времени иконографии; близкие изображения имеются, в частности, на монетах других городов Нижней Мезии [472, табл. XV, 17, 19, 22, 24; табл. XVIII, 15; табл. XIX, 4, 8, 9].

При Северах на монетах Тиры появляются и другие божества — Деметра (рис. 38, 4), Дионис [121, табл. VIII, 3; табл. X, 3], Гермес [121, табл. VII, 7], Ника [121, табл. VI, 8; табл. VII, 2; табл. X, 1], женская фигура со скипетром и чашей в руках [121, № 123—Герра?], речное божество (Тирас?) с изливающей воду урной (рис. 38, 10). Особняком стоят изображения представленного в виде юноши в венке римского сената (рис. 29, 7), орла (рис. 29, 8; рис. 36, 4), и, наконец, героизированного императора на скачущем (рис. 38, 5) или торжественно выступающем коне (рис. 38, 9).

Наблюдения над монетными изображениями дополняются другими данными. Так, перстни с резными камнями говорят о почитании Зевса [232, с. 24], Кибелы [308, с. 62] и Гермеса [305, с. 134, рис. 10, 1], гермы Диониса [304, с. 79, рис. 1—2] и Приапа [460, с. 392, рис. 7] подтверждают существование

Рис. 39. Рельеф с изображением фракийского героя-всадника. II—III вв. н. э. Мрамор. Высота 33 см.

культа этих богов, и лишь об Аполлоне материалы Тиры не дают сведений. Возможно, это связано с тем, что ведущее место в пантеоне города в I—III вв. принадлежало Афине [285, с. 127—128]. Об этом свидетельствуют посвященные граффити [351, рис. 1, 30], терракотовая голова богини в шлеме [292, с. 13, табл. 4, 1], обломок торса небольшой мраморной статуэтки, являвшейся, по-видимому, репликой более раннего образца [285, с. 127; 306, с. 49]. Богиня со своей священной спутницей — совой — представлена стоящей у алтаря также на керамическом штампе, найденном в 1972 г. [184, с. 52, рис. 25].

Религиозные представления жителей римской Тиры не имели чисто эллинского или римского характера, но отличались характерным для этой эпохи синкретизмом. В этой связи следует назвать случайную находку у лимана нескольких египетских пасторых амулетов: фигурок Озириса, Беса, богини Секет (с кошачьей головой), двух скарабеев, нескольких бус, из которых одна в форме головы животного со вставленным черным глазом. Находка датируется александрийской монетой с изображением одного из римских императоров

Рис. 40. Рельеф с изображением Артемиды-охотницы. II—III вв. н. э. Мрамор. Высота 32 см.

I в. н. э. [343]. О почитании египетских богов свидетельствует также графити с упоминанием Исиды [351, рис. 1, 32]. О проникновении в Тиру фракий-

ских культов можно судить по каменным votивным плиткам с изображениями бога-всадника [рис. 39; 309], широко распространенным по всей северной

части Балканского полуострова; особенно близкие параллели можно указать в Добрудже [522]. В соседней Мезии находят аналогии также рельефы с изображениями Артемиды-охотницы (рис. 40) [460, с. 393—394, рис. 8] и мойр — богинь судьбы [162]. К этому же кругу верований относится культ Ахилла Понтарха, участие в котором граждан Тире удостоверяется находками тирасских монет I—III вв. на посвященных культу Ахилла святилищах на Левке и на Тендровской косе [121, с. 56, прим. 8—9; 294, с. 31—32, 56—57, прим. 5].

Посвящения с изображениями фракийского всадника исходили, вероятно, от воинов римского гарнизона. Их специфические верования также отражают посвящения *Τετρογι Βοπο* — доброму гению-покровителю [23, № 6], — и особенно обетный алтарь из местного известняка, поставленный в честь «непобедимого» Митры римским военным моряком [145, с. 85—88, № 4]. Посвящения иранскому богу Митре от имени воинов многочисленны, в том числе в Придунайских провинциях [378]; встречаются они и в Херсонесе [18, ч. 2, № 195]. В Тире найдена и небольшая мраморная статуэтка Гигиен [рис. 41] — по-видимому, часть группы, изображавшей ее вместе с Асклепием.

Своеобразную черту религиозных верований жителей Тире ярко выражают находки в домашнем святилище описанного выше восточного дома (№ III). В центре помещения (№ 24) находился невысокий глинобитный жертвенник или алтарь, а в засыпи найдены упомянутые выше (§ 16, 1) скульптуры и два красноглиняных одноручных горшочка (высота 0,07, диаметр венчика 0,06 м) с нанесенной белой краской надписью ΠΕΙΝΕ ΕΥΦΡΑΙΝΟΥ («пей, радуйся!»). Такие горшочки употребляли при отправлении заупокойных обрядов, отражавших синкретические представления о загробной жизни [283, с. 69—74]. Подобные представления выражают и изображения на золотой диадеме, про-

Рис. 41. Статуэтка Гигиен из группы богов-целителей. II—III вв. н. э. Мрамор. Высота 11,8 см.

исходящей из тирасского некрополя [498]. Особого внимания заслуживают культовые предметы, связанные с местными жителями и их религиозными верованиями. К их числу принадлежит грубо высеченная известняковая фигура неизвестного женского божества [100, с. 51, рис. 12]; другое подобное божество

изображает терракота стоящей женщины, одетой в овечью шкуру [292, с. 27, табл. 4, 3]. Не исключено также, что обнаруженная в завале домашнего святилища известняковая статуэтка опирающегося на щит варварского воина [304, с. 82, рис. 4—6], найденная вместе со скульптурами божеств (Диониса, мойр), представляет образ неизвестного бога или героя, пользовавшегося почитанием в среде соседей Тире. Впрочем, процесс религиозного синкретизма был, по-видимому, двусторонним — культ Кибелы, столь популярный в Тире, проникает отсюда в среду племен Днестровско-Прутского междуречья [250, с. 251].

Из этих немногочисленных и отрывочных данных видно, что религиозные представления населения римской Тире не отличались особенной яркостью и самобытностью; они вполне соответствовали положению небольшого провинциального города, расположенного у границ империи. Слабые следы культа речного бога Тираса не являются в этом отношении чем-либо оригинальным и находят аналогию в представлениях и обычаях других провинциальных городов, расположенных вблизи устьев или в долинах рек [225]. Не вызывает удивления и появление в Тире фракийских, иранских и египетских культов — религиозный синкретизм является одним из характерных признаков духовной жизни населения Римской империи.

Памятники религиозной скульптуры, находимые в городе, терракоты и фигурные сосуды создают представление об эстетических вкусах верхушки тирасских граждан, но будучи предметами импорта не вполне выражают уровень художественной культуры городского населения. В этом отношении более показательны наблюдения над монетами Тире, которые чеканились на местном монетном дворе. Здесь мы находим существенную разницу между монетами Флавиев и Адриана (рис. 36, 3—4) и монетами Антонина Пия, Коммода и Северов (рис. 36, 5—8; рис. 38, 3—10). Фигура восседающей на троне богини

на тетрассариях Домициана и Адриана (рис. 36, 3; 121, табл. IV, 7) исполнена грубо и схематично, изображения обоих императоров не отличаются портретным сходством, надписи вырезаны небрежно (в особенности на монетах Адриана). В отличие от этого монеты Антонина (рис. 36, 5; 121, табл. V, 1—4) принадлежат к числу лучших образцов провинциального монетного искусства — это относится и к фигурам божеств (сидящая Кибела, стоящие Афина со щитом и копьем, Геракл с палицей), и к императорским портретам. Несколько свободнее работали резчики монетных штемпелей обеих серий Коммода (рис. 36, 7, 8, 10; 121, табл. V, 5—14), изображения которого выдержаны в духе реалистических традиций. Обильные эмиссии северовского времени (рис. 38, 3—10; 121, табл. VI—X) не вполне однородны по своим художественным достоинствам, но императоры и их родственники представлены (за исключением одного из штемпелей с портретом Каракаллы [121, табл. IX, 1]) выразительными, уверенными чертами, а изображения божеств, хотя и выполнены в несколько суховатой манере, не уступают аналогичным изображениям на современных им монетах городов балканских провинций или Малой Азии. Если предположить, что на тирасском монетном дворе могли работать приезжие мастера, все же нумизматические памятники Тире свидетельствуют о прочных художественных традициях города.

Из числа найденных в Тире произведений нерелигиозной скульптуры выделяется колоссальная и сравнительно неплохо сохранившаяся статуя из известняка, изображающая какое-то значительное лицо. Об этом говорят богатые доспехи, осанка, качество исполнения и, наконец, сам размер памятника (рис. 37; 176, с. 55—56, № 12). Он был предназначен для помещения на площади, и притом так, чтобы для обозрения была доступна преимущественно фронтальная сторона. К сожалению, черты изображенного сильно пострадали, но при

всем том его сходство с портретными статуями Адриана не подлежит сомнению. Это сходство ни в чем, впрочем, не переходит в тождество и не означает, что перед нами статуя императора — этому противоречит фракийский шлем у ног изображенного. Но и шлем, и украшенный накладными рельефными изображениями звериных и птичьих голов пояс дают возможность предполагать в изображенном одного из легатов Нижней Мезии. О том, что в провинциальных городах существовали скульптурные изображения наместников, известно из надписей на базах их статуй [23, № 411—422], которых, насколько нам известно, в Мезии и Фракии не обнаружено.

Следует упомянуть и небольшую, грубо исполненную мраморную статуэтку, изображающую охотника в хламиде (Мелеагра?), прислонившегося к стволу дерева, на котором подвешен убитый заяц [109, с. 68—79, рис. 2], вероятно, копию оригинала эллинистического времени.

Заслуживает внимания и найденная в упомянутом домашнем святилище статуэтка (§ 16, 1), изображающая война или, быть может, местное мужское божество [304, с. 82, рис. 4—6]. Несмотря на некоторый примитивизм исполнения, характерный и для упомянутой выше фигуры неизвестного женского божества, она важна как свидетельство о пребывании в городе не только мастеров, работавших в соответствии с античными канонами, но также из числа местного населения, стремившихся сохранить своеобразные приемы изобразительного искусства и особые сюжеты, далекие от официальной монументальности культовых статуй или изображений императоров [306, с. 50].

§ 18. Исторический очерк Тиры (86—214 гг. н. э.)

С момента включения Тиря в число городов Мезии она разделяет судьбы последней, но недостаток источников

не позволяет подробно проследить политическую историю города со времени разделения Мезии на две провинции в 86 г. и до первого крупного столкновения римлян с варварами в 214 г. в непосредственной близости от города. В некоторых фрагментированных надписях содержатся, правда, упоминания о военных кораблях и моряхках, о войсках, о боевом строе или лагере (ΠΑΡΕΜΒΟΛΗ), даже возможно, о нападении врагов (ΕΠΙΒΟΛΗ), но документы [23, № 3; 460, с. 394, № 4; 128, с. 115, № 3; 134, с. 102, № 1] настолько повреждены, что отнести подобные указания к каким-либо историческим событиям нельзя.

Разделение созданной первоначально как единое целое провинции Мезии на Верхнюю и Нижнюю было тесно связано со всей военно-политической обстановкой на Нижнем Дунае в 70-х годах I в. Во время этого мирного десятилетия, как можно полагать, завершается процесс складывания державы даков, богатые земли которых давно привлекали римлян. С начала правления Домициана (сентябрь 81 г.) в Мезии начинают сосредотачиваться римские войска [467, с. 111—112; 470, т. 2, с. 3—4], и даки решились предупредить готовящееся нападение: зимой 85/86 г. они перешли Дунай, разгромили римскую армию и убили легата Мезии Оппия Сабина, бывшего в 84 г. ординарным консулом вместе с императором. Последний прибыл в Мезию и поручил ведение боевых действий префекту преторианцев Корнелию Фуску, который вытеснил даков на левый берег Дуная, но был окружен и уничтожен со своими войсками в Дакии [Suet., Dom. 6, 1; Cass. Dio, LXII, 6, 1—6; 7, 1—4; 10, 1—3; Eutrop., VII, 23; Iord., Get. § 76—78]. Во время этих событий выдвинулся дакийский предводитель Декебал, потерпевший, впрочем, в дальнейшем поражение от римского военачальника Теттия Юлиана [180, с. 61—63; 470, т. 2, с. 4—32, 44—48; 511, с. 34—39; 530, с. 69—72]. В 89 г. был заключен мир, и хотя Доми-

ция торжественно отпраздновал триумф, по свидетельству Кассия Диона римляне согласились выплачивать Декебалу субсидии [470, т. 2, с. 30—32, 44—52; 530, с. 72—74; 533, с. 142—144]. Освобожденная от неприятелей Мезия еще до гибели Фуска была разделена на две самостоятельные провинции [413, с. 2378—2379; 470, т. 2, с. 3—11; 511, с. 34—38; 530, с. 71—72, 122], и Тира оказалась с этого времени в составе Восточной — Нижней по римской терминологии — Мезии [114, с. 71—72; 470, т. 2, с. 131, 153, 190—191; 477, с. 100—103].

Нет необходимости излагать дальнейший ход Дакийских войн при Траяне, завершившихся к 106 г. подчинением страны и организацией на ее территории провинции Дакии [180, с. 63—74; 470, т. 2, с. 52—134; 518; 530, с. 77—97; 533, с. 199—265]. О роли Тире во время этих событий можно судить по тому, что эмиссия монет была прекращена, а в конце правления Траяна в городе стоял римский гарнизон — *вексиллатион* V легиона и присоединенные к нему вспомогательные отряды. Начальник этого отряда воздвиг от имени легата Нижней Мезии Помпея Фалькона, участника Дакийской войны [511, с. 64—65; 530, с. 128], почетную надпись в честь императора (§ 15, 2).

Если упомянутое посвящение является делом римского гарнизона, то это не означает, что верхушка тирасских граждан не разделяла чувств и настроений воинов. Осенью 117 г., когда только что вступивший на престол Адриан поспешил из Малой Азии, где его застало известие о смерти Траяна, в Дакию, откуда поступали тревожные известия о новых волнениях среди дадунайских племен [530, с. 129—133], граждане Тире откликнулись установкой статуи нового императора с верноподданнической надписью [138, с. 152, 154, 157—158]. По расчетам современных исследователей, Адриан прибыл на берега Нижнего Дуная в ноябре 117 г. и оставался здесь до лета 118 г., когда он, узнав о

заговоре в Риме, двинулся через Иллирию в столицу [399; 470, т. 2, с. 162]. Зная любознательность Адриана и его страсть к путешествиям, можно согласиться с предположением, что если не в этом году, то во время пребывания на Дунае в 123/124 гг. император посетил Тире [429, с. 117; 530, с. 136], и вполне вероятно, что во время одного из этих посещений в городе была возобновлена чеканка монеты, приостановленная в годы Дакийских войн [54; 121, табл. IV, 7—9].

Во времена Антонина Пия в положении Тире произошли некоторые изменения — этот император подтвердил право тирасских граждан на льготы при ввозе и вывозе облагаемых пошлинами товаров; поскольку при этом упоминается имя легата Нижней Мезии Антония Гибера, подтверждение должно быть отнесено ко времени его наместничества, то есть к 138—139 гг. [411, с. 46; 511, с. 69; 530, с. 142]. С этим следует связывать и особые почести, декретированные городом в адрес императора [121, с. 15, 37]; при этом впервые в практике тирасского монетного двора на монетах появляется изображение наследника престола Марка Аврелия (рис. 36, 6). В честь обоих носителей верховной власти известны и латинские посвящательные надписи от имени тирасского гарнизона [145, с. 82—85, № 3; 286]. Из этого, разумеется, не приходится заключать [114, с. 44, 59, 122; 250, с. 197, 232; 306, с. 47], будто Тира только при Антонине вошла в состав провинции Мезии.

При преемниках Антонина Римская империя все более и более приближается к кризису, что выразилось, между прочим, и в ухудшении положения на ее северных границах. К сожалению, мы не располагаем данными о том, как отразились на жизни города и окружающих его племен события, связанные с Маркоманнскими войнами (166—180 гг.). Главным театром военных операций в этот период был среднедунайский участок лимеса и основная тяжесть ве-

дения войны легла на плечи легионов Норика, Паннонии и отчасти Дакии [187, с. 216—277; 180, с. 136—138; 530, с. 153—158], но и расположенные в обеих Мезиях войска должны были выделять отряды на помощь действующим армиям, а V легион с конца 60-х годов II в. был, как отмечалось, в полном составе переведен в Потаиссу [490, с. 1578—1579]. Одновременно отряды дунайских легионов принимали активное участие и в войнах Луция Вера на Востоке против парфян [188, с. 186—187; 408, с. 75—76; 490, с. 1298]. Все это значительно облегчало немирным соседям империи их нападения на нижнедунайском участке границы; надписи из Трезмиса и из окрестностей Измаила на Дунае показывают, что наместник обеих Панноний, зять императора Марка Аврелия Клавдий Помпеян контролировал боеготовность нижнедунайского лимеса [427]. Эти мероприятия оказались, впрочем, не особенно эффективными, что проявилось еще при Марке во время войны с костобоками. Это племя, обитавшее в Прикарпатье [Ptol., III, 5, 9; 8, 3] и входившее в большую племенной союз, вступивший в борьбу с Римом [188, с. 13—100; 467, с. 221—223, 240—242; 494], вторглось в 170 г. на римскую территорию (примерно в районе владения Сирета в Дунай). Затем мы находим сведения об их продвижении через Добруджу, где, по-видимому, костобоки не встретили сильного сопротивления, а после этого устремились на юг, перевалили главный Балканский хребет, пересекли Фракию, Македонию и достигли Атики [187, с. 245—271; 418; 487; 530, с. 158—168]. Здесь этот набег завершился, и костобоки вернулись на свою территорию, где вскоре были разгромлены вандалами [Cass. Dio, LXXI, 12, 1].

Сохранение римских позиций на Нижнем Дунае потребовало уже при последних Антонинах значительного напряжения военного потенциала и немалых организационных усилий. О положении Тиры в это время известно, что в годы

правления Марка Аврелия (161—180 гг.) город не выпускал монет, но пошленные привилегии граждан были снова подтверждены [388, с. 209—210; 452, с. 449; 477, с. 101—102], функционировали все органы власти [452, с. 448; 512, с. 172—173, 210]. При первых Северах город переживает временный подъем. Раскопки позволяют судить о продолжающемся строительстве, Септимию Северу (193—211 гг.) и его сыновьям посвящается, — быть может, в связи с пребыванием императора в Нижней Мезии в год его совместного консульства с Каракаллой в 202 г. [450, с. 120—126] — монументальный алтарь с надписью [23, № 6], и тогда же появляются две серии монет, явно носящие парадный характер [121, с. 39—40, табл. VII—VIII]. В дальнейшем объеме монетной чеканки был снова увеличен [121, с. 40—41, табл. VIII]. Это обстоятельство не свидетельствует о расширении рыночных связей и может расцениваться, как и увеличение выпуска монеты Маркианополя, Никополя и греческих городов Добруджи, как мероприятие, связанное со всей финансовой политикой империи: изменение системы анноны и значительное увеличение оплаты воинов, отразившиеся на положении населения провинций [429, с. 136—141], заставляют римскую администрацию расширять чеканку городской меди, необходимой для облегчения расчетов гарнизонных солдат на рынке. Впрочем, рост дороговизны и замена денария антонинианом, а затем катастрофическое обесценение последнего приводят в середине III в. к повсеместному прекращению локальных эмиссий [364, с. 245—256; 429, с. 150—152].

Ухудшение положения провинциальных городов прослеживается и по надписям Тиры. В том же 202 г. ей пришлось испытать ограничение столь существенной функции городских властей как право предоставления гражданских прав. В рескриптах Септимию Севера и его сына на имя Овиния Тертулла, занимавшего пост легата Нижней Мезии

в 198—202 гг. [411, с. 42, 49; 511, с. 84—86; 513, с. 119—121; 530, с. 191—194], подчеркнуто, чтобы впредь «постановления о принятии в число граждан были предоставляемы на благоусмотрение сиятельнейшего правителя провинции» и в соответствии с этим «сиятельнейшему легату и другому» императоров надлежит подтверждать соответствующие постановления городских властей «особым декретом» [23, № 4]. Хотя такое вмешательство во внутренние дела города мотивируется чисто фискальными соображениями, оно тем не менее становится нормой, ущемляющей правовую активность городских органов власти. Свобода от пошлин, ранее установленная для граждан Тира, также ставится при первых Северах под строгий контроль администрации: беспошлинность формально признается, но граждане, пользующиеся этим правом, должны помнить о необходимости предъявлять товары надлежащим властям, «по прежнему обычаю, для различения подлежащих оплате пошлиной товаров» [114, с. 108—111; 306, с. 47].

Являясь одним из дальних городов Нижней Мезии, Тира поддерживала с другими провинциальными центрами тесные отношения; отсюда поступали произведения скульптуры, керамика, металлические изделия. Известны и случаи обнаружения в Тире псевдоавтомной томитанской монеты I—II вв. [121, с. 57, прим. 16], монеты Никополя-на-Истре времени Септимия Севера [144, с. 97, № 115] и плохо сохранившейся монеты одного из городов Нижней Мезии [144, с. 97, № 116]. Связи Тира с провинцией прослеживаются и в неэкономической области — во времена Северов заслуженный ветеран Аврелий Флавин, уроженец Эска, был членом тирасского совета, а его коллега по должности воздвиг в его честь алтарь (§ 17, 1). Тирасский гражданин Аврелий Гераклид в эти же годы хоронит в Одессе своего скончавшегося сына [24, № 229], другой гражданин Ти-

ры Аврелий Фордигал устанавливает в том же Одессе надгробный памятник своей дочери, вышедшей замуж за одессита [24, № 228-а]. Нелишне отметить, что вместе с большой группой балканских, малоазийских и северопонтийских городов Тира принимает участие в чествовании ольвиополита Теокла [23, № 40]; с другой стороны, два неизвестных по именам тирасских граждан были в разное время удостоены почетных декретов в Херсонесе, причем уцелевшие обломки обеих надписей [23, № 371; 18, ч. I, № 76] указывают, что они оказывали услуги приезжавшим в Тир херсонеситам. О взаимных посещениях граждан Тира, Ольвии и Херсонеса позволяют догадываться также находки тирасских монет в Ольвии [121, с. 56, прим. 4—5] и в Херсонесе [79, с. 41, № 3—5], а ольвийских [303, с. 177, прим. 24—25; 305, с. 127, 130, 135; 307, с. 186, № 181] и херсонесской — в Тире [31, с. 53].

Слабее прослеживаются в рассматриваемый период более поздние связи Тира. Кроме отмеченных выше италийских бронзовых сосудов, южнопонтийских амфор и краснолаковой столовой посуды следует назвать находки фессалоникской монеты II в. [144, с. 97, № 114] и милетской монеты с портретом Юлии Домны (не опубликована). О том, что традиционные взаимоотношения с Милетом не прерывались в римское время, позволяет догадываться участие милетян наряду с гражданами Тира в чествовании ольвиополита Теокла; об этом же свидетельствует тот факт, что мужем тирасской гражданки Лафаети, скончавшейся в Афинах, был милетянин Гермей [16, с. 312, № 6]. Сохранение за гражданами Милета права на вступление в брак в среде граждан Тира не предполагает, как в случае с Одессом, обязательного заключения особого соглашения, но может рассматриваться как последнее указание на прочную связь Тира с ее древней метрополией.

ТИРА В ЭПОХУ ГИБЕЛИ АНТИЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

§ 19. Кризис Римской империи и начало великого переселения народов

Экономический и политический кризис, охвативший в III в. Римскую империю, был крупнейшим явлением в истории народов Европы и Ближнего Востока конца античной эпохи. Разложение рабовладельческого хозяйства, распад торговых связей, невиданное обесценение денег, растущий налоговый гнет вызвали резкое падение материального благосостояния населения, обострение социальных контрастов и усиление классовой борьбы [6, с. 310—311; 9, с. 146—150; 11, с. 482—483]. Кризис осложнялся противоречиями между слабеющим центром и сепаратистскими тенденциями провинций, борьбой за власть внутри господствующих верхов и возрастающей опасностью со стороны народов, живших за чертой римского лимеса.

В то время как античная рабовладельческая система расшатывалась, а раздираемая непримиримыми внутренними противоречиями Римская империя слабела и разваливалась, развитие варварских племен Европы неуклонно продвигалось вперед. В первые века новой эры было выкорчевано немало участков первобытного леса, возникло много новых поселений, в которых сосредоточивались земледельцы. Значительный шаг вперед делают добыча и обработка металлов, гончарство, ткачество, строительное дело. В

среде варваров идет рост имущественного неравенства и формируются предпосылки социального расслоения. Разложение родового строя выражается в усилении окруженных дружиной племенных вождей. В варварской среде складываются племенные союзы, все чаще выступающие против римлян [7, с. 469—481; 9, с. 141—144, 150—155].

Одним из наиболее угрожаемых участков римской границы к концу II в. становится среднедунайский и нижнедунайский лимес. После завоевания Дакии положение на этом участке границы долго оставалось более или менее мирным — часть племен заключала с Римом союзы; отдельные выходцы из варварского мира и целые дружины поступали на римскую службу; римские купцы вели торговлю, проникая далеко в глубь страны; повсеместно распространялись римские изделия и серебряные монеты.

Предвестником приближающихся изменений явились Маркоманянские войны (166—180 гг.), всколыхнувшие варварский мир до дальних его пределов. Впервые за много столетий варвары достигли Италии. С немалым напряжением римские легионы вытеснили их за границы империи, но считавшееся вечным здание «римского мира» (pax Romana) было поколеблено в своей основе (§ 18).

К концу II в. отчетливо обозначились не только изменения в социально-экономическом развитии племен Европейской Сарматии, но и стала ме-

няться ее этническая карта*. В последней четверти II в. в венгерской низменности появляется новая волна сарматов, двигавшихся, подобно своим предшественникам, через карпатские перевалы и Верхнее Поднестровье. Во II—III вв. в Нижнем Поднестровье и в степной части Дунайско-Днестровского междуречья также находились сарматы (роксоланы?). Сарматские могильники известны во II—III вв. и к западу от Прута и на левом берегу Дуная вплоть до Олта [361; 392]. В бассейне Сирета и предгорьях Карпат их соседями были карпы, близкое к дакам племенное объединение [360] (рис. 42). В Подунавье и Поднестровье сарматы жили среди гетских и позднескифских племен, которые наряду с карпами и самими сарматами стали компонентами формировавшейся во II—первой половине III в. черняховской культуры (Сынтана де Муреш в археологии СРР). Не касаясь всех проблем этой культуры**, следует отметить, что в пределах рассматриваемой территории ее памятники — поселения и могильники — существовали до конца IV в. и, обнаруживая существенное сходство с другими областями общечерняховского ареала, имеют ряд особенностей — каменное домостроительство, господство трупоположения в погребальном обряде, местные формы

лепной керамики. Наряду с этим в пределах региона зарегистрированы памятники так называемого северочерняховского типа с глинобитными и углубленными жилищами, с чертами биритуализма в погребальном обряде и своеобразными вещевыми комплексами. Это интерпретируется как результат складывания главной части черняховского населения региона на основе эллинизированных позднескифских и, возможно, также гето-фракийских этнических элементов с участием переходивших к оседлости сарматов, тогда как немногочисленное «северочерняховское» население с традициями пшеворского и вельбарского наследия принадлежало, скорее всего, к германцам (готам, гепидам, тайфалам), продвинувшимся сюда в первой трети III в. [89; 195; 293; 332—334; 390; 391].

С этого времени напор варваров на римские рубежи особенно усиливается. Это объясняется и прогрессирующим распадом родоплеменного уклада в их среде, и нарастающим ослаблением империи. Варварская волна, сдерживаемая римским сопротивлением в течение трех столетий, с огромной силой прорывается через Рейн и Дунай [188, с. 309—313, 327—360; 324, с. 227—257]. В наступлении против Рима самое активное участие принимало многочисленное и разнообразное население Причерноморья и Прикарпатья. Именно отсюда варвары не только неоднократно вторгаются на территорию придунайских и балканских провинций и наносят ряд тяжелых ударов городам Северного и Западного Причерноморья, но и предпринимают успешные морские набеги на побережья Малой Азии [245—247; 489]. Наиболее крупные походы причерноморских племен, которые именуются в источниках скифами и готами, происходят на 40-е — 60-е годы III в. в их ходе в бассейнах Прута и Днестра складывается племенной союз визиготов (тервингов), а к востоку от

* Устанавливаемые по письменным и археологическим источникам перемещения племен на территории Сарматии в конце II и III вв. вызывают порой острые дискуссии. О сарматах Северо-Западного Причерноморья имеются сведения публикации памятников Прутско-Днестровского междуречья [249, с. 13—31; 84; 94]; история сарматов и их взаимоотношений с соседями разработана в работах Э. А. Рикмана [250] и зарубежных исследователей [361; 392; 432].

** Назовем специально по региону уже указанные труды Э. А. Рикмана [249, с. 32—148; 250] и Г. Б. Федорова [296, с. 57—172], работы А. В. Гудковой [85, 89], диссертации и публикации Э. А. Симоновича [290] и Б. В. Магомедова [195]. Существенное значение имеют также исследования М. Б. Шукина [331—334], а из трудов зарубежных ученых — статьи Г. Диакону [390, 391].

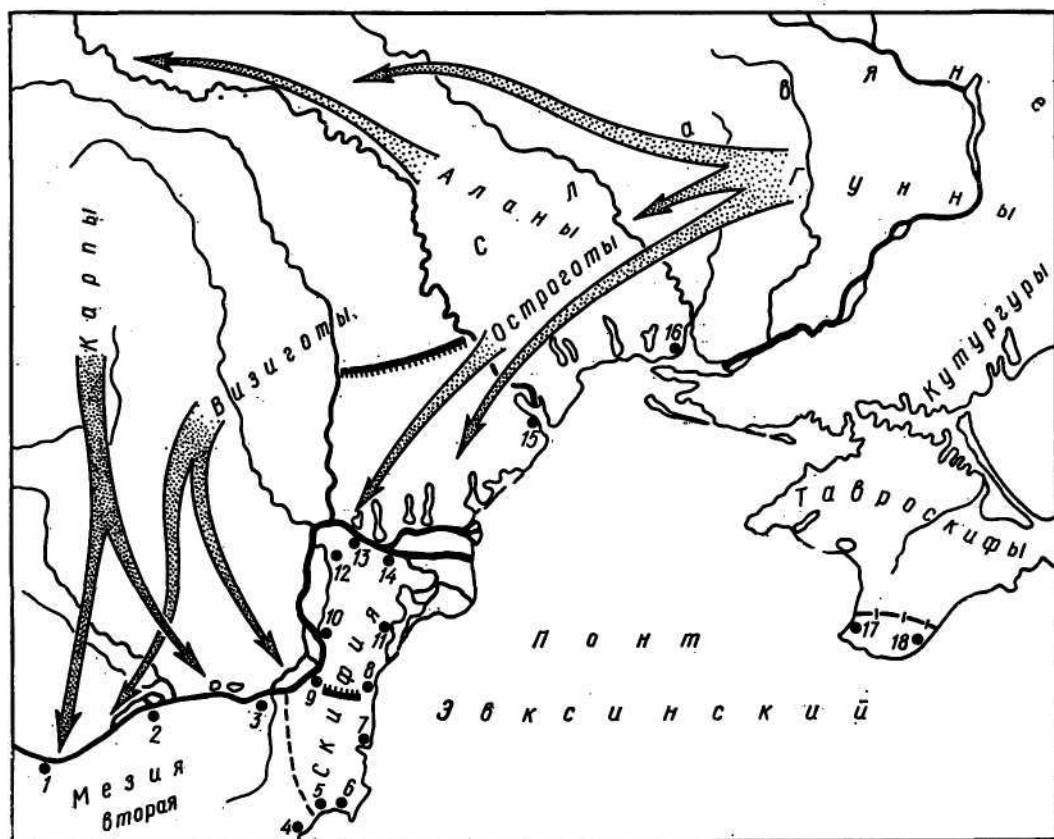

Рис. 42. Северо-Западное Причерноморье в III—IV вв. н. э.:

1 — Новы; 2 — Трансмари́ска; 3 — Ду́ростор; 4 — О́десс; 5 — Дионисопо́ль; 6 — Бизона; 7 — Калла́тия; 8 — То́мы; 9 — Аксипо́ль; 10 — Карси́ум; 11 — Истри́я; 12 — Трезми́с; 13 — Нови́одун; 14 — Эгисс; 15 — Ти́ра; 16 — О́львия; 17 — Херсо́нес; 18 — Ха́ракс.

него — такой же союз остроготов (грей-тунгов). Оба союза были полиэтническими, непрочными образованиями, но в их рамках разложение первобытно-общинного уклада интенсифицируется: «Грабительские войны, — писал Ф. Энгельс, — усиливают власть верховного военачальника, равно как и подчиненных ему военачальников» и таким образом «закладываются основы наследственной королевской власти и наследственной знати», а родовой строй «превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей» [9, с. 164—165].

Процесс формирования классового общества и государства у причерномор-

ских варваров был не менее сложным и противоречивым, чем процесс разложения рабовладельческого строя и зарождения феодальных отношений в Римской империи. Кризис последней, достигший своего апогея в 50-х — 60-х годах III в., постепенно идет на убыль — напуганные экономической разрухой, народными движениями и нашествиями варваров различные слои господствующего класса империи сплачиваются вокруг императорской власти. В конце III — первой трети IV в. реорганизованная империя мобилизует последние ресурсы и хотя ни рейнская, ни дунайская граница не знают прочного мира, крупные вторжения вар-

варов временно прекращаются [123, с. 164—170]. Готские вожди направляют теперь свои походы против вчерашних союзников и соседей, но непрочность их эфемерной державы обнаруживается уже при первом столкновении со вторгшимися в Восточную Европу азиатскими кочевниками, известными под общим названием гуннов: перейдя в 70-х годах IV в. Волгу, гунны сначала напали на аланов, живших в Подонье и Приазовье, а в 375 г. разгромили готов, уцелевшие остатки которых либо подчинились завоевателям, либо отступили за Дунай в пределы Римской империи [123, с. 72—73, 172, 176—178].

§ 20. Тира и нападение карпов на нижнедунайскую границу (214 г. н. э.)

В начале III в. ничто, казалось, не предвещало бурных событий наступающего столетия. Захвативший трон при поддержке дунайских легионов [188, с. 194—201; 450, с. 113—117], и тесно связанный с придунайскими провинциями Септимий Север подтвердил, хотя и с некоторыми ограничениями, дарованные его предшественниками привилегии Тиры (§ 17,2; § 18). Однако вскоре в ее окрестностях разыгрались события, оказавшиеся предвестием и началом грозного потока, который обрушился на нижнедунайский участок границы несколькими десятилетиями позже.

В начале 211 г. Септимий Север умер. Между его сыновьями, приобретенными к власти еще при жизни отца, существовала открытая вражда, и годом позже Каракалла приказал умертвить своего брата Гету, причем даже память об убитом подлежала истреблению. Это распоряжение выполнялось и в Тире: в латинском посвящении алтаря [23, № 6] «за здравие господ наших императоров августов Л. Септимия Севера Пертинакса и М. Аврелия Антонина» слова «и Геты цезаря» бы-

ли нарочно выскоблены. Вслед за этим Каракалла стал готовиться к походу против парфян, но обнаружившееся обострение обстановки на рейнско-дунайской границе заставило его сначала обратиться на Запад. В 213 г. император добился стабилизации положения на Рейне и Верхнем Дунае, а весной следующего года выступил, наконец, в восточный поход. Молодой император направился прежде всего в Паннонию [Herod., IV, 7, 2], угроза которой наметилась еще в предшествующие годы. Здесь была осуществлена реорганизация среднедунайского лимеса: часть Верхней Паннонии с городом Бригационом была передана Нижней Паннонии, которую с этих пор возглавляли легаты консульского ранга [167, с. 232—233; 410, с. 56, 73, 99—104]. В это время, по-видимому, Каракалла вмешался в конфликт между маркоманнами и вандалами и приказал убить вождя квадов [Cass. Dio, LXXVIII, 20, 3—4]. После этого император вступил в Дакию, где занимался устройством военных лагерей вдоль Дуная [Herod., IV, 8, 1]; тогда же, как указывает Кассий Дион [LXXIX, 27, 5], были взяты заложники у пограничных даков [180, с. 138; 444, с. 222—224]. Неоднократно вызывавшие споры среди новейших историков анекдотические сообщения составителей императорских биографий [SHA, Carac. 10,6; Geta, 6,6] позволяют предполагать, что при этом произошло столкновение римлян с готами [347]. Затем император вместе с войском, предназначенным для участия в парфянском походе, перешел во Фракию [Cass. Dio, LXXVII, 16,7; Herod., IV, 8,1; SHA, Carac., 5,8].

Уцелевшие известия древних историков не называют в связи с пребыванием Каракаллы на Нижнем Дунае ни Тиры, ни других городов Нижней Мезии, но, обращаясь к эпиграфическим документам, можно указать группу надписей, содержащих сведения о событиях на Нижнем Дунае. Во главе

этих документов стоит упомянуть выше (§ 17, 1) надпись на мраморном алтаре из Эска, поставленном в честь заслуженного ветерана Аврелия Флавина [19, № 14416; 25, № 7178]. Выйдя в отставку, Флавин добился видного места в среде муниципальной знати: он стал членом городских советов в таких городах Нижней Мезии, как Тира, Дионисополь и Маркианополь, а в Эске возглавил совет колонии римских граждан и стал патроном ремесленной коллегии.

Уже сам по себе факт постановки в Эске, единственном городе Нижней Мезии, имевшем статус римской колонии, монументального памятника от имени члена тирасского совета другому члену того же совета, свидетельствует о месте Тиры в ряду городов Нижней Мезии и об активном участии высшего слоя ее граждан в жизни провинции. Вместе с тем надпись в честь Флавина делает возможными более конкретные наблюдения. Так, за «ревностную доблесть» (*alacritas virtus*), проявленную Флавином в сражениях «против врагов», он получил от «великого Антонина Августа» (то есть от Каракаллы) [25, № 1168, 7178, 8921, 9194] не только внеочередное повышение по службе, но и немалую денежную награду. От названия «врагов» сохранилась, к сожалению, лишь начальная буква *C*. Исследователи читали это место [*adv]ersus hostes C[arpos]*, даже *Ca[rpos]*, и предполагали, что Флавин отличился во время пребывания Каракаллы в Дакии и что карпы совершили в 214 г. набег на римскую территорию и были разбиты либо в районе Тиры, либо между Дионисополем и Маркианополем, также почтившими заслуженного воина избранием в свои советы [146, с. 75, 82, прим. 32—36]. Повторное визуальное изучение памятника, вызванное попыткой дополнить поврежденное место *hostes C[ennos]* и соответственно перенести воинские подвиги Флавина на Нижний Рейн, где римляне столкну-

лись в 213 г. с кельтским племенем кеннов [524], привело к существенному уточнению текста. Не только подтвердилось чтение *Ca[rpos]* в 12 строке, но оказалось, что в 14 строке читается не *et res prospere et valide gestas* (то есть «и весьма счастливо совершенные деяния»), а *et res prospere Tug[as gest]as*. Флавин был, таким образом, действительно награжден за доблесть, проявленную в сражении с карпами, и притом «за деяния, счастливо совершенные у Тиры» [419, с. 431, 433—434]. Тройное упоминание о Тире в надписи из Эска окончательно утверждает документ в правах важного источника по истории Днестро-Прутского междуречья в первой четверти III в. (146; 360, с. 167—168; 402).

Правильность высокой оценки рассматриваемого памятника подтверждается надписью на другом алтаре, также происходящем из Эска. Начало текста утрачено, а сохранившиеся строки содержат слова [*ob alacritat]em virtutis in hostes et res[e. g. felicit]e[r] Tugae gestas*] («за ревностную доблесть против врагов и деяния, счастливо совершенные у Тиры»). Сходство формулировок в обеих надписях и то, что второй алтарь был воздвигнут августалом Титом Аврелием Артемидором, граепомеи и помен которого совпадают с именем Тита Аврелия Флавина, делают вероятным предположение, что документы относятся к одному событию; вполне вероятно, что именно Флавин был патроном Артемидора [419, с. 432—433, табл. 46].

Столкновение с карпами в 214 г. нашло, быть может, отражение и в некоторых других эпиграфических документах. Если согласиться, что оно подразумевается под «германской победой» императора Каракаллы, упоминаемой в посвящении «отеческому богу солнца Элагабалу», поставленном войнам Эмесской когорты в Интерциссе в августе 214 г., то для отражения врага были использованы вооруженные силы Нижней Паннии [410,

с. 1011. Кроме того, греческая надпись из Дионисополя, начертанная характерным угловатым шрифтом времени последних Северов, также связана с нападением карпов при Каракалле. Речь идет о посвящении Юпитеру Долихенскому «за спасение» не названного по имени императора, поставленном Марком Помпеем Лукием, консульским бенефициарием I Италийского Антонинова легиона и членом советов Каллатии, Дионисополя и Маркианополя [24, № 24-а]. Поскольку известно, что почетное прибавление имени императора Антонина к названиям воинских частей, расположенных вдоль дунайской границы, имело место в первые годы правления Каракаллы, когда его были удостоены все легионы Паннонских провинций, дислоцированный в Нижней Мезии XI Клавдиев легион и ряд вспомогательных воинских подразделений [412], более чем вероятно, что и второй из легионов Нижней Мезии (то есть упоминаемый в посвящении I Италийский), заслужил это отличие за кампанию 214 г., а Лукий, являвшийся, вероятно, одним из участников сражения с карпами, был избран за свои заслуги, подобно Флавию, в состав советов близких к театру военных действий городов [419, с. 434—435; 402, с. 437; 360, с. 167—168].

Устанавливаемое надписью из Дионисополя участие I Италийского легиона в отражении карпов дает основание предполагать, что Флавин служил именно в этом легионе. Гораздо более шаткой представляется догадка, будто Флавин был начальником расположенного в Тире римского гарнизона [419, с. 434, 435; 402, с. 437, прим. 8; 360, с. 168], во всяком случае, в надписи речь идет лишь о его личной доблести и никак не отмечена его роль военачальника.

Посвящение Лукия важно и тем, что оно расширяет сведения о городах Мезии, затронутых нашествием карпов в 214 г. Кроме Маркианополя

и Дионисополя, названных как здесь, так и в надписи Флавина, в события была вовлечена Каллатия. Если принять во внимание, что в документах из Эска речь идет об операциях, «счастливи завершившихся» неподалеку от Тиры, не лежащей на прямом пути от местожительства карпов к городам Южной Добруджи, то можно предположить наметить ход событий. Тот факт, что в связи с нашествием карпов упоминается I легион (главный лагерь в Новах) и в то же время отсутствуют данные об участии в борьбе с ними подразделений XI легиона (главный лагерь в Дуросторе), позволяет допускать, что варвары переправились через Дунай вблизи от впадения в него Арджеша и устремились к побережью Черного моря, а возвращались на родину окружным путем и потерпели поражение на подступах к Тире. Нельзя отказаться и от предположения, что список упоминаемых в рассмотренных надписях центров — Маркианополь, Дионисополь, Каллатия, Тира — не только включает данные для определения примерного пути следования карпов, но и содержит перечисление городов, участвовавших со своими ополчениями в устранении возникшей угрозы.

Следует добавить, что некоторые из эпиграфических находок в Тире и ее окрестностях можно со значительной вероятностью связывать с тем же нападением карпов. К их числу относится прежде всего посвятельная надпись Митре на алтаре, грубо изготовленном из местного известняка. Памятник был поставлен по обету за посвятителя и его близких «при консулах Мессале и Сабине», соорудил его некий Ульций Валент, *miles classarius*, — воин, служивший на военном корабле [145, с. 85—86, № 4]. Учитывая время постановки алтаря (консульство Валерия Мессалы и Октавия Аппия Светрия Сабина приходится именно на 214 г. н. э.), естественно видеть в этом Валенте одного из

рядовых участников операций, происходивших у Тире, и это дает основание предполагать, что часть служивших на кораблях воинов была использована в ходе боевых действий против карпов [146, с. 79].

Не менее интересны две другие надписи, обнаруженные у с. Беленькое [291]. Первая представляет собою латинское посвящение некоего Гая Сервилия Понтика «за здравие непобедимого императора», имя которого не названо*. Титул *Invictus*, эпизодически появляющийся в документах времени Септимия Севера, стал систематически применяться при Каракалле [25, № 452, 586-а], в том числе и в нижнедунайских провинциях [19, № 3472, 5997, 7597], причем в некоторых случаях без собственного имени императора [19, № 7531; 24, № 24-в]. Это позволяет датировать посвящение Понтика временем единоличного правления Каракаллы и видеть в нем еще одного участника войны с карпами в 214 г. Но тогда в Лаисфене, сыне Мокки, названном во второй надписи из Беленького, — греческом надгробии, исполненном тем же своеобразным угловым шрифтом эпохи последних Северов, что и рассмотренная выше надпись Лукия из Дионисополя, — можно видеть внука одноименного архонта Тире, упоминаемого в 181 г.** Так как обе надписи обнаружены *in situ* [291, с. 50], ничто не мешает предположению, что посвящение воздвиг-

нуто на месте сражения с карпами, в котором погиб Лаисфен, похороненный на поле битвы. В этом случае находка надписей у с. Беленькое могла бы рассматриваться как указание на то, что боевые действия велись у берегов Будаковского лимана, в двух десятках километров к юго-западу от Тире. С другой стороны, в Понтике, не указывающем ни своего военного ранга, ни названия воинской части, в рядах которой он сражался за «непобедимого императора», естественней всего видеть демобилизованного ветерана, поселившегося в городе, на защиту которого он выступил в опасный момент вместе со своими сыновьями в рядах городского ополчения, в котором служил и Лаисфен. При такой интерпретации надписи из с. Беленькое указывают на то, что в Тире, как и во многих других провинциальных городах [420], было создано и функционировало гражданское ополчение, привлекавшееся к оборонительным операциям при особо ответственных и угрожающих обстоятельствах.

§ 21. Тира в середине III в. н. э. Разгром города готами и их союзниками

Таким образом Тира, являвшаяся далеко вынесенным на северо-восток форпостом лимеса Нижней Мезии и имевшая гарнизон, помешавшийся внутри цитадели (§ 15, 2), сыграла во втором десятилетии III в. роль утеса, о который разбилась первая, еще слабая волна движения варваров против Римской империи. К сожалению, имеющиеся источники не позволяют проследить за дальнейшими судьбами города во время новых варварских нашествий.

Здесь уместно напомнить, что с легкой руки Т. Моммзена [212, с. 206—207] в научной литературе неоднократно повторялось утверждение, будто прекращение выпуска тирасских монет пос-

* Надпись опубликована с фантастическими дополнениями [44, с. 53—54]. На камне [291, с. 49, рис. 2] читается: *pro sal(ute) imperatoris invicto C(aius) Servil(ius) (Caii filius) Ponticus et liberi eius Temp(ori) B(ono) f(aciendum) c(uraverunt)*, то есть «за здравие непобедимого императора Гай Сервилий, сын Гая, Понтик и его дети Благому времени позаботились сделать»; ни о небесах, ни о храме, ни о рабе-владельце Валерии в документе нет ни слова.

** Издатель надписи читает ее верно [44, с. 50—53, рис. 3], но вопреки палеографическим данным видит в погребенном одном из архонтов, названных в 181 г. в декрете в честь Коккея [23, № 2].

ле Севера Александра (222—235 гг.) прямо указывает на то, что этот город был разгромлен готами в первой половине 30-х годов III в. [191, с. 209, 211; 489, с. 27]. А. Н. Зограф [121, с. 17—18], Э. Диль [393, с. 1862] и П. Никореску (460, с. 379) относили разрушение Тира ко времени Максимиана [235—238 гг.], А. И. Фурманская отодвигала его к 40-м годам III в. [306, с. 50], Р. Вулпе — к середине столетия [533, с. 171—172, прим. 100]. Высказывалось, впрочем, и мнение, что Тира была «беспрерывно заселенным местом со времени милетян до наших дней» [327, с. 61; 330, с. 92] и, в частности, «не прекратила своего существования в позднеантичное время» [45, с. 183], а постепенно «превратилась в славянский город Белгород» [101, с. 59; 217, с. 276]. Такая концепция вела к предположению, что античная Тира не была разрушена с выводом римских гарнизонов из Дакии (271 г.), так как ее жители «предпочли не доводить дело до крайности и, видя безвыходность положения, добровольно перешли на сторону противника» [245, с. 84].

При оценке этих предположений необходимо иметь в виду, что тираские монеты последнего Севера часто имеют ромбовидные надчеканки. Это дает основание допускать, что Тира, как и большая часть городов Нижней Мезии, приостановила при Максимиане свою чеканку и здесь обращались монеты предшествующего царствования, денежные функции которых были подтверждены специальным клеймом [121, с. 17, 43]. Исходя из этого А. Н. Зограф предполагал, что город был разрушен готами в 238 г. [121, с. 18, 43]. К тому же году — точнее, к промежутку между провозглашением императорами Пупиена и Бальбины (16 апреля) и их гибелью (22 или 23 июля) — биограф этих императоров [SHA, Maxim. et Balb., 16, 31] относит сражение карпов с жителями Нижней Мезии, добавляя в следующем предложении со ссыл-

кой на Дексиппа, афинского историка середины III в., что тогда же (eo tempore) началась скифская война (fuit et Scythici belli principium) и был разрушен город Истрия (fuit et Istriae excidium). Буквальное понимание этого известия приводило к заключению об опустошительном готском набеге 238 г. и гибели Истрии [212, с. 207; 245, с. 28]. Действительно, раскопки открыли яркую картину разгрома и последующего восстановления города около середины III в. [476, с. 464—465; 527, с. 264—265], но эпиграфические документы доказывают, что жизнь Истрии не была нарушена по крайней мере до 240 г. [22, № 168, 347, 348; 476, с. 473—480; 530, с. 232—234], а при Гордиане (238—244 гг.) здесь продолжался выпуск монет [472, № 521—530, табл. III, 10]. Поэтому приведенное выше свидетельство позднего и далеко не всегда достоверного составителя императорских жизнеописаний не должно оцениваться как точное указание на дату разрушения Истрии — в нем констатируется лишь начальный пункт многолетней борьбы Рима с нижнедунайскими племенами, в ходе которой этот город был разгромлен (как полагают, в 267 г. — 400; 532 — или, во всяком случае, во второй половине 60-х годов III в. н. э. — 481).

Отодвигая дату разрушения Истрии к концу 60-х годов III в., мы не можем утверждать, что и Тира была также разгромлена только в это время. Однако такое предположение нельзя считать невозможным; во всяком случае, нет доказательств гибели Тира в 238 г. Более того, имеются некоторые косвенные указания источников, позволяющие предполагать, что город существовал по крайней мере до середины III в. В самом деле, относящийся к 230—250 гг. итинерарий римского воина, служившего в рядах XX Пальмирской когорты лучников, называет Тиру на пути каботажного плаванья от устьев Дуная к Ольвии [382,

Рис. 43. Римские монеты III в. н. э. из Тира.

с. 8—11], где присутствие римского гарнизона засвидетельствовано посвящением воинов, датированным 248 г. [23, № 167]. Показательны и монетные находки: и в Тире, и в Ольвии представлены монеты едва ли не всех императоров, сменявших друг друга в годы кризиса [137, с. 177—179; 144, с. 90, 96—97]. В Тире это монеты Гордиана III, Филиппа Араба, Траяна Деция, Требоннана Галла (?), Валериана и Галлиена, Клавдия II (рис. 43; табл. 2), то есть всех правителей 238—270 гг., после чего появляются только монеты Диоклетиана, выпущенные в первое десятилетие его правления. Этого, разумеется, недостаточно для окончательных выводов, но ничто не препятствует предположению о том, что Тира и Ольвия были разрушены только во время массового похода причерноморских племен против балканских провинций Римской империи в конце 60-х годов III в. [137, с. 178—179; 405, с. 221, 228].

Впрочем, военные действия на Нижнем Дунае с конца 30-х годов III в. прерывались лишь на краткие периоды. Пограничные племена возобновляли нападения всякий раз, когда война с персами или борьба между претендентами на императорский престол сулили надежду на успех. В 242 г. римская граница была прорвана и варвары дошли до Филиппо-

поля; с 245 г. военные действия возобновились, и мир, заключенный в 247 г., был нарушен уже в следующем году, когда «скифы» осаждали Маркианополь [245, с. 32—49; 489, с. 31—38; 523; 530, с. 234—244]. В 250—251 гг. война разгорается с новой силой, Филиппополь не устоял перед врагами, а некоторый успех римских войск под Никополею был сведен на нет поражениями при Берое и Абрите [245, с. 49—72; 417; 489, с. 37—43; 530, с. 244—250]. Вторжения «скифов» продолжались и в следующие годы: в 253 г. придунайские и задунайские варвары осадили Фессалонику и, уже в ближайшие годы подорвав римское владычество в Дакии [99; 165; 180, с. 139—142; 245, с. 73—83; 489, с. 43—53; 530, с. 250—253], начали борьбу за утверждение на черноморском побережье. С середины 50-х годов бораны, герулы и другие «скифские» племена организуют морские походы — сначала из боспорских гаваней вдоль восточного побережья Черного моря к Питиунту, Фасису и Трапезунду [245, с. 84—97; 416, с. 464—466; 489, с. 47—57; 530, с. 252—254], а затем и вдоль западного побережья.

Если считать, что Тира, лежавшая в стороне от основных маршрутов сухопутных варварских нашествий предшествующего десятилетия, уцелела до 50-х годов III в., то трудно предста-

Таблица 2. *Находки римских монет середины и второй половины III в. в Тире*

Правитель, дата	Количество найденных монет		Всего
	ауреусы	антонинианы	
Гордиан III (238—244 гг.)		6	6
Филипп Старший и Филипп Младший (244—249 гг.)		3	3
Траян Деций и Гостилиан (248—251 гг.)	1	2	3
Требониан Галл (?) (251—253 гг.)		1	1
Валериан и Галлиен (213—268 гг.)		5	5
Клавдий Готский (268—270 гг.)		1	1
Диоклетиан (284—294 гг.)		4	4
Всего	1	22	23

вить, что она не была разрушена в это время. В 258 г. «скифы» двинулись на юг одновременно по суше и морем, сосредоточили свои силы недалеко от Босфора и обрушились на незащищенные города Вифинии [245, с. 97—100; 416, с. 466; 489, с. 57—61; 530, с. 257—258]. Обострение кризиса империи на рубеже 50-х — 60-х годов повлекло за собой новые морские набеги варваров, беспрепятственно разорявших берега Черного, Мраморного и даже Эгейского морей [245, с. 100—113; 416, с. 266—267; 489, с. 61—66; 530, с. 257—258]. Особенно губительным был поход 267 г., когда «скифы», проплыв вдоль северо-западных берегов Черного моря, «вступили в Истрию и произвели много бедствий на римской земле» [SHA, Gall., 13, 6]. Отсюда варварский флот двинулся к Босфору, прорвался в Эгейское море и стал опустошать берега Малой Азии и Греции. Потерпев поражение на море, варвары стали отступать, двигаясь через Беотию, Македонию и Эпир [245, с. 114—121; 400; 416, с. 267; 489, с. 67—73; 530, с. 258—260]. В 269 г. новая коалиция — Зосим называет кроме «скифов» также готов, герулов и «шевнов» (бастарнов), — собравшись у реки Тираса, построила шесть тысяч кораблей и двинулась в поход. Провинциальные города оказали на этот раз серьезное сопротивление — Томы, Маркианополь, Византий, По-

тидея, Фессалоника успешно отразили врага [Zos., I, 42, 1—43, 1; SHA, Claud. 9,3; 7—8], а сражение при Наиссе [Zos., I, 43, 2] завершило победу римлян [245, с. 125—143; 489, с. 79—93; 530, с. 262—268].

В сохранившихся известиях о событиях 269—270 гг. не может не привлечь внимания прямое указание Зосима на строительство варварского флота «у реки Тираса, впадающей в Понт» [Zos., I, 42, 1]. Не исключено, что когда тот же историк сообщает, что в 258 г. «скифы», готовясь к походу вдоль фракийского побережья, «стали заготавливать суда, воспользовавшись при их постройке помощью бывших у них пленников или тех, кто прибыл с целью торговли» [Zos., I, 34, 1], речь идет о том же географическом районе [530, с. 254, 257]. Заключать на этом основании, будто варвары «могли использовать для построения флота материальные средства и знания граждан Тире» [245, с. 97; 250, с. 203], не представляется, однако, возможным; более вероятно, что упоминание в первом случае о реке Тирасе, а не об одноименном городе, указывает на то, что к этому времени — то есть к 269—270 гг. — город был разрушен.

В самом деле, в середине III в. существование Тире завершилось катастрофой, ясные следы которой сохранились в открытых раскопках жилищно-хозяйственных сооружений II—III вв.

погибли при пожаре — об этом свидетельствуют золистые прослойки, остатки обгорелого дерева, следы огня на камнях и керамике. Картина сильного одновременного разрушения дополняется завалами кровельных черепиц (§ 15, 2; § 16, 1). Дата этих разрушений может быть уточнена: в подвале, перекрывающем угол здания римского гарнизона, обнаружены соединенные окисью в один комок монеты Юлии Мамеи, Валериана и Галлиена (рис. 38, 2; рис. 43, 2—3; 184, с. 50). Эти находки позволяют установить, что подвал на развалинах здания предшествующего периода был построен не ранее 253 г., а здание подверглось разрушению во время одного из перечисленных нападений «скифов» в 50-х — 60-х годах III в., тогда же, по-видимому, попала в Тире боспорская монета 251 г. [32, с. 195, № 7].

§ 22. Тира в конце III—IV в. н. э. Конец античного города

1. Археологические памятники поздней Тире. До сравнительно недавнего времени судьба Тире после варварских нашествий середины III в. была неизвестна, но накопившиеся материалы показывают, что разрушение жилых кварталов и цитадели не было концом ее истории. Размещался ли здесь после возобновления жизни новый римский гарнизон, неизвестно, но старая цитадель уже не использовалась, а ее полуразрушенные сооружения были перекрыты более поздними постройками. Наиболее важны для истории поздней Тире остатки так называемого послеготского дома и находившиеся в нем материалы [186, с. 98—99; 184, с. 45—48]. Сам дом (№ 88) невелик (площадь его около 55 м²); он пристроен с северо-восточной стороны к развалинам упоминавшейся выше круглой башни (№ 68) и состоял из двух помещений, расположенных углом по отношению к мощенному каменными плитками дво-

ру. Хотя дом не утратил главных признаков античного безордерного домостроительства, схема его нетипична, качество кладок невысокое — однорядные постелистые, приближающиеся к иррегулярной системе; материалом служили плохо выкадрованные, часто необработанные плиты и блоки. О варваризации можно судить и по тому, что крыша дома была саманной или камышовой — в завале кровли залегал слой горелой глиняной обмазки, золы и углей [183].

Под завалом кровли и обрушившихся во время гибели дома верхних рядов стен сохранился закрытый вещевой комплекс, содержащий не менее пяти типов привозной амфорной тары [175, с. 25, рис. 3—5; 260, с. 261—266, рис. 3—4], светлоглиняный светильник [175, рис. 8, 4; рис. 9, 4], краснолаковую чашу [175, рис. 8, 6; рис. 9, 3], обломок красноглиняного сосуда с орнаментом, характерным для керамики нижнемезийского производства [175, рис. 11, 10]. На полу помещения среди других предметов находились плохо сохранившиеся изделия из бронзы, железа и стекла — обломки кубка, бусина, вставка [175, рис. 11, 1—9]. Наряду с этими импортными вещами, указывающими на сохранившиеся связи поздней Тире с античными центрами, находки из «послеготского» дома содержали большое количество кругляхой сероглиняной столовой керамики, а также лепной кухонной посуды. Первая представлена двумя кувшинами, двумя мисками, кубком, причем сосуды биконических профилей (один из кувшинов, одна из мисок, кубок) характерны для памятников черняховского типа [175, рис. 8, 1, 3, 7; рис. 9, 1, 2], тогда как остальные (кувшин с шарообразным корпусом и миска с прямым бортиком) типичны для гето-дакийских памятников первых веков н. э. [175, рис. 8, 2, 5; рис. 9, 5]. Группа сероглиняных сосудов с поддонами, профилированными венчиками и лощеной поверхностью отличается своими

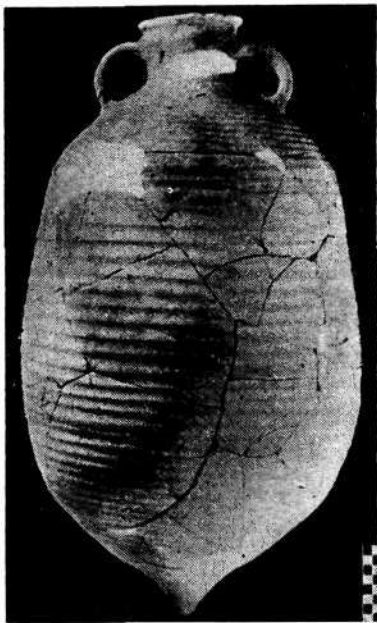

Рис. 44. Амфора из «послеготского» дома. IV в. н. э. Керамика. Высота 0,65 м.

формами от обычно орнаментированной лощением по внешней и внутренней поверхности сероглиняной керамики сарматского круга II—III вв.; некоторые формы этой посуды восходят к позднеэллинистическому времени. Наконец, лепная кухонная керамика (четыре горшка, две чаши и светильник) представлена типами, распространенными в предшествующем периоде в среде местных племен Северного Причерноморья [175, с. 38, рис. 12—13; 184, с. 53, рис. 26].

Сероглиняная керамика из «послеготского» дома (кружальная и лепная) оказывается, таким образом, генетически связанной с производственными традициями северопричерноморского племенного мира и отражает до известной степени не вполне одинаковый характер связей поздней Тиры с различными элементами племенного окружения, во всяком случае, черняховский компонент выражен в этой керамике сильнее, чем гето-фракийский. В то же время

присутствие местной керамики в комплексе позднеантичной Тиры отражает не только усиление экономического и политического влияния окружающей этнокультурной среды, но и присутствие в составе городского населения значительного количества ее представителей.

Время существования «послеготского» дома определяется его стратиграфическим положением и датировкой найденного в нем закрытого керамического комплекса. Самая ранняя дата, после которой было возможно возведение этого дома, — середина III в. Это определяется тем, что северо-восточный угол дома лежит над северо-западным углом здания римского гарнизона, которое было разрушено в середине III в. (§ 15, 2; § 21). Руины «послеготского» дома находятся в верхнем горизонте античных напластований и перекрываются постройками XIII—XIV вв. [154, с. 68]. Что касается керамического комплекса под завалом кровли, то его дата устанавливается достаточно четко по привозным амфорам. Среди них имеются разные варианты амфор с яйцеподобным широким туловищем (рис. 44; 175, рис. 3, 1—2, рис. 4, 2, 4, 6—7; рис. 5, 4), амфора с плоско срезанным венчиком и сужающимся на середине длины туловищем [175, рис. 4, 3; рис. 5, 3], амфора с воронкоподобной шейкой и сплошным рифлением корпуса [175, рис. 4, 1; рис. 5, 5] и, наконец, светлоглиняная узкогорлая амфора со стройным конусообразным корпусом [175, рис. 4, 5; рис. 5, 1]. Такие типы и варианты амфор находят аналогии на памятниках черняховской культуры, в Хараксе, на Боспоре и датируются не ранее конца III, а с наибольшей вероятностью IV в. [175, с. 23—31; 184, с. 46—48; 260, с. 261—266].

Открытие в Тире дома с керамикой, бытовавшей на протяжении IV в., и соответствующего культурного слоя объясняет известные и прежде отделе-

ные находки предметов конца III—IV в. — фрагментов амфорной тары [260, с. 261, 263, 265] и целых амфор [175, с. 31, рис. 7, 1], так называемых Т-образных фибул [179, с. 116, № 1100], счетно-игральных жетонов [179, с. 126, № 1225], поздних бусин, наконец, монет второй половины III в. [32, с. 200, № 13; 144, с. 97—98, № 107—112, 118—119, 126; 308, с. 63].

Кроме «послеготского» дома, к слою второй половины III—IV в. относятся некоторые сильно разрушенные строения: часть вымощенного камнем помещения (№ 244), расположенного у северо-западного края здания гарнизона выше уровня остатков последнего, вымостка из каменных плит (№ 193) поверх улицы предшествующего периода, помещение (№ III), перекрывающее юго-западный угол здания гарнизона и некоторые другие постройки, указывающие на довольно активную строительную деятельность — в течение относительно непродолжительного времени на небольшой территории устанавливается наличие трех строительных периодов, причем два из них не выходят за пределы начала IV в. [184, с. 48—51]. Единой планировки при этом не придерживались — застройка велась, по-видимому, хаотично в зависимости от наличия места. Началась она вскоре после середины III в. на разрушенных сооружениях цитадели римского гарнизона, но жизнь продолжалась и в IV в., даже во второй его половине [154, с. 70—71; 184, с. 51—53].

Выделение позднеантичного периода истории Тире представляет особый интерес, поскольку для этого времени констатируется существенное изменение облика ее материальной культуры. Строительные приемы зодчих поздней Тире характеризуются отходом от античных приемов; в городе используются сероглиняные кружальные сосуды, следующие черняховским образцам; отдельные находки керамики связывают Тире с карпато-дакийскими и сармат-

скими памятниками Северо-Западного Причерноморья [175, с. 31, 34—37, 41—42; 306, с. 49, 50]. Все это дает основание говорить о варваризации поселения и натурализации хозяйства. Весьма показательно, что в Тире не засвидетельствованы находки римских бронзовых монет Константина и его династии, встречающихся часто в соседней Истрии [484, с. 59, 70—74] и в Добрудже [436].

2. Гибель Тире. Восстановление Тире после готского разгрома следует связывать с тем, что в последней трети III в. стали складываться предпосылки для постепенного преодоления наиболее острых проявлений кризиса империи.

Так, хотя при Аврелиане 270—275 гг.) из Дакии были выведены римские войска и значительная часть романизированного населения [99; 165; 180, с. 154—159; 383], на левом берегу Дуная была сохранена цепь небольших укреплений [424], а в 271 г. римляне развернули на этом берегу военные действия и нанесли тяжелое поражение готам. В следующем году настала очередь карпов, напавших на Нижнюю Мезию во время похода Аврелиана против Пальмиры: император разбил их на Нижнем Дунае, между Карсиумом и Суцидавой [247, с. 188—191; 530, с. 271—283].

После этих поражений военные действия на нижнедунайском участке лимеса возобновились, по-видимому, лишь в 279 г., когда император Проб (276—282 гг.), успешно завершив войну против варваров на Рейне и Среднем Дунае, «частью подчинил, частью принял в дружественный союз все гетские народы (*omnes Geticos populos*), уstraшенные молвой о его подвигах» [SHA, Probus, 16, 3]. В следующем году Проб снова оказался на Нижнем Дунае, где он занимался расселением на опустевших землях бастарнов и других варваров [246, с. 135—138; 247, с. 191—192; 489, с. 101—105; 530, с. 283—290].

Эта политика продолжалась при Диоклетиане (284—305 гг.) и Константине (306—337 гг.) с их соправителями: позднее античные авторы и составители хвалебных речей в честь императоров постоянно повторяют краткие известия об «опустошении Сарматии» [Ravenn. Lat., III, 5], «поражении Сарматии» [Ibid., V, 10], истреблении «несметных полчищ готов» [Ibid., VII, 2; Anon. Vales., 6, 30], подчинении карпов и бастарнов, победах над сарматами и переселениях многочисленных пленных в пределы империи [Eutrop., IX, 25].

При всей неконкретности приведенных и подобных им сообщений можно считать установленным, что в 331/332 г. римляне нанесли сильное поражение союзу готов и тайфалов [Eutrop., X, 7; Anon. Vales., 6, 31; Themist., XV, 191]; готы обязались выставлять вспомогательные отряды в римскую армию и охранять дунайскую границу [489, с. 108—138; 530, с. 388—390]. Крупные столкновения с варварами на некоторое время прекратились.

Из всего изложенного видно, что после 270 г. общие условия в рассматриваемом регионе таковы, что можно допускать восстановление жизни на развалинах Тира уже в 70-х или в начале 80-х годов III в. Действительно, в разных местах городища несколько раз отмечены находки монет Диоклетиана, выпущенных до денежной реформы 294 г. [32, с. 200, № 13; 144, с. 98, № 118, 126; 307, с. 63]; встречена также датированная 286/288 г. монета боспорского царя Фофорса [144, с. 98, № 119].

Жизнь на поселении продолжалась и в IV в., но хозяйство его приобретает характерные черты рустификации — в IV в. римские монеты поступали в Днестровско-Прутское междуречье минуя Тир [250, с. 234]. На месте разрушенной цитадели поднялись новые строения, и нет никаких конкретных данных о том, находился ли в городе гарнизон и входила ли вообще вос-

становленная Тира в состав Римской империи.

Действительно, реорганизация всей военно-административной системы, начатая при Диоклетиане и завершенная при Константине, существенно изменила политическую ситуацию на Нижнем Дунае. Добруджа была выделена в отдельную провинцию Скифию. а остатки Нижней Мезии стали называться Второй Мезией. В этой уменьшившейся Мезии по-прежнему располагались I и XI легионы, переведенные в число подвижных войск (comitatenses), в Скифии же были сформированы пограничные легионы (limitanei) — в Новинодуне Первый, в Трезмисе Второй. Новым легионам были присвоены названия в честь небесных покровителей Диоклетиана и его соправителя Максимиана: один именовался Юпитеровым (Iovia), другой Геракловым (Herculia), а общее командование войсками провинции осуществлял *dux limitis*; глава гражданской администрации назывался *praeses* [510; 527, с. 280—287, 298—307; 530, с. 369—377, 381—388]. Северная граница провинции Скифии проходила по нижнему течению Дуная, и могли ли римские войска контролировать сухопутные и морские пути к Тире, судить не легко.

Во всяком случае, в 369 г., когда император Валент (364—378 гг.) выступил против готов и переправился через Дунай у Новинодуна, он оказался «во вражеской земле» [Zos., IV, 11, 1].

Переговоры с готским вождем Атанарихом пришлось вести в лодке на середине Дуная [Amm. Marc., XXVII 6, 9], а согласно сохранившемуся Зосимом [IV, 11, 4] условиям мира за римлянами оставались их прежние владения, тогда как варварам было запрещено переправляться на правый берег реки [123, с. 176—177; 527, с. 309—312; 530, с. 393—399].

Из сказанного не следует, что Тира подчинялась во время этих событий

готам или оказалась «включенной» в систему экономических связей племенного союза с высокоразвитой дифференциацией общественного производства» [175, с. 42; 217, с. 276]. Обнаруженные при раскопках археологические материалы позволяют только констатировать, что жизнь ее продолжалась в IV в. и прекратилась не постепенно, а внезапно: здание «послеготского» дома погибло в огне, и именно это обеспечило сохранность комплекса датирующей керамики (§ 22, 1). Последним точно датированным предметом из Тиры является купленная в прошлом веке в Аккермане монета Валентиниана (364—375 гг.), брата и соправителя Валента [230, с. 34]; самые поздние амфоры из «послеготского» дома датируются просто второй половиной IV в. [175, с. 40]. В силу этого хотя и можно предполагать, что гибель Тиры связана с одним из гуннских нападений, не менее вероятным представляется и то, что жизнь здесь прекратилась еще до появления гуннов,

при утверждении власти готов в Нижнем Поднестровье*.

* Все сказанное позволяет оценить попытку отождествить с Тирой упоминаемый Прокопием из Кесарии [Bell. Goth., III, 14, 32] город Туррис [365]. Названный в связи со славяно-гуннскими столкновениями середины 40-х годов VI в. н. э. Туррис был расположен за рекой Истром (или по ту сторону реки Истра — ΥΠΕΡ ΠΟΤΑΜΟΝ ΙΣΤΡΟΝ), причем Прокопий добавляет, что город «построил римский император Траян, но он уже издавна был покинут, так как местные варвары его постоянно грабили». Этих беглых замечаний недостаточно для точной локализации Турриса — его помещали вблизи Галаца или даже у впадения Олта в Дунай, — а само название ΤΟΥΡΡΙΣ нет оснований считать искажением первоначальной формы ΤΥΡΑΣ [365, с. 689], тем более, что многие укрепленные пункты на территории Мезии включали в состав своих названий обозначения *turris* (греч. ΤΥΡΓΟΣ). Таковы, кроме уже упоминавшейся Неоптолемовой башни в устье Тираса, *Stratonis Turris*, *Turris Musaporis*, ΛΑΙΚΟΣ ΤΥΡΓΟΣ на морском побережье [403]. Отсутствие каких бы то ни было следов существования жизни на месте Тиры в VI в. н. э. также не говорит в пользу ее отождествления с Туррисом Прокопия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Античная Тира существовала в течение тысячелетия. Основанная в VI в. до н. э. выходцами из далекой Ионии она погибла во время готских или гуннских нашествий в IV в. н. э. К сожалению, известно о ней мало: беглые и немногословные упоминания античных географов и историков, сжатые и зачастую фрагментированные тексты немногочисленных надписей, монеты, заслуженно считающиеся нумизматическими раритетами, наконец, открытые в нескольких местах остатки укреплений, жилых домов и производственных комплексов, обломки посуды или терракотовых статуэток оставляют без надлежащего освещения многие важные стороны жизни и быта древних обитателей города, многие крупные события его истории. Разворачивающиеся в послевоенные десятилетия археологические раскопки и разведки, повторное сопоставление и тщательный анализ сохранившихся письменных источников постепенно расширяют и углубляют сведения об античной Тире, позволяют наметить основные моменты ее многовекового прошлого и поставить их в связь с главными этапами процесса развития древних племен Северо-Западного Причерноморья, с одной стороны, и с историей цивилизованных народов Средиземноморья — с другой. Все более определенно не только вырисовывается облик давно завершившего свой путь города, но и раскрывается его историческая роль.

Возникшая в зоне контактов и столкновений различных этнокультурных и социальных общностей древняя Тира выросла как один из центров античной ойкумены, сложившийся у границ гето-скифских территорий, и в дальнейшем она была неразрывно соединена с судьбами этих двух миров.

Расположенный на полноводной и судоходной реке, орошающей плодородные поля и обильные пастбища, город долго сохранял аграрное направление хозяйства, являясь в то же время значительным торговым портом на путях вдоль побережья от Истра к Борисфену и от моря в глубь материка. Выдающееся военно-стратегическое значение Тире превратило ее в конце концов в важный опорный пункт римского владычества на Понте.

Греко-римская цивилизация сыграла огромную роль в развитии человечества, но порожденные ею социальные противоречия завели ее в тупик и сделали в итоге беззащитной перед народами варварской периферии рабовладельческого Рима. Сейчас еще нет возможности судить о том, разделила ли Тира участь тех римских провинциальных городов, которые были разрушены и прекратили существование в эпоху великого переселения народов, или тесные связи с окружающими племенами послужили основой для ее быстрого возрождения в качестве славянского Белгорода, но можно дога-

дываться, что ее тысячелетнее развитие — от эллинского полиса к римскому провинциальному городу — не было лишено значения в последующей истории Юго-Восточной и Восточной Европы.

В настоящее время культура античной Тире известна еще недостаточно, но при несомненном преобладании в ней эллинских и римских традиций

здесь отчетливо ощущается — по крайней мере в решающие переломные моменты — воздействие местной культурной среды. Изучение этого воздействия и определение конкретной роли Тире как одного из очагов длительного взаимопроникновения древних народов и культур нашей страны — одна из очередных задач отечественного антиковедения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- а) Произведения основоположников марксизма-ленинизма
1. Маркс К. Вынужденная эмиграция.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 565—571.
2. Маркс К. Капитал.— М.: Госполитиздат, 1960—1962.— Т. 1—3 (Соч. 2-е изд./ К. Маркс, Ф. Энгельс; Т. 23—25).
3. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 гг.: Формы, предшествующие капиталистическому производству.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 461—508.
4. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 гг.: Социальная природа капиталистического способа производства в понимании буржуазных экономистов.— Там же, ч. 2, с. 97—113.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология.— Там же, т. 3, с. 7—544.
6. Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство.— Там же, т. 19, с. 306—314.
7. Энгельс Ф. К истории древних германцев.— Там же, с. 442—494.
8. Энгельс Ф. Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу».— Там же, т. 20, с. 629—654.
9. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Там же, т. 21, с. 23—178.
10. Энгельс Ф. Рабочее движение в Америке.— Там же, с. 345—353.
11. Энгельс Ф. К истории первоначального христианства.— Там же, т. 22, с. 465—492.
12. Ленин В. И. Перлы народничества прожектерства.— Полн. собр. соч., т. 2, с. 471—504.
13. Ленин В. И. Аграрная программа русской социал-демократии.— Там же, т. 6, с. 303—348.
14. Ленин В. И. Статистика и социология.— Там же, т. 30, с. 349—351.
15. Ленин В. И. О государстве.— Там же, т. 39, с. 64—84.
- б) Письменные источники
16. Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии.— ВДИ, 1939, № 3, с. 231—315.
17. Надписи Ольвии / Под ред. Т. Н. Кипович, Е. И. Леви.— М.: Наука, 1968.— 132 с.
18. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса.— Киев: Наук. думка, 1964—1973.— Т. 1—2.
19. Corpus inscriptionum Latinarum / Ed. Th. Mommsen.— Berolini: Reimer, 1873.— Vol. 3, p. 1—2.— Suppl. / Ed. Th. Mommsen et al. Fasc. 1. 1889; Fasc. 4—5, 1902.
20. Fontes ad historiam Dacoromaniae pertinentes / Ed. V. Iliescu et al.— Bucurestis: Acad. Sci. RPR, 1964.— Vol. 1.
21. Fontes historiae Dacoromanae / Ed. H. Mihaescu et al.— Bucurestis: Acad. Sci. RSR, 1970.— Vol. 2.
22. Inscriptiones Scythiae Minoris Graecae et Latinae / Ed. D. M. Pippidi.— Bucurestis: Acad. Sci. Dacoromanae, 1883.— vol. 1.
23. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae / Ed. B. Latyshev.— 2 ed.— Petropoli: Acad. Sci. Petropol., 1916.— Vol. 1.
24. Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae / Ed. G. Mihailov.— 2 ed.— Serdicae: Acad. Litt. Bulg., 1970.— Vol. 1.
25. Inscriptiones Latinae selectae / Ed. H. Dessau.— Berolini: Weidmann, 1954—1955.— Vol. 1—3.
26. Scythica et Caucasica e veteris scriptoribus Graecis et Latinis / Ed. B. Latyshev.— Petropoli: Acad. Sci. Petropol., 1900—1906.— Vol. 1—2.
- в) Монографии, статьи, авторефераты диссертаций
27. Абасов В. И. Скифский язык.— В кн.: Абасов В. И. Осетинский язык и фольклор.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949, т. 1, с. 147—244.
28. Агбунов М. В. К вопросу о локализации башии Неоптолема и Гермонактовой деревни.— ВДИ, 1978, № 1, с. 112—123.
29. Агбунов М. В. Давньогрецький Нікопій.— Археологія, 1979, № 32, с. 13—19.
30. Агбунов М. В. Заметки по античной географии Нижнего Поднестровья.— ВДИ, 1979, № 2, с. 118—138.

31. *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э.— НЭ, 1963, т. 4, с. 3—88.
32. *Анохин В. А., Пушкарев В. П.* Античные монеты из Тир. — НС, 1965, т. 2, с. 194—201.
33. *Анохин В. А.* Клад монет начала III в. н. э. из Тир. — SCN, 1975, т. 6, с. 63—67.
34. *Античная Греция: проблемы развития полиса* / Под ред. Е. С. Голубцовой. — М.: Наука, 1983. — Т. 1—2.
35. *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. — 156 с.
36. *Археологія Української РСР: У 3-х т.* / Під ред. С. М. Бібікова. — К.: Наук. думка, 1971. — Т. 2. — 504 с.
37. *Ашрафян А. А.* Тирасская монета из с. Пивденное. — КСОАМ 1961 г., Одесса, 1963, с. 99—101.
38. *Беккер П. В.* Гражданский быт тиритов при римских императорах. — Одесса: Няче, 1849. — 22 с.
39. *Беккер П. В.* Тирас и тириты. — ЗООИД, 1850, т. 2, отд. 2/3, с. 416—469.
40. *Беккер П. В.* Берег Понта Эвксинского от Истра до Борисфена. — Там же, 1853, т. 3, с. 151—209.
41. *Бертъ-Делазард А. Л.* О состоянии Аккерманской крепости. — Там же, 1900, т. 22, с. 75—82 (протокол 318).
42. *Берчу Д.* Фрако-скифский меч-эмблема из Меджиции. — Dacia, 1958, т. 2, с. 93—124.
43. *Блаватская Т. В.* Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э.— М.: Изд-во АН СССР, 1952. — 264 с.
44. *Блаватская Т. В.* Надгробие и алтарь из с. Бельского. — КСИА АН СССР, 1981, № 163, с. 50—56.
45. *Блаватский В. Д.* Античная археология Северного Причерноморья. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 230 с.
46. *Блаватский В. Д.* Подводная археологическая экспедиция 1962 г.— СА, 1965, № 1, с. 272—275.
47. *Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А., Кругликова И. Т.* Полис и миграция греков. — В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси: Мецниереба, 1979, с. 7—29.
48. *Болтенко М. Ф.* Исторические судьбы острова Березани. — ЗОАО, 1960, т. 1, с. 38—46.
49. *Бондарь Р. Д.* Археологические раскопки у с. Орловка. — АИУ 1968 г., Киев, 1971, № 3, с. 66—70.
50. *Бондарь Р. Д.* Некоторые проблемы истории нижнедунайского лимеса. — ВДИ, 1973, № 3, с. 144—159.
51. *Браун Ф. А.* Разыскания в области гото-славянских отношений. — Спб.: Тип. Акад. наук, 1899. — 392 с.
52. *Брашинский И. Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э.— М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 176 с.
53. *Брашинский И. Б., Щеглов А. Н.* Некоторые проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси: Мецниереба, 1979, с. 29—48.
54. *Брун Л. Ф.* По поводу тирасских монет императора Адриана. — В кн.: Труды VI Археологического съезда. Одесса, 1888, т. 2, с. 119—123.
55. *Брун Ф. К.* О местоположении Тираса. — ЗООИД, 1853, т. 3, с. 47—66.
56. *Брун Ф. К.* Черноморье: Сб. исслед. по ист. географии Юж. России. — Одесса: Ульрих, 1879—1880. — Ч. 1—2. — 277, 408 с.
57. *Булатович С. А.* Клад кизикинов из Ольвии. — СА, 1970, № 2, с. 222—224.
58. *Булатович С. А.* Клад кизикинов из Орловки. — ВДИ, 1970, № 2, с. 73—86.
59. *Булатович С. А.* Монетные находки на о. Левке. — МАСП, 1971, вып. 7, с. 212—225.
60. *Булатович С. А.* Обращение электровых монет Малой Азии в Эгейском бассейне и в Причерноморье. — Там же, 1976, вып. 8, с. 95—108.
61. *Булатович С. А.* Распространение золотых монет Филиппа II, Александра и Лисимаха в Северо-Западном Причерноморье. — В кн.: Исследования по античной археологии Юго-Запада УССР. Киев: Наук. думка, 1980, с. 52—71.
62. *Булатович С. А.* Влияние типологии кизикинов на монетное дело городов Причерноморья. — В кн.: Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1981, с. 114—119.
63. *Булатович С. А.* К вопросу о золотых статерах лисимаховского типа, чеканенных в Тире. — МАСП, 1983, вып. 9, с. 172—179.
64. *Бурачук Н. П., Самойлова Т. Л.* Краснофигурная керамика из Тир. — Там же, с. 152—158.
65. *Бурачков П. О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинистическим колониям, существовавшим в древности на Северном берегу Черного моря. — Одесса: Шульце, 1884. — Ч. 1. 289 с.
66. *Василенко Б. А.* Торговельні зв'язки Тірі в кінці V—I ст. до н. е. за даними керамічних клейм. — В кн.: Матеріали наук. конф. молодих вчених Одес. ун-ту. Одеса, 1968, с. 145—149.
67. *Василенко Б. А.* Древнегреческие керамические клейма, найденные на восточном берегу Днестровского лимана. — МАСП, 1971, вып. 7, с. 137—149.
68. *Велков В.* Из истории Нижнедунайского

- лимеса в конце I в. н. э.— ВДИ, 1961, № 2, с. 69—82.
69. *Виноградов Ю. Г., Русаева А. С.* Культ Аполлона и календарь в Ольвии.— В кн.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1980, с. 19—64.
 70. *Виноградов Ю. Г.* Перстень царя Скила.— СА, 1980, № 2, с. 92—109.
 71. *Виноградов Ю. Г., Карышковский П. С.* Каллиник, сын Евксена.— ВДИ, 1982, № 4, с. 26—46; 1983, № 1, с. 21—39.
 72. *Висотська Т. М.* Городище Алма-Кермен у Криму.— Археологія, 1970, № 24, с. 179—193.
 73. *Вошинина А.* Фигурный сосуд из Добруджи в собрании Эрмитажа.— In: Omagiu lui George Oprescu. Bucuresti: Acad. RSR, 1961, с. 589—594.
 74. *Вулиц Н. В.* «Тристин» и «Послания с Понта» Овидия как исторический источник.— ВДИ, 1974, № 1, с. 64—79.
 75. *Вязьмитина М. И.* Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днестра.— МИА, 1969, № 150, с. 119—134.
 76. *Герасимов Т.* Античные монеты с контрмарки от Дола Мизия и Тракия.— ИБАИ, 1946, кн. 15, с. 51—81.
 77. *Герасимова В.* Дислокация на римские помощи войска в провинция Мизия.— Археологія, 1970, кн. 4, с. 22—33.
 78. *Героев Б.* Романизмът между Дунава и Балкана.— София, 1949—1954.— Ч. 1—2.— 121 с. (ГСУ ИФФ. Т. 45, кн. 4. Т. 47).
 79. *Гилевич А. М.* Античные иногородные монеты из раскопок Херсонеса.— НС, 1968, т. 3, с. 3—61.
 80. *Головки И. Д.* Несколько граффити Белгород-Днестровского музея.— КС ОАМ 1961 г., Одесса, 1963, с. 110—113.
 81. *Головки И. Д., Бондарь Р. Д., Загинайло А. Г.* Археологические исследования у с. Орловка Одесской обл.— КС ОАМ 1963 г., Одесса, 1965, с. 68—80.
 82. *Гошкевич В. И.* Записка об археологических исследованиях в Херсонской губ.— Древности, 1909, т. 22, вып. 1, прил., с. 176—189.
 83. *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днестре.— М., 1954.— 240 с.— (МИА; № 36).
 84. *Гросу В. И.* Новые сарматские памятники на территории Молдавии.— В кн.: Археологические исследования в Молдавии в 1979—1980 гг., Кишинев, 1983, с. 28—52.
 85. *Гудкова А. В.* История культурной атрибуции памятников черняховского типа степной зоны СССР.— МАСП, 1976, вып. 8, с. 119—131.
 86. *Гудкова А. В.* Классификация сероглиняной столовой керамики Тиры II—VI вв. н. э.— В кн.: Античная Тира и средневековый Белгород. Киев: Наук. думка, 1979, с. 99—115.
 87. *Гудкова А. В.* Исследования в Нижнем Подунавье.— В кн.: Археологические открытия 1981 г. М.: Наука, 1982, с. 255.
 88. *Гудкова А. В., Фокиев М. М.* Поселение и могильник римского времени Молога II.— В кн.: Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наук. думка, 1982, с. 55—113.
 89. *Гудкова О. В.* Поселения перших століть нашої ери в степах Північно-Західного Причорномор'я.— Археологія, 1983, № 42, с. 3—10.
 90. *Данов Х. М.* Връзки на Понтийското царство с западночерноморското крайбрежие.— ИИД, 1937, кн. 14/15, с. 54—70.
 91. *Данов Х. М.* Западный бряг на Черно море в древността.— София: Унив. печатница, 1947.— 148 с.
 92. *Данов Х. М.* Древна Тракия.— София: Наука и изкуство, 1969.— 449 с.
 93. *Дечев Д.* Принос към историята на западнопонтийските градове.— ИБАИ, 1950, кн. 17, с. 59—69.
 94. *Дзисовский А. Н.* Сарматские памятники степей Северо-Западного Причерноморья.— В кн.: Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982, с. 83—92.
 95. *Дзис-Райко Г. А.* Раскопки Надлиманского городища в 1960 г.— КСОАМ 1960 г., Одесса, 1961, с. 37—45.
 96. *Дзис-Райко Г. А.* О некоторых итогах разведки Левобережья низовья Днестра и Днестровского лимана.— КСОАМ 1961 г., Одесса, 1963, с. 40—46.
 97. *Дзис-Райко Г. А.* Археологические исследования городища у с. Надлиманское.— МАСП, 1966, вып. 5, с. 163—175.
 98. *Диамант Э. И.* Две серебряные монеты фракийских царей, найденные в Тире.— В кн.: Нумизматика античного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982, с. 114—117.
 99. *Дмитрев А. Д.* Падение Дакии.— ВДИ, 1949, № 1, с. 76—85.
 100. *Дмитров Л. Д.* Белгород-Днестровська археологічна експедиція.— АП УРСР, 1949, т. 2, с. 39—52.
 101. *Дмитров Л. Д.* Розкопки в м. Білгород-Дністровському в 1947 р.— Там же, 1952, т. 4, с. 59—64.
 102. *Дмитров Л. Д.* Основні підсумки Ізмаїльської археологічної експедиції 1949—1950 рр.— Там же, 1955, т. 5, с. 111—122.
 103. *Доватур А. И., Калустов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота.— М.: Наука, 1982.— 455 с.
 104. *Доманский Я. В.* О начальном периоде существования греческих городов Северного Причерноморья.— АСГЭ, 1965, № 7, с. 116—141.

105. Доманский Я. В. О характере греческой колонизации и послеколонизационном периоде в Северном Причерноморье. — В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси: Мецниереба, 1979, с. 81—88.
106. Дьяков В. Н. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия. — ВДИ, 1940, № 3/4, с. 71—88.
107. Дьяков В. Н. Оккупация Таврики Римом в I в. н. э. — Там же, 1941, № 1, с. 87—97.
108. Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. — М.: Географизн, 1981. — 224 с.
109. Жебелев С. А. Памятники классической скульптуры, хранящиеся в музее Одесского общества истории и древностей. — ЗООИД, 1900, т. 22, с. 66—72.
110. Жебелев С. А. Северное Причерноморье. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. — 388 с.
111. Загинайло А. Г. Монетные находки на Роксоланском городище. — МАСП, 1966, вып. 5, с. 100—130.
112. Загинайло А. Г. Висунцовский клад серебряных монет Истрии, найденный в 1951 г. — ЗОАО, 1967, т. 2, с. 60—75.
113. Загинайло А. Г., Нудельман А. А. Дороцкий клад древнегреческих серебряных монет IV в. до н. э. — МАСП, 1971, вып. 7, с. 122—137.
114. Златковская Т. Д. Мезия в I и II веках нашей эры. — М.: Изд-во АН СССР, 1951. — 136 с.
115. Златковская Т. Д. Племенной союз гетов под руководством Биребисты. — ВДИ, 1955, № 2, с. 73—91.
116. Златковская Т. Д. О начальном периоде истории Тир. — СА, 1959, № 2, с. 60—69.
117. Златковская Т. Д., Полевой Л. Л. Городища Прутско-Днестровского междуречья IV—III вв. до н. э. и вопросы политической истории гетов. — МИА, 1969, № 150, с. 35—60.
118. Зограф А. Н. Поправки к нумизматике Тир. — ИРАИМК, 1925, т. 4, с. 147—156.
119. Зограф А. Н. Древний город Тира — Белгород — Аккерман. — КСИИМК, 1940, № 8, с. 63—67.
120. Зограф А. Н. Античные монеты. — М., 1951. — 263 с. — (МИА; № 16).
121. Зограф А. Н. Монеты Тир. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 131 с.
122. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э. — Киев: Наук. думка, 1983. — 379 с.
123. История Византии: В 3-х т. / (Под ред. С. Д. Сказкина). — М.: Наука, 1967. — Т. 1. 523 с.
124. Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. — Харьков: Вища шк., 1981. — 143 с.
125. Казаманова Л. Н. Введение в античную нумизматику. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. — 302 с.
126. Каллаистов Д. П. Свидетельство Страбона о скифском паре Ате. — ВДИ, 1969, № 1, с. 124—130.
127. Карышковский П. О. Утерянная ольвийская надпись. — СА, 1958, т. 28, с. 151—161.
128. Карышковский П. О. Надписи Тир. — ВДИ, 1959, № 4, с. 111—128.
129. Карышковский П. О. Дополнение к нумизматике Тир. — Там же, 1960, № 3, с. 132—134.
130. Карышковский П. О. Ольвия и Афинский союз. — МАСП, 1960, вып. 3, с. 57—100.
131. Карышковский П. О. Ольвийские ассы с изображением совы. — СА, 1962, № 2, с. 210—215.
132. Карышковский П. О. Находки римских монет в Одесской обл. — КСОАМ 1961 г., Одесса, 1963, с. 60—67.
133. Карышковский П. О. Монеты западно-понтийских династов, найденные в Северном Причерноморье. — СА, 1962, № 4, с. 49—58.
134. Карышковский П. О. Эпиграфические памятники Белгород-Днестровского музея. — КСОАМ 1961 г., Одесса, 1963, с. 102—109.
135. Карышковский П. О. Дополнение к эпиграфическим свидетельствам о Тире. — ВДИ, 1966, № 2, с. 149—153.
136. Карышковский П. О. К вопросу о древнем названии Роксоланского городища. — МАСП, 1966, вып. 5, с. 149—162.
137. Карышковский П. О. Из истории поздней Ольвии. — ВДИ, 1968, № 1, с. 167—179.
138. Карышковский П. О. Из истории Тир в I—II вв. н. э. — МАСП, 1971, вып. 7, с. 149—159.
139. Карышковский П. О. Истрия и ее соседи на рубеже III—II вв. до н. э. — ВДИ, 1971, № 2, с. 36—58.
140. Карышковский П. О. Находки позднеримских и византийских монет в Одесской обл. — МАСП, 1971, вып. 7, с. 78—86.
141. Карышковский П. И. Скифы на Дунае. — УИЖ, 1971, № 9, с. 54—60.
142. Карышковский П. И. Царские сарматы у Страбона. — Изв. общ. филология, 1973, вып. 32, № 11, с. 88—93.
143. Карышковский П. О. Находки античных и византийских монет в Одесской обл. — В кн.: Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. Киев; Одесса: Вища шк., 1976, с. 172—177.
144. Карышковский П. О., Коциевский А. С. Античные монеты из раскопок Тир. —

- В кн.: Античная Тира и средневековый Белгород. Киев: Наук. думка, 1979, с. 88—98.
145. Карышковский П. О. Новые тирасские надписи.— Там же, с. 76—88.
 146. Карышковский П. О. Из истории Тир в первой трети III в. н. э.— В кн.: Исследования по античной археологии Юго-Запада УССР. Киев: Наук. думка, 1980, с. 72—83.
 147. Кибальчич Т. В. Археологические находки в Южной России.— АИЗ, 1898, т. 6, № 7/8, с. 247—248.
 148. Крыжицкий С. Д., Бураков А. В., Буйских С. В. и др. К истории ольвийской сельской округи.— В кн.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1980, с. 3—18.
 149. Клейман И. Б., Ревенко К. И. Археологічні спостереження на західному березі Дністровського лиману.— МАСП, 1959, вип. 2, с. 118—121.
 150. Клейман И. Б. К вопросу о пребывании в Тире I Киликийской когорты.— КСОАМ 1963 г., Одесса, 1965, с. 179—182.
 151. Клейман И. Б. Раскопки помещения вестилляции I Итальянского легиона в Тире.— МАСП, 1971, вып. 7, с. 229—238.
 152. Клейман И. Б. К стратиграфии напластований римского времени в Тире.— Там же, 1976, вып. 8, с. 109—119.
 153. Клейман И. Б. Новая гробница в районе Белгорода-Днестровского и вопрос о местоположении некрополя Тир.— В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1978, с. 99—107.
 154. Клейман И. Б. Стратиграфия культурного слоя городища Тир.— Белгород.— В кн.: Античная Тира и средневековый Белгород. Киев: Наук. думка, 1979, с. 54—75.
 155. Клейман И. Б. Терракоты из раскопок Тир 1970—1977 гг.— В кн.: Исследования по античной археологии Юго-Запада УССР. Киев: Наук. думка, 1980, с. 96—103.
 156. Клейман И. Б. Северо-западный участок внутренних оборонительных стен в Тире.— В кн.: Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1981, с. 73—84.
 157. Клейман И. Б. Новая аттическая терракота из Тир.— В кн.: Античные памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982, с. 132—135.
 158. Клейман И. Б., Сон Н. А. Западнопонтийские и провинциально-римские культурно-экономические связи Тир.— МАСП, 1983, вып. 9, с. 47—59.
 159. Клейман И. Б. О раскопках Тир в 1940 г.— В кн.: Новые археологические исследования на Одессине. Киев: Наук. думка, 1984, с. 66—74.
 160. Климентов Л. В. О растительности и ландшафте нижнеднепровских плавней и происходящих в них сдвигах.— Изв. Всесоюз. геогр. о-ва, 1960, т. 92, вып. 8, с. 235—250.
 161. Кнауэр Ф. И. Список археологических предметов, найденных в разных местах Аккерманского уезда.— Чтения в Ист. о-ве Нестора летописца, 1892, кн. 6, с. 12—13.
 162. Кобылина М. М. Об изображении мойр в Северном Причерноморье.— СА, 1971, № 3, с. 250—257.
 163. Колобова К. М. Фарнак I Понтийский.— ВДИ, 1949, № 3, с. 27—35.
 164. Колобова К. М. Из истории раннегреческого общества.— Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1951.— 339 с.
 165. Колосовская Ю. К. К истории падения римского господства в Дакии.— ВДИ, 1955, № 3, с. 63—84.
 166. Колосовская Ю. К. О романизации Дакии.— Там же, 1957, № 1, с. 81—101.
 167. Колосовская Ю. К. Паннония в I—III веках.— М.: Наука, 1973.— 256 с.
 168. Кондаков Н. П. О некоторых мелких предметах древности, найденных в Аккермане в 1867 г.— В кн.: Труды II Археологического съезда. Спб., 1876, т. 1, с. 20—24.
 169. Копейкина Л. В. Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период.— СА, 1975, № 2, с. 188—199.
 170. Копейкина Л. В. Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колонизационного процесса.— В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси: Мецниереба, 1979, с. 106—111.
 171. Коцковский А. С. Несколько неизвестных монет Тир из частных собраний.— В кн.: Нумизматика античного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982, с. 117—125.
 172. Кочубинский А. А., Штерн Э. Р. О поездке в Аккерман для исследования там открытой гробницы.— ЗООИД, 1896, т. 19, с. 13—16, табл. (протокол 290).
 173. Кочубинский А. А. Тура (Тирас) — Белгород — Аккерман и его новая лапидарная надпись от 1454 г.— Там же, 1901, т. 23, с. 79—182.
 174. Краченко Н. М. Комплекс римского часу в Тире.— АДУ 1969 г. К., 1972, № 4, с. 181—184.
 175. Краченко Н. М., Корпусова В. М. Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри.— Археологія, 1975, № 18, с. 20—42.

176. *Краткий указатель музея Одесского общества истории и древностей.*— Одесса : Христогелос, 1913.— 147 с.
177. *Крижан Г. И.* Похороненный римского часу в Тире та її околиць.— АДУ 1969 г. К., 1972, № 4, с. 185—190.
178. *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР.— М. : Изд-во АН СССР, 1981.— 135 с.— (САИ ; Г4-4).
179. *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе.— М. : Наука, 1970.— 277 с.— (САИ ; Д1-27).
180. *Крузлик Н. Т.* Дакия в эпоху римской оккупации.— М. : Изд-во АН СССР, 1955.— 166 с.
181. *Крыжицкий С. Д., Шилик К. К.* Подводные исследования в Ольвии и Тире.— В кн.: Археологические открытия 1971 г. М. : Наука, 1972, с. 396—397.
182. *Крыжицкий С. Д., Клейман И. Б.* Розкопки в Білгороді-Дністровському.— АДУ 1969 г. К., 1972, № 4, с. 177—181.
183. *Крыжицкий С. Д., Клейман И. Б.* Житловий будинок і укріплення Тіри перших віків нашої ери.— Археологія, 1978, № 25, с. 83—96.
184. *Крыжицкий С. Д., Клейман И. Б.* Раскопки Тир в 1963 и в 1965—1976 гг.— В кн.: Античная Тира и средневековый Белгород. Киев : Наук. думка, 1979, с. 19—54.
185. *Крыжицкий С. Д.* О принципах классификации античных кладок Северного Причерноморья.— КСИА АН СССР, 1981, № 168, с. 35—41.
186. *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н. э.— IV в. н. э.).— Киев : Наук. думка, 1982.— 167 с.
187. *Кудрявцев О. В.* Эллинические провинции Балканского полуострова во II в. н. э.— М. : Изд-во АН СССР, 1954.— 364 с.
188. *Кудрявцев О. В.* Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории.— М. : Изд-во АН СССР, 1957.— 411 с.
189. *Кулаковский Ю. А.* Карта Европейской Сарматии по Птолемее.— Киев, 1899.— 33 с.
190. *Лалин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья.— Киев : Наук. думка, 1966.— 239 с.
191. *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии.— Спб., 1887.— 314 с.
192. *Латышев В. В.* ПОНТИКА: Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря.— Спб. : Археол. комис., 1909.— 430 с.
193. *Леви Е. И.* Новая ольвийская надпись из раскопок 1951 г.— ВДИ, 1953, № 1, с. 177—183.
194. *Леви Е. И.* Ольвийская надпись с посвящением Аполлону Врачу.— Там же, 1965, № 2, с. 86—95.
195. *Магомедов Б. В.* Черняховские племена Северо-Западного Причерноморья : Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1981.— 23 с.
196. *Макря М.* Бурбиста и кельты на Среднем Дунае.— Dacia, 1953, т. 2, с. 143—155.
197. *Максимов Е. В.* Новый памятник первых веков нашей эры в Тире.— КСИА АН УССР, 1955, № 5, с. 80—83.
198. *Марченко К. К.* Взаимодействие эллиских и варварских элементов на территории Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э.— В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного в Восточного Причерноморья. Тбилиси : Мецниереба, 1979, с. 130—138.
199. *Марченко К. К.* Модель греческой колонизации Нижнего Побужья.— ВДИ, 1980, № 1, с. 131—143.
200. *Мачинский Д. А.* К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Пояншты — Лукашевка.— В кн.: Археология Старого и Нового света. М. : Наука, 1966, с. 82—96.
201. *Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднестровье по свидетельствам античных письменных источников.— АСГЭ, 1971, № 13, с. 30—54.
202. *Мачинский Д. А.* Кельты к востоку от Карпат.— Там же, 1973, № 15, с. 52—64.
203. *Машкин Н. А.* Принципат Августа: происхождение и социальная сущность.— М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949.— 686 с.
204. *Мелюкова А. И.* Скифские курганы Тираспольщины.— МИА, 1962, № 115, с. 114—166.
205. *Мелюкова А. И.* Исследование гетских памятников в степном Поднестровье.— КСИА АН СССР, 1963, № 94, с. 64—72.
206. *Мелюкова А. И.* К вопросу о границе между скифами и гетами.— МИА, 1969, № 150, с. 61—80.
207. *Мелюкова А. И.* Население Нижнего Поднестровья в IV—III вв. до н. э.— Там же, 1971, № 177, с. 39—54.
208. *Мелюкова А. И.* Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка.— М. : Наука, 1975.— 260 с.
209. *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир.— М. : Наука, 1979.— 256 с.
210. *Мелюкова А. И.* Поселение Надлиманское III на берегу Днестровского лимана.— В кн.: Исследования по античной

- археологии Юго-Запада УССР. Киев : Наук. думка, 1980, с. 5—23.
211. *Михайлов Г.* Към въпроса за стратегията в Тракия.— ГСУ ФЗО, 1967, т. 61, кн. 2, с. 29—50.
 212. *Моммзен Т.* История Рима / Пер. с нем. под ред. и с предисл. Н. А. Машкина.— М.: Изд-во иностр. лит. 1949.— Т. 5. 631 с.
 213. *Муралят Э. Г.* Древние поселения на северо-западном берегу Черного моря от Дуная до Буга.— Зап. Санкт-Петербург. археол.-нумизмат. о-ва, 1850, т. 2, с. 129—146.
 214. *Мурзакевич Н. Н.* О некоторых малоизвестных монетах, имеющих в Одессе.— ЗООИД, 1844, т. 1, с. 315—319.
 215. *Мурзакевич Н. Н.* Монеты, отысканные на острове Левке или Фидониси.— Там же, 1853, т. 3, с. 237—245.
 216. *Мурзакевич Н. Н.* О некоторых малоизвестных монетах.— Там же, 1867, т. 6, с. 474—476.
 217. *Нариси стародавньої історії Української РСР* / Під ред. С. М. Бібікова.— К.: Вид-во АН УРСР, 1957.— 632 с.
 218. *Неверов О. Я.* Митридат — Дионис.— СГЭ, 1973, № 37, с. 41—45.
 219. *Неская В. П.* Византизм в классическую и эллинистическую эпоху.— М.: Изд-во АН СССР, 1953.— 157 с.
 220. *Никулиця И. Т.* Геты IV—III вв. до н. э. в днестровско-карпатских землях.— Кишинев: Штиинца, 1977.— 169 с.
 221. *Никулиця И. Т.* Некоторые аспекты этнической и общественно-политической истории племен Днестровско-Карпатских земель во II—I вв. до н. э.— В кн.: Первобытные древности Молдавии. Кишинев, 1983, с. 173—192.
 222. *Нудельман А. А.* Античный клад из с. Лэргуца.— Тр. Кишинев. ист.-краевед. музея, 1969, т. 2, с. 129—134.
 223. *Нудельман А. А.* Римская монета в междуречье Днестра, Прута и Дуная.— В кн.: Нумизматика античного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982, с. 125—133.
 224. *Нудельман А. А.* Прохлякновение греческих монет и начало зарождения монетного обращения в Днестро-Прутском регионе.— В кн.: Первобытные древности Молдавии. Кишинев, 1983, с. 152—173.
 225. *Орешиников А. В.* Божество реки на монетах города Тир.— ИРАИМК, 1921, т. 1, с. 220.
 226. *Островертов А. С.* Про чорну металургію на Ягорлицькому поселенні.— Археологія, 1978, № 28, с. 26—38.
 227. *Островертов А. С.* Склоробна майстерня в Ягорлицькому поселення.— Там же, № 25, с. 41—49.
 228. *Отчет Одесского Общества истории и древностей с 14 ноября 1859 по 14 ноября 1860 г.*— Одесса: Гор. тип., 1861.— 22 с.
 229. *Отчет Одесского Общества истории и древностей с 14 ноября 1889 по 14 ноября 1890 г.*— Одесса: Тип. Штаба Одес. воен. окр., 1891.— 54 с.
 230. *Отчет Одесского Общества истории и древностей за 1895 г.*— Одесса: Экон. тип., 1896.— 61 с.
 231. *Отчет Одесского Общества истории и древностей за 1897 г.*— Одесса: Экон. тип., 1898.— 52 с.
 232. *Отчет Одесского Общества истории и древностей за 1900 г.*— Одесса: Экон. тип., 1901.— 50 с.
 233. *Охотников С. Б.* Новый памятник эпохи греческой колонизации в Нижнем Поднестровье.— МАСП, 1976, вып. 8, с. 201—204.
 234. *Охотников С. Б.* Из истории греческой колонизации Нижнего Поднестровья.— В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья.— Тбилиси: Мецниереба, 1979, с. 158—165.
 235. *Охотников С. Б.* Поселения VI—V вв. до н. э. в Нижнем Поднестровье.— В кн.: Исследования по античной археологии Юго-Запада УССР. Киев, 1980, с. 84—96.
 236. *Охотников С. Б.* Археологический комплекс из поселения Наддманское III в Нижнем Поднестровье.— В кн.: Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982, с. 123—132.
 237. *Охотников С. Б.* Археологическая карта Нижнего Поднестровья в античную эпоху (VI—V вв. до н. э.— III в. н. э.).— МАСП, 1983, вып. 9, с. 101—122.
 238. *Пачкова С. П., Романовская М. А.* Памятники карпато-днестровского региона конца I тыс. до н. э.— В кн.: Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983, с. 48—77.
 239. *Петреску И. Г.* Дельта Дуная: происхождение и развитие / Пер. с рум. Н. Ф. Леонтьева.— М.: Изд-во иностр. лит., 1963.— 279 с.
 240. *Подосинов А. В.* Овидий и Дион Хрисостом о варваризации греческих городов Северо-Западного Понта в I в. н. э.— В кн.: Вопросы источниковедения и историографии досоветского периода. М.: Наука, 1979, с. 19—32.
 241. *Полевой Л. Л.* Новые находки античных монет в Молдавской ССР.— СА, 1962, № 1, с. 289—291.
 242. *Преда К.* Каллатис.— Бухарест: Меридаиане, 1963.— 48 с.
 243. *Пругло В. И.* Позднееллинистические боспорские терракоты, изображающие

- воинов.— В кн.: Культура античного мира. М., 1966, с. 205—231.
244. Рабинович М. Г. Исследования средневековых слоев Белгорода-Днестровского в 1954 и 1958 гг.— КСИА АН СССР, 1968, № 113, с. 102—107.
 245. Ременников А. М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в.— М.: Изд-во АН СССР, 1954.— 148 с.
 246. Ременников А. М. Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275—279 гг. н. э.— ВДИ, 1964, № 4, с. 131—138.
 247. Ременников А. М. Борьба племен Подунавья с Римом в 70-х гг. III в. н. э.— В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 188—192.
 248. Репников Н. И. О характере римской оккупации Южного берега Крыма.— СА, 1941, т. 7, с. 121—128.
 249. Рикман Э. А. Памятники сарматов и племен черняховской культуры.— Кишинев: Штиинца, 1975.— 170 с.
 250. Рикман Э. А. Этническая история населения Подднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры.— М.: Наука, 1975.— 336 с.
 251. Ростовцев М. И. Страбон как источник по истории Боспорского царства.— В кн.: Сборник статей в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1914, с. 366—380.
 252. Ростовцев М. И. Военная оккупация Ольвии римлянами.— ИАК, 1915, вып. 58, с. 1—16.
 253. Рубан В. В. Из истории взаимоотношений Тиря и Ольвии.— В кн.: Исследования по античной археологии Юго-Запада УССР. Киев: Наук. думка, 1980, с. 103—106.
 254. Рубан В. В. О датировке Ягорлыцкого поселения.— Исследования по античной археологии Северного Причерноморья.— Киев: Наук. думка 1980, с. 104—114.
 255. Русаева А. С. Деякі риси культурно-історичного розвитку Північно-Західного Причорномор'я в VII—V ст. до н. е.— Археологія, 1979, № 30, с. 3—18.
 256. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия.— М.: Наука, 1979.— 247 с.
 257. Саянцеску Т. Дельта Дуная.— Природа, 1961, № 8, с. 42—49.
 258. Сальников А. Г. Из истории торговых связей древних поселений на побережье Днестровского лимана с Грецией.— МАСП, 1962, вып. 4, с. 61—72.
 259. Сальников А. Г. Итоги полевых исследований у с. Пивденное.— Там же, 1966, вып. 5, с. 176—225.
 260. Самойлова Т. Л. Основные типы амфор I—IV вв. н. э. из Тиря.— В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1978, с. 254—266.
 261. Самойлова Т. Л. Переносные керамические очаги из Тиря.— В кн.: Исследования по античной археологии Юго-Запада УССР. Киев: Наук. думка, 1980, с. 106—111.
 262. Самойлова Т. Л. Экономические связи Тиря с античными городами в V—I вв. до н. э.— В кн.: Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1981, с. 51—63.
 263. Самойлова Т. Л., Строкин С. В. Керамика североопонтийских городов из Тиря (IV—I вв. до н. э.).— В кн.: Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982, с. 141—150.
 264. Сапрыкин С. Ю. Гераклея, Херсонес и Фарнак I Понтийский.— ВДИ, 1979, № 3, с. 43—59.
 265. Сапрыкин С. Ю. Черепицы с клеймами римского легиона из усадьбы хору Херсонеса.— КСИА АН СССР, 1981, № 168, с. 58—62.
 266. Северская Н. М. Арханчская керамика из Никония.— МАСП, 1976, вып. 8, с. 84—95.
 267. Северская Н. М. Аттичская чернолаковая керамика V—IV в. до н. э. из Тиря.— В кн.: Исследования по античной археологии Юго-Запада УССР. Киев: Наук. думка, 1980, с. 39—51.
 268. Северская Н. М. Никоний и Нижнее Подднестровье в VI—IV вв. до н. э.— Автореф. канд. дис.— М.: Изд-во АН СССР, 1982.— 23 с.
 269. Семенов-Зусер С. А. Торговый путь к Ольвии (западное побережье Черного моря).— Учені зап. Харк. ун-ту, 1940, т. 19, с. 79—103.
 270. Семенов-Зусер С. А. Торговельний шлях із Тиря в Ольвію.— Наук. хроніка Харк. ун-ту, 1946, № 1, с. 5—7.
 271. Синицын М. С. Следы древних поселений скифо-сарматской эпохи между устьями Днестра и Буга.— НЗОП, 1950, вып. 9, с. 51—66.
 272. Синицын М. С. Карта поселень і городищ між гірлами Дністра й Південного Бугу скіфсько-сарматського часу.— НЗОП, 1955, вып. 10, с. 33—61.
 273. Синицын М. С. Спроба локалізації населених пунктів, згаданих древніми авторами між гірлами Південного Бугу і Дністра.— МАСП, 1960, вып. 3, с. 7—24.
 274. Синицын М. С. Раскопки Надлиманского и Роксоланского городищ в 1957—1958 гг.— ЗОАО, 1960, т. 1, с. 189—201.
 275. Синицын М. С. Раскопки городища возле села Роксоланы Беяевского района Одесской области в 1957—1961 гг.— МАСП, 1966, вып. 5, с. 5—56.
 276. Спржинская М. В. Северное Причерно-

- море в описании Плиния Старшего.— Киев : Наук. думка, 1977.— 126 с.
277. *Скряжинська М. В.* Опис Північного Причорномор'я в «Періоді ойкумени» псевдо-Скілака і перієгесі псевдо-Скімпа.— *Археологія*, 1980, № 35, с. 25—28.
 278. *Скряжинська М. В.* «Період Понта Евксинського» анонимного автора.— В кн.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев : Наук. думка, 1980, с. 115—125.
 279. *Смирнов К. Ф.* О начале проникновения сарматов в Скифию.— *МИА*, 1971, № 177, с. 191—196.
 280. *Смирнов К. Ф.* Ольвийский декрет в честь Протогена и сарматы.— В кн.: Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе : Изд-во Сев.-Осет. ун-та, 1981, с. 3—26.
 281. *Соломонович Э. И.* О римском флоте в Херсонесе.— *ВДИ*, 1966, № 2, с. 165—171.
 282. *Соломонович Э. И.* Новые данные о связях Ольвии с Истрией.— *Кlio*, 1970, т. 52, с. 427—436.
 283. *Соломонович Э. И.* Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднего античного времени.— *ВДИ*, 1973, № 1, с. 62—74.
 284. *Сон Н. А.* Склеп первых веков нашей эры из окрестностей Тирь.— В кн.: Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев : Наук. думка, 1979, с. 100—105.
 285. *Сон Н. А.* Греческие культы Тирь первых веков нашей эры.— В кн.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев : Наук. думка, 1980, с. 125—140.
 286. *Сон Н. А.* Новая латинская надпись из Тирь.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1977—1978 гг. Днепропетровск, 1980, с. 119—120.
 287. *Степковский И. А.* Исследования о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Евксинского между Тирасом и Борисфеном.— *Спб. : Смирлид*, 1826.— 80 с.
 288. *Струве Ф. А.* Археологические заметки по поводу посещения Аккермана и его окрестностей в летнее время 1866 г.— *ЗООИД*, 1867, т. 6, с. 605—611.
 289. *Субботин Л. В., Охотников С. Б.* Скифские погребения Нижнего Поднепровья.— В кн.: Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев : Наук. думка, 1981, с. 102—116.
 290. *Симонович Э. А.* Племена Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. : Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.— М., 1971.— 65 с.
 291. *Симонович Э. А.* Находки античного времени из с. Белевского Белгород-Днестровского района.— *КСИА АН СССР*, 1981, № 168, с. 48—50.
 292. *Терракоты Северного Причерноморья* / Под ред. М. М. Кобылиной.— М. : Наука, 1970.— 128 с.— (САИ ; ГИ—11).
 293. *Тиханова М. А.* Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры.— *КСИА АН СССР*, 1970, № 121, с. 89—94.
 294. *Толстой И. И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте.— *Пг. : 2-я гос. тип.*, 1918.— 164 с.
 295. *Фармаковский Б. В.* Ольвия.— М., 1915.— 36 с.
 296. *Федоров Г. Б.* Население прутско-днестровского междуречья в I тыс. н. э.— М., 1960.— 380 с.— (МИА ; № 89).
 297. *Федоров П. В.* Последняя трангрессия Черного моря и проблема изменений уровня океана за последние 15 000 лет.— В кн.: Колебания уровня морей и океанов за 15 000 лет. М. : Наука, 1982, с. 151—156.
 298. *Фирсов Л. В.* Об эратосфеновом исчислении окружности земли и длине эллиптической стадии.— *ВДИ*, 1972, № 3, с. 154—174.
 299. *Фол А. Thraco-Scythica*: проблемы письменных источников о V в. до н. э.— *Stud. Thrac.*, 1975, т. 10, с. 160—165.
 300. *Фомін Л. Д.* Техніка обробки заліза в Ольвії і Тірі.— *Археологія*, 1974, № 13, с. 26—27.
 301. *Фурманская А. И., Максимов Е. В.* Раскопки в Белгороде-Днестровском.— *КСИА АН УССР*, 1955, № 4, с. 64—66.
 302. *Фурманская А. И.* Археологические памятники Тирь первых столетий нашей эры.— *Археологія*, 1957, № 10, с. 80—93.
 303. *Фурманская А. И.* Новый эпиграфический памятник из Тирь.— *СА*, 1960, № 4, с. 173—179.
 304. *Фурманская А. И.* Памятники скульптуры из Тирь.— *КСИА АН УССР*, 1960, № 10, с. 78—83.
 305. *Фурманская А. И.* Раскопки Тирь в 1958 г.— *АП УССР*, 1962, т. 11, с. 122—137.
 306. *Фурманская А. И.* Античный город Тира.— В кн.: Античный город. М. : Наука, 1963, с. 40—50.
 307. *Фурманская А. И.* Клад монет из Тирь.— *НС*, 1963, т. 1, с. 76—86.
 308. *Фурманская А. И.* Исследование Тирь.— *КСОАМ* 1962 г., Одесса, 1964, с. 56—63.
 309. *Фурманская А. И.* Рельефы вершиників з Тірі.— *Археологія*, 1965, № 19, с. 158—163.
 310. *Фурманская А. И.* Раскопки Тирь в 1962—1963 гг.— В кн.: Античная Тира и средневековый Белгород. Киев : Наук. думка, 1979, с. 5—19.
 311. *Черненко Е. В.* Поход Дария в Скифию.— В кн.: Древности Степной Скифии.— Киев : Наук. думка, 1982, с. 3—38.

312. Черняков И. Т. Археологическая разведка берегов Днестровского лимана.— ЗОАО, 1960, т. 1, с. 209—218.
313. Черняков И. Т. Археологические разведки в Приморской части междуречья Дуная и Днестра.— КСООАМ 1960 г., Одесса, 1961, с. 9—18.
314. Черняков И. Т. Памятники черняховской культуры в Приморской части междуречья Дуная и Днестра.— МИА, 1967, № 139, с. 197—204.
315. Шафранская Н. В. К вопросу о кризисе Ольвии в III в.— ВДИ, 1951, № 3, с. 9—20.
316. Шелов Д. Б. Тира и Митридат Евпатор.— Там же, 1962, № 2, с. 95—102.
317. Шелов Д. Б. Скифо-македонский конфликт в истории античного мира.— МИА, 1971, № 177, с. 54—63.
318. Шелов Д. Б. Римляне в Северном Причерноморье во II в. н. э.— ВДИ, 1981, № 4, с. 52—63.
319. Шелов Д. Б. Города Северного Причерноморья в Митридат Евпатор.— Там же, 1983, № 2, с. 40—58.
320. Шилик К. К. К палеографии Ольвии.— В кн.: Ольвия. Киев: Наук. думка, 1975, с. 51—91.
321. Шилик К. К. Изменение уровня Черного моря в позднем голоцене и палеотопография археологических памятников Северного Причерноморья античного времени.— В кн.: Палеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. М.: Наука, 1977, с. 158—163.
322. Штаерман Е. М. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае.— ВДИ, 1946, № 3, с. 256—266.
323. Штаерман Е. М. Керамические клейма из Тир: в связи с вопросом о клеймах неизвестных негров.— КСИИМК, 1951, № 36, с. 31—49.
324. Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи.— М.: Изд-во АН СССР, 1957.— 512 с.
325. Штерн Э. Р. Незабываемые надписи, хранящиеся в Одесском музее.— ЗООИД, 1900, т. 22, с. 44—49 (протокол 315).
326. Штерн Э. Р. Новый эпиграфический материал, найденный на Юге России.— Там же, 1901, т. 23, с. 1—32.
327. Штерн Э. Р. О последних раскопках в Аккермане.— Там же, с. 33—61.
328. Штерн Э. Р. Бронзовый сосуд в форме бюста.— Там же, 1906, т. 26, с. 183—190.
329. Штерн Э. Р. Эпиграфия в Аккермане.— Там же, с. 87—90 (прот. 352).
330. Штерн Э. Р. Раскопки в Аккермане летом 1912 г.— Там же, 1913, т. 31, с. 92—101 (протокол 419).
331. Щукин М. Б. О трех датировках черняховской культуры.— КСИА АН СССР, 1967, № 112, с. 8—13.
332. Щукин М. Б. Кельто-дакийские памятники рубежа новой эры и липицкая культура.— В кн.: Кельты и кельтские языки. М.: Наука, 1974, с. 14—21.
333. Щукин М. Б. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура.— АСГЭ, 1977, № 18, с. 79—91.
334. Щукин М. Б. О некоторых проблемах черняховской культуры и происхождении славян.— СА, 1975, № 4, с. 57—70.
335. Щукин М. Б. Царство Фараона: Эпизод из истории Сев. Причерноморья.— СГЭ, 1982, № 47, с. 35—38.
336. Юргевич В. Н. Открытая в 1881 г. в с. Чобручи греческая надпись древнего города Тир.— ЗООИД, 1883, т. 13, с. 7—16.
337. Юргевич В. Н. Замечания о некоторых местностях Новороссийского края, заслуживающих археологического изучения.— В кн.: Труды VI Археологического съезда. Одесса, 1888, т. 2, с. 29—41.
338. Юргевич В. Н. Монеты города Тир, хранящиеся в музее Одесского общества истории и древностей.— ЗООИД, 1889, т. 15, с. 1—12.
339. Юргевич В. Н. Камни с надписями, купленные для музея Общества в 1892 г.— Там же, 1893, т. 16, с. 11—13.
340. Яйленко В. П. Греческая колонизация VII—III вв. до н. э.— М.: Наука, 1982.— 312 с.
341. Яйленко В. П. К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии.— Сов. этнография, 1983, № 1, с. 54—65.
342. Ярошенко М. Ф. Генезис и развитие Днестровской поймы.— Науч. зап. Молд. фил. АН СССР, 1950, № 3, с. 84—92.
343. Яцимирский А. И. О находке египетских древностей в Аккермане летом 1892 г.— АИЗ, 1894, т. 2, № 2, с. 48—49.
344. Яцимирский А. И. О находке в Аккермане древней гробницы летом 1894 г.— Там же, № 11, с. 363.
345. Alexandrescu P. Autour de la date de fondation d'Histria.— SC, 1962, vol. 4, p. 49—69.
346. Alexandrescu P. Atanas.— SC, 1967, vol. 9, p. 85—91.
347. Altheim F. Das erste Auftreten der Goten im Donaauraum.— Germanien, 1939, N 2, S. 49—56.
348. Aty W. Strabon von Amaseia.— Bonn: Habicht, 1957.— 518 S.— (Antiquitas. Reihe 1; Bd 5).
349. Aricescu A. Unitățile militare în procesul de romanizare a teritoriului dobrogean.— SCIV, 1972, t. 23, N 4, p. 581—592.
350. Avakian G. Știri nouă din Tyras: mănăși

- de amfore, țigle și cărămizi cu ștampile.— CNA, 1924, N 49/50, p. 3—22; N 53/54, p. 36—51; 1925, N 59/62, p. 27—39.
351. *Avakian G.* Știri nouă din Tyras: grafiti.— CNA, 1927, N 67/68, p. 4—17; N 69/70, p. 23—32; N 71/72, p. 35—46.
352. *Avakian G.* Săpăturile de la Cetatea—Albă.— ACMIB, 1931, fasc. 3, p. 47—104.
353. *Avakian G.* Știri nouă din Tyras.— Ibid., p. 105—114.
354. *Babeș M.* Dacii și bastarnii.— Mem. antiq. tatis, 1970, vol. 2, p. 215—236.
355. *Babeș M.* Germanische latène-zeitliche Einwanderungen im Raume östlich der Karpaten.— In: Actes 8 Congr. Intern. sci. préhist. et protohist. Belgrad, 1973, vol. 3, S. 207—213.
356. *Babeș M.* Peuce — Peucini.— Peuce, 1977, vol. 6, p. 79—85.
357. *Bean G. E., Cook J. M.* The Carian coast III.— Ann. Brit. school at Athens, 1957, N 52, p. 58—146.
358. *Bérard J.* L'expansion et la colonisation grecques jusqu'aux guerres médiques.— Paris: Montaigne, 1960.— 178 p.
359. *Berciu D.* Neue skythische Funde aus Rumänien und Bulgarien.— Prähist. Z., 1963, Bd 41, S. 190—198.
360. *Bichir Gh.* Archaeology and history of the Carpi from the 2nd to the 5th century B. C.— BAR, 1976, suppl. 16, p. 211.
361. *Bichir Gh.* Les sarmates au Bas — Danube.— Dacia, 1977, vol. 21, p. 167—197.
362. *Bitabel F.* Die ionische Kolonisation.— Leipzig, 1920.— 260 S.— (Philologus; Suppl. 14, H. 1).
363. *Boardman J.* The Greeks overseas.— London: Thames; Hudson, 1980.— 288 p.
364. *Bolin S.* State and currency in the Roman empire to 300 A. D.— Stockholm; Almqvist; Wiksell, 1958.— 357 p.
365. *Bolsakov-Ghimpu A. A.* La localisation de la forteresse Turris.— Revue des études sud-est eur., 1969, vol. 7, N 4, p. 686—690.
366. *Borghesi B.* Lettere al dottore G. Heinzen 5 maggio 1854.— In: Borghesi B. Oeuvres complètes. Paris: Imprimerie nat., 1872, t. 8, p. 425—427 (Lettres; t. 3).
367. *Bowersock G. W.* Augustus and the Greek world.— Oxford: Clarendon press, 1965.— 176 p.
368. *Canarache V.* Monetele sciților din Dobrogea.— SCIV, 1950, t. 1, p. 213—257.
369. *Condurachi Em.* Coloniile grecești din Pontul Stîng și lupta lor împotriva cetropirii romane.— BSA, 1950, t. 2, N 2/4, p. 67—76.
370. *Condurachi Em.* Cu privire la constituirea teritoriului rural al orașului Histria și funcțiunea sa social-economică.— Ibid., 1952, t. 4, N 1/2, p. 59—69.
371. *Condurachi Em.* Burebista și orașele pontice.— SCIV, 1953, t. 4, N 3/4, p. 515—524.
372. *Condurachi Em.* Tiberius Plautius Aelianus și strămutarea transdanubienilor în Moesia.— Ibid., 1958, t. 9, N 1, p. 119—130.
373. *Condurachi Em.* Contribuții la studiul speciei arhaice la Histria.— In: Omagiu lui Constantin Daicoviciu. București, 1960, p. 107—116.
374. *Condurachi Em.* Les statères de Cyzique et les routes commerciales du Helléspont au Danube.— Eirene, 1960, t. 1, p. 61—88.
375. *Condurachi Em.* Classis Flavia Moesica au I-r siècle de n. è.— In: Actes 9 Congr. Intern. d'études sur les frontières rom. București etc., 1974, p. 84—88.
376. *Condurachi Em.* La romanizzazione della Dacia e della Scizia Minore.— Atti della Acad. Lincei, 1974, an. 371, quad. 27, p. 63—78.
377. *Condurachi Em.* Burebista successeur du programme politique de Mithridate Eupator.— Acta antiqua Acad. sci. Hung., 1978, vol. 26, N 1/2, p. 7—14.
378. *Covacef Z., Barnea Al.* Contribution à l'étude de Sol-Mithra en Scythie Mineure.— Pontica, 1973, t. 6, p. 87—95.
379. *Crisan I. H.* Burebista and his time.— București: Acad. RSR, 1978.— 253 p.
380. *Crisan I. H.* Primul stat dac centralizat condus de Burebista.— SCIVA, 1980, t. 31, N 2, p. 163—180.
381. *Culica V.* Cu privire la lagărul legiunii a XI-a Claudia la Dunărea de jos.— Pontica, 1978, t. 11, p. 113—118.
382. *Cumont F.* Fragment de bouclier portant une liste d'étapes.— Syria, 1925, t. 6, fasc. 1, p. 1—15.
383. *Dacoviciu C.* Einige Probleme der Provinz Dazien während des III Jh.— SC, 1965, vol. 7, S. 235—250.
384. *Dacoviciu H.* «Regatul» lui Rhemaxos.— Acta mus. Napocensis, 1967, t. 4, p. 445—447.
385. *Danoff Chr. M.* Zur Geschichte des westpontischen Koinon.— Klio, 1938, Bd 31, H. 4, S. 437—439.
386. *Danoff Chr. M.* Pontos Euxinos.— RE, 1962, suppl. 9, Sp. 866—1176, 1911—1920.
387. *Danov Chr. M.* Die Thraker auf dem Ostbalkan.— ANAW, 1979, Bd 7, 1 Hbd., S. 21—185.
388. *De Laet S. J.* Portorium: étude sur l'organisation douanière chez les romains.— Brugge: Tempel, 1949.— 510 p.
389. *Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste.— 2 Aufl.— Wien, 1976.— 584 S.— (Öster. Akad., Philos.— Hist. Kl.: Schriften der Balkankommission, Linguist. Abt.; Bd 14).

390. *Diaconu Gh.* Nordnordöstliche Elemente in der Tschernjachow — Sintana de Mureş Kultur.— *Dacia*, 1965, vol. 9, S. 299—306.
391. *Diaconu Gh.* Spätsarmatische Elemente in der Sintana de Mureş — Tschernjachow Kultur.— *Ibid.*, 1966, vol. 10, S. 357—364.
392. *Diaconu Gh.* Roxolani şi alani la Dunărea de jos.— *SCIVA*, 1980, t. 31, N 2, p. 275—285.
393. *Diehl E.* Tyras.— *RE*, 1948, Bd 7—A, Sp. 1849—1863.
394. *Diller A.* The tradition of the Minor Greek geographers.— *Oxford*: Batey, 1952.— 200 p.
395. *Dimitriu S.* O monedă divizionară din Cyzic la Histria.— *SCIV*, 1957, t. 8, N 1, p. 103—111.
396. *Dimitriu S.* Tot despre data întemeierii Histriei.— *Ibid.*, 1964, t. 15, N 2, p. 251—256.
397. *Dimitriu S.* Pozitia Histriei arhaice în cadrul cronologiilor sec. VII—VI î. e. n.— *Ibid.*, 1965, t. 16, N 4, p. 663—674.
398. *Dimitriu S., Alexandrescu P.* Importul ceramicii atice în bazinul mării Nerege până la războiele medice.— *Ibid.*, 1972, t. 23, N 3, p. 361—374.
399. *Dobias J.* A propos de l'expeditio Suebica et Sarmatica de l'empereur Hadrien.— In: *Omăgiu lui Constantin Daicoviciu*. Bucureşti, 1960, p. 147—153.
400. *Doruti-Boila Em.* Zur Frage der Zerstörung Histrias im III Jh. u. Z.— *SC*, 1964, Bd 6, S. 247—259.
401. *Doruti-Boila Em.* Teritoriul militar al legiunii V Macedonica la Dunărea de jos.— *SCIV*, 1972, t. 23, N 1, p. 45—62.
402. *Doruti-Boila Em.* Incursiunea carpilor din anul 214 e. n.— *Ibid.*, 1973, t. 24, N 3, p. 435—441.
403. *Doruti-Boila Em.* Pyrgoi — Turres.— *SCIVA*, 1975, t. 26, N 2, p. 219—224.
404. *Duprei V. I.* Bastarnii în Dacia.— *AUB*, 1971, t. 20, N 1, p. 27—50.
405. *Ebert M.* Südrussland im Altertum.— *Bonn*: Schroeder, 1921.— 436 S.
406. *Ehrhardt N.* Miletus und seine Kolonien.— *Frankfurt a/M. etc.*: Lang, 1983.— 588 S.
407. *Fiebiger O.* Zur Geschichte der Bastarner.— *JOAI*, 1911, Bd 14, Beibl., S. 61—76.
408. *Filow B.* Die Legionen der Provinz Moesia von Augustus bis auf Diokletian.— *Leipzig*: Dieterich, 1906.— 96 S.
409. *Fink R. O.* Hunt's pridianum: British Museum papyrus 2851.— *JRS*, 1958, vol. 48, N 2, p. 103—116.
410. *Fitz J.* A military history of Pannonia from the Marcomann wars to the death of Alexander Severus.— *Acta archaeol. Acad. sci. Hung.*, 1962, vol. 14, fasc. 1—2, p. 25—112.
411. *Fitz J.* Die Laufbahn der Statthalter in der römischen Provinz Moesia Inferior.— *Weimar*: Böhlau Nachf., 1966.— 92 S.
412. *Fitz J.* Die Verleihung der auszeichnenden Kaisernamen des III Jh.— *Vestigia*, 1973, Bd 17, S. 407—410.
413. *Fluss M.* Moesien.— *RE*, 1932, Bd 15, Sp. 2350—2411.
414. *Forni G.* Hiera e theos synkletos: un capitolo dimenticato nella storia del senato romano.— *Atti della Acad. Lincei. Ser. 8*, 1953, vol. 5, fasc. 3, p. 49—168.
415. *Franke P. R., Leschhorn W., Stylow A. U.* Sammlung von Aulock: Index.— *Berlin*: Gebr. Mann, 1981.— 268 S.
416. *Gaidukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. 2 Aufl.— *Berlin*: Amsterdam: Akad. Verlag: Hakkert, 1971.— 604 S.
417. *Gerov B.* Die gotische Invasion in Moesien und Thracien unter Decius im Lichte der Hortfunde.— In: *Acta antiqua Philippopolitana. Serdicae*, 1963, S. 127—146.
418. *Gerov B.* Die Krisis in den Ostbalkanländern während der Alleinregierung des Marcus Aurelius.— *Acta antiqua Acad. sci. Hung.*, 1968, vol. 16, N 1/4, S. 325—338.
419. *Gerov B.* Die Invasion der Carpen im J. 214.— In: *Acta 5th Intern. Congr. of Greek and Latin epigraphy*. *Oxford*: Blackwell, 1971, S. 431—436.
420. *Gerov B.* Zur Verteidigung der Städte im Balkanraum während der Nordvölkerinvasionen vom II bis IV Jh.— *Klio*, 1973, Bd 55, S. 285—288.
421. *Gerov B.* Die Grenzen der römischen Provinz Thracia.— *ANAW*, 1979, Bd 7, 1 Hbd., S. 212—240.
422. *Giard J. B.* Poivour centrale et libertés locales: le monnayage en bronze de Claude avant 50 après J. C.— *RN*, 1970, t. 12, p. 33—60.
423. *Gostar N.* Lupta populațiilor de la gurile Dunării împotriva autorității romane.— *AUI*, 1961, t. 7, p. 1—10.
424. *Gostar N.* Situația Daciei după anul 271 e. n.— *Ibid.*, 1964, t. 10, p. 55—67.
425. *Gostar N.* Legio I Minervia în estul Daciei.— *Ibid.*, 1965, t. 11, p. 1—8.
426. *Gostar N.* Aliobrix.— *Latomus*, 1967, t. 26, p. 987—995.
427. *Gostar N.* Misiunea lui Tiberius Claudius Pompeianus la gurile Dunării.— *Apulum*, 1968, vol. 7, fasc. 1, p. 381—390.
428. *Graham A. J.* Colony and mother-city in ancient Greece.— *Manchester*: Univ. press, 1964.— 259 p.
429. *Gren E.* Kleinasien und Ostbalkan in der wirtschaftlichen Entwicklung der römischen Kaiserzeit.— *Acta archaeol. Acad. sci. Hung.*, 1962, vol. 14, fasc. 1—2, p. 113—244.

- schen Kaiserzeit.— Uppsala ; Leipzig : Horrosowitz, 1941.— 172 S.
430. *Grimm A.* Die Münzen von Tyras.— Berlin. Blätter Münz-, Siegel- und Wappenkunde, 1868, Bd 6, H. 1, N 16, S. 27—44.
431. *Halkin L.* Tiberius Plautius Aelianus, légat de Mésie sous Néron.— L'antiquité classique, 1934, t. 3, fasc. 1, p. 121—161.
432. *Harmatta J.* Studies in the history and language of the Sarmatians.— 1970.— 131 p.— Acta antiqua et archaeol. Univ. Attila József ; Vol. 13).
433. *Höfer U.* Die Periegese des sogenannten Skymnos.— Rhein. Mus., 1933, Bd 82, S. 78—93.
434. *Homo L.* Périclès: un expérience de démocratie dirigée.— Paris : Laffont, 1954.— 354 p.
435. *Hunt A. S.* Register of a cohort in Moesia.— In: Raccolta di scritti in onore di Giacomo Lumbroso. Milano, 1925, p. 265—272.
436. *Iliescu Oct.* Remarques sur la pénétration de la monnaie constantinienne au Bas-Danube.— Dacia, 1979, vol. 23, p. 159—179.
437. *Iliescu V.* Die außenpolitische Krise der hellenischen Poleis Klein-Skythiens im IV Jh. v. u. Z.—HP, 1974, Bd 2, S. 664—681.
438. *Iliescu V.* The Scythians in Dobrudja and their relations with the native population.— In: Relations between the autochthonous population and the migratory populations on the territory of Romania. Bucuresti, 1975, p. 13—24.
439. *Ivanov Th.* Die thrakisch-römische politische Beziehungen am Vorabend der römischen Herrschaft in Thrakien.— SC, 1961, vol. 3, S. 93—98.
440. *Kallistov D. P.* Die Poliskrise in den Städten der nördlichen Schwarzmeerküste.— HP, 1974, Bd 2, S. 551—586.
441. *Köhler U.* Urkunden und Untersuchungen zur Geschichte des Delisch — Attischen Bundes.— Berlin : Vogt, 1870.— 211 S.— (Abhandlungen der Akad. zu Berlin, 1869 ; Bd 1, N 1).
442. *Lambrino S.* La famille d'Apollon à Histria.— Ephemeris archaeol., 1937, t. 76, p. 352—362.
443. *Lascu N.* Pamîntul și vechii locuitori al țării noastre în opera din exil a lui Ovidiu.— In: Publius Ovidius Naso.— Bucuresti, 1957, p. 119—191.
444. *Macrea M.* Apărarea graniței de vest și nord-est a Daciei pe timpul împăratului Caracalla.— SCIV, 1957, t. 8, N 1/4, p. 215—252.
445. *Mattingly H.* Coins of the Roman empire in the British museum.— London : Clowes and sons (reprint), 1965.— Vol. 1. CCXXXI, 446 p.
446. *Mattingly H. B.* Periclean imperialism.— In: Ancient society and institutions: studies presented to V. Ehrenberg. Oxford : Clarendon press, 1966, p. 193—223.
447. *Meiggs R.* The Athenian empire.— Oxford : Clarendon press, 1972.— 621 p.
448. *Meritt B. D., West A. B.* The Athenian assesment of 425 B. C.— Ann Arbor : Michigan Univ. press, 1934.— 112 p.
449. *Meritt B. D., Wade-Gery H. T., McGregor M. F.* The Athenian tribute lists.— Cambridge ; Princeton, 1939 — 1949. Vol. 1—2. — 606, 128 p.
450. *Mihailov G.* Septimius Severus in Moesia Inferior and Thrace.— In: Acta antiqua Philippopolitana. Serdicae, 1963, p. 113—126.
451. *Miltner F.* Augustus' Kampf um die Donaugrenze.— Rlio, 1937, Bd 30, H., 2, S. 200—226.
452. *Minns E. H.* Scythians and Greeks: A survey of ancient history and archaeology on the North coast of the Euxine.— Cambridge : Univ. press, 1913.— 720 p.
453. *Mitrea B.* Descoperirile monetare și legăturile de schimb ale Histriei cu populațiile locale în sec. V—IV î. e. n.— SC, 1965, vol. 7, p. 143—167.
454. *Mitrea B.* Monede pontice la daco-geții lui Burebista.— Pontica, 1978, t. 11, p. 89—96.
455. *Mowat R.* Les tetradrachmes de Lysimaque contremarqués par Claude I.— Numismat. Z., 1911, vol. 4, p. 237—242.
456. *Müllenhoff K.* Deutsche Altertumskunde.— Berlin : Weidmann, 1887—1892.— Bd 1—3. — 544, 407, 351s.
457. *Munteanu M., Ocheseanu R.* Descoperiri monetare în satele din Dobrogea română.— Pontica, 1975, t. 8, p. 175—213.
458. *Nesselhauf H.* Publicum portorium Illyrici utriusque et ripae Thraciae.— Epigraphica, 1939, t. 1, fasc. 3/4, S. 331—338.
459. *Neumann K. J.* Strabons Landeskunde von Kaukasien.— Jahrb. clas. Phil., 1884, Suppl. 13, S. 321—354.
460. *Nicorescu P.* Scavi e scoperte a Tyras.— Ephemeris Dacorom., 1924, vol. 2, p. 378—415.
461. *Nicorescu P.* La campagne de Philippe en 339.— Dacia, 1927, vol. 2, p. 22—28.
462. *Nicorescu P.* Fouilles de Tyras.— Dacia, 1933, vol. 3/4, p. 557—601.
463. *Nicorescu P.* Monetele de aur ale orașului Tyras.— Bul. Soc. numismat. rom. 1935, N 81/82, p. 127—129.
464. *Nicorescu P.* Garnizoana romană în sudul Basarabiei.— AR MSI, 1937, ser. 3, t. 19, p. 217—239.
465. *Nicorescu P.* O inscripție a împăratului Traian găsită la Cetatea-Albă.— Ibid. Ser. 3, 1944, t. 26, p. 501—510.
466. *Niderle L.* Slovanské starožitnosti.— Pra-

- ha : Bursik ; Kohout, 1904.— Dil. 1 sv. 1—2 —528s.
467. *Pârvan V.* Getica: o protoistorie a Daciei.— București : Acad. Rom., 1926.— 850 p.
468. *Pârvan V.* A propos du «basileus» Cotys de Callatis.— Dacia, 1927, vol. 1, p. 363—368.
469. *Passerini A.* Il testo del «foedus» di Roma con Callatis.— Athenaeum, 1935, t. 13, p. 57—72.
470. *Patsch C.* Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa: aus 500 Jahren vorrömischer und römischer Geschichte Südosteuropas.— Wien etc. : Pickler ; Tempsky, 1932—1937.— T. 1—2. —252, 206s.
471. *Petre A.* Cucerirea orașelor pontice de către Burebista.— Pontica, 1971, t. 4, p. 97—104.
472. *Pick B., Regling K.* Die antiken Münzen von Dacien und Moesien.— Berlin : Reimer, 1898—1910.— Hbde 1/2. 920 S.
473. *Pippidi D. M., Berclu D.* Geți și greci la Dunărea de jos.— București : Acad. RPR, 1965.— 343 p.
474. *Pippidi D. M.* Cetăți dobrogene în lista tributurilor atice.— SC, 1965, vol. 7, p. 329—330.
475. *Pippidi D. M.* Histrieni la Olbia în sec. IV î. e. n.— Ibid., 1966, vol. 8, p. 242.
476. *Pippidi D. M.* Contribuți istoria veche a României.— Ed. a 2-a, reviz. și sporită.— București : Științifică, 1967.—561 p.
477. *Pippidi D. M.* Les villes de la côte ouest de la mer Noire d'Auguste à Dioclétien.— Vestigia, 1973, Bd 17, p. 99—114.
478. *Pippidi D. M.* Scythica Minora: recherches sur les colonies grecques du littoral roumain de la mer Noire.— București ; Amsterdam : Acad. RSR ; Hakker, 1975.— 314 p.
479. *Pippidi D. M.* Les macédoniens en Scythie Mineure de Philippe II à Lysimaque.— In: Ancient Macedonia. Thessaloniki, 1977, p. 381—396.
480. *Pippidi D. M.* Gètes et grecs dans l'histoire de la Scythie Mineure à l'époque de Burebista.— Dacia, 1981, vol. 25, p. 255—263.
481. *Poenaru-Bordea Gh.* Numismatica și distrugerea Histriei în sec. al III-lea e. n.— SCN, 1971, vol. 5, p. 91—113.
482. *Popescu A.* Raporturile dintre regatul celtic din Tyllis și coloniile grecești pe de țărmul apusean al mării Negre.— AUB, 1956, t. 5, p. 25—44.
483. *Preda C., Constantinescu Gh.* Geții dintre Siretul Inferior și râul Buzău în lumina descoperirilor monetare de la Dumbrăveni.— SCN, 1968, vol. 4, p. 21—46.
484. *Preda C., Nubar H.* Histria III: descoperirile monetare 1914—1970.— București : Acad. RSR, 1973.— 249 p.
485. *Preda C.* In legatura cu circulația statelor din Cyzic la Dunărea de jos.— Pontica, 1974, t. 7, p. 139—146.
486. *Premierstein A.* Die Anfänge der Provinz Moesien.— JÖAI, 1898, Bd 1, S. 145—196.
487. *Premierstein A.* Untersuchungen zur Geschichte des Kaiser Marcus.— Klio, 1912, Bd 12, H. 2, S. 139—178.
488. *Premierstein A.* Der Daken- und Germanensieger M. Vinicius (cos 19 n. Chr.) und sein Enkel (cos 30 und 45 n. Chr.).— JÖAI, 1933, Bd 28, S. 140—163.
489. *Rappaport B.* Die Einfälle der Goten in das Römische Reich bis auf Constantin.— Leipzig : Hirschfeld, 1899.— 138 S.
490. *Ritterling E.* Legio.— RE, 1925, Bd 12, Sp. 1186—1829.
491. *Roebuck C.* Ionian trade and colonisation.— New York, 1959.— 148 p.— (Monogr. archaeol. and fine arts Instit. Amer. and College art assoc. ; N 9).
492. *Roos A. G.* Ad U. Ph. Boissvain septuagenarium epistula de Arriano periplo Ponti Euxini.— Mnemosyne, 1926, vol. 54, p. 101—117.
493. *Rostowzew M.* Skythien und der Bosphorus.— Berlin : Schoetz und Co., 1931.— 651 S.
494. *Russu I. I.* Les costoboces.— Dacia, 1959, vol. 3, p. 341—352.
495. *Russu I. I.* Zoltes și Rhemaxos.— Apulum, 1967, vol. 6, p. 123—143.
496. *Salač A.* Un décret inédit de la ville Odesos.— BCH, 1931, t. 55, fasc. 1/2, p. 43—57.
497. *Saint Martin D.* Il foedus romano con Callatis.— Epigraphica, 1948, t. 10, p. 103—130.
498. *Sante S.* Le diadème d'or de Tyras.— Dacia, 1979, vol. 23, p. 147—157.
499. *Sauctuc-Saveanu Th.* Publius Vinicius, stratagos, patron al orașului Callatis.— In: Omagiu lui Constantin Daicoviciu. București, 1960, p. 501—507.
500. *Schmidt J.* Geschichte der Deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung: die Ostgermanen.— München : Boeck, 1934.— 670 S.
501. *Schmsdorf E.* Die Germanen in den Balkanländer bis zum Auftreten der Goten.— Leipzig : Hirschfeld, 1899.— 74 S.
502. *Seibert J.* Metropolis und Apokie: historische Beiträge zur Geschichte ihrer gegenseitigen Beziehungen.— Würzburg : Gugel, 1963.— 235 S.
503. *Seyrig H.* Monnaies hellénistiques de Byzance et de Calcedoine.— In: Essays in Greek coinage: presented to E. S. G. Robinson. Oxford : Clarendon press, 1968, p. 183—200.
504. *Seyrig H.* Date et circonstances du trésor d'Anadol.— RN, 1969, t. 11, p. 40—45.
505. *Silberman A.* Quelques remarques sur la

- composition du periple d'Arrien.— *Revue des études grecques*, 1978, t. 91, N 432/433, p. 158—164.
506. *Simion G.* Les gètes de la Dobrogea Septentrionale du VI au I siècle av. n. e.— I: Thracio-Dacia. București : Acad. RSR, 1976, p. 143—163.
 507. *Spiridonov T.* La marche d'Alexandre le Grand en Thrace antique et les tribus entre Stara — Planina et le Danube.— *Thracia*, 1977, t. 4, p. 225—233.
 508. *Stähelin F.* Der Eintritt der Germanen in die Weltgeschichte.— In: *Festschrift zum 60-ten Geburtstage von Theodor Plüss*. Basel, 1905, S. 46—75.
 509. *Stefan A.I.* Die Getreidekrisen in den Städten an der westlichen und nördlichen Küsten des Pontos Euxinus in der hellenistischen Zeit.— *HP*, 1974, Bd 2, S. 648—663.
 510. *Stefan Gh.* La legio Iovia et la défense de la frontière danubienne au IV siècle de n. e.— In: *Nouvelles études d'histoire*. București : Științifică, 1955, p. 161—167.
 511. *Stein A.* Die Legaten von Moesien : Diss. Pannonicae.— Budapest, 1940.— Fasc. 11. 138 S.
 512. *Stern E.* Die politische und soziale Struktur der Griechenkolonien am Nordufer des Schwarzmeergebietes.— *Hermes*, 1915, Bd 50, S. 161—224.
 513. *Stoian J.* Tomitana: contribuții epigrafice la istoria cetății Tomis.— București : Acad. RPR, 1962.— 379 p.
 514. *Suceveanu A.I.* Un callatien dans l'armée d'Alexandre le Grand.— *Dacia*, 1966, vol. 10, p. 339—346.
 515. *Suceveanu A.I.* Două note privind istoria Moesiei în sec. I î. e. n.— *Pontica*, 1969, t. 2, p. 269—284.
 516. *Sullivan R. D.* Thrace in the eastern dynastic network.— *ANAW*, 1979, Bd 7, p. 186—211.
 517. *Syme R.* *Lentulus and the origin of Moesia*.— *JRS*, 1934, vol. 24, fasc. 2, p. 113—137.
 518. *Syme R.* The Lower Danube under Traian.— *Ibid.*, 1959, vol. 49, fasc. 1, p. 26—33.
 519. *Tomčeva G.* La sanctuaire du Héros Karabasmos d'Odessos.— In: *Actes I Congr. Intern. étud. balkan. et sud-est eur.* Sofia, 1969, t. 2, p. 353—364.
 520. *Tudor D.* Cohors I Cilicum in Scythia Minor și Taurida.— *AUB*, 1956, t. 5, p. 45—73.
 521. *Tudor D.* La prétendue guerre de Caracalla contre les carpes.— *Latomus*, 1960, t. 19, fasc. 2, p. 350—356.
 522. *Tudor D.* Unele aspecte iconografice ale reliefulor cavalierilor danubieni din Scythia Minor.— *Pontica*, 1972, t. 5, p. 503—509.
 523. *Tudor D.* In legătura cu războiul lui Filip Arabul împotriva carpilor.— *Ibid.*, 1976, t. 9, 89—97.
 524. *Vertan A., Custurea G.* Desoperiri monetare în Dobrogea.— *Pontica*, 1980, t. 13, p. 347—366.
 525. *Vinogradov J. G.* Griechische Epigraphik und Geschichte des nördlichen Pontosgebietes.— In: *Actes 7 Congr. Intern. d'épigraph. grecque et latine*. București, 1979, S. 293—316.
 526. *Vinogradov J. G.* Olbia: Geschichte einer altgriechischen Stadt am Schwarzen Meer.— *Konstanz : Universitätsverlag*, 1981.— 46 S.
 527. *Vulpe R.* Histoire ancienne de Dobroudja.— In: *Connaissance de la terre et de la pensée roumaines : la Dobroudja*. București, 1938, p. 35—454.
 528. *Vulpe R.* La date du vallum romain de la Bessarabia Inferiore.— In: *Serta Kazaroviana I*. Sofia, 1950, p. 89—98 (*Epimeridis Instituti archaeol. Bulg.*; Vol. 16).
 529. *Vulpe R.* Le problème des bastarnes à la lumière des découvertes archéologiques en Moldavie.— In: *Nouvelles études d'histoire*. București : Științifică, 1955, p. 103—119.
 530. *Vulpe R., Barnea I.* Romanii la Dunărea de jos.— București : Acad. RSR, 1968.— 591 p.
 531. *Vulpe R.* Burebista — geniu militar sau politic? — *Mag. ist.*, 1969, t. 3, N 4, p. 2—5.
 532. *Vulpe R.* *Histrum ingressi — Histriae excidium*.— *SC*, 1969, vol. 11, p. 157—171.
 533. *Vulpe R.* *Studia thracologica*.— București : Acad. RSR, 1976.— 336 p.
 534. *Wagner W.* Die Dislokation der römischen Auxiliaformationen in den Provinzen Noricum, Pannonien, Moesien und Dakien von Augustus bis Gallienus.— *Berlin : Tunker und Dünhaupt*, 1938.— 278 S.
 535. *Westberg F.* Zur Topographie des Herodot: Herodots Stadion.— *Klio*, 1914, Bd 14, H. 3, S. 338—344.
 536. *Youroukova Y.* Coins of the ancient Thracians.— *BAR*, 1976, suppl. 4, p. 1.— 129.
 537. *Youroukova J.* Nouvelles données sur la chronologie des rois scythes en Dobruđa.— *Thracia*, 1977, t. 4, p. 105—121.
 538. *Zahartade M. M.* Noi considerații istorice asupra scutului de la Dura Europos.— *SCIVA*, 1975, t. 26, N 4, p. 507—527.
 539. *Zahartade M. M.* Trupele de origine hispanică în Dacia.— *Ibid.*, 1976, t. 27, N 2, p. 477—494.
 540. *Zirra V.* Beiträge zur Kenntnis des keltischen Latène in Rumänien.— *Dacia*, 1971, vol. 15, S. 171—238.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДУ	— Археологічні дослідження на Україні	ЛГУ	— Ленинградский государственный университет им. А. А. Ждапова
АИЗ	— Археологические известия и заметки	МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья
АИУ	— Археологические исследования на Украине	МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки Української РСР	МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа	НЗ ОПИ	— Наукові записки Одеського державного педагогічного інституту
БДКМ	— Белгород-Днестровский краеведческий музей	НС	— Нумизматика и сфрагистика
ВДИ	— Вестник древней истории	НЭ	— Нумизматика и эпиграфика
ГСУ ИФФ	— Годовник на Софийския университет, историко-филологически факультет	ОАМ	— Одесский археологический музей
ГСУ ФЗФ	— Годовник на Софийския университет, факультет на западных филология	СА	— Советская археология
ЗОАО	— Записки Одесского археологического общества	САИ	— Свод археологических источников
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей	СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
ИАК	— Известия Археологической комиссии	УИЖ	— Український історичний журнал
ИБАИ	— Известия на Български археологически институт	АСМІВ	— Anuarul Comisiunii monumentelor istorice: secția din Basarabia
ИИД	— Известия на историческое дружество	АНАВ	— Aufstieg und Niedergang der alten Welt: Geschichte und Kultur Roms in Spiegel der neueren Forschung
ИРАИМК	— Известия Российской Академии истории материальной культуры	AR MSI	— Academia Română: Memoriile secțiunii istorice
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР	AUB	— Analele universității C. I. Parhon, București: științe sociale — historia
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР	AUI	— Analele universității Al. I. Cusa, Iași: historia și științe sociale
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР	BAR	— British archaeological reports: Supplementary series
КСОАМ	— Краткие сообщения Одесского археологического музея	BCH	— Bulletin de correspondance hellénique

BSA	— The Annual of the British school at Athens	RN	— Revue numismatique
CNA	— Cronica numismatică și archeologică	RPR	— Republica Populară Română
HP	— Hellenische Poleis	RSR	— Republica Socialistă Română
JÖAI	— Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes	SC	— Studii clasice
JRS	— The Journal of roman studies	SCIV	— Studii și cercetări de istoria veche
RE	— Pauly's Real-Encyclopädie der classiscnen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung von G. Wissowa u. a.	SCIVA	— Studii și cercetări de istorie veche și arheologia
		SCN	— Studii și cercetări de numismatică

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3	§ 12. Исторический очерк Тиры (сере- дина III — I вв. до н. э.)	78
Глава I. Источники и история изучения Тиры	5	Глава V. Тиры в период утверждения рим- ской власти в Нижнем Подунавье (се- редина I в. до н. э. — третья четверть I в. н. э.)	32
§ 1. Тиры и Нижнее Поднепровье в ан- тичной литературно-исторической тради- ции	5	§ 13. Продвижение римлян к Нижнему Дунаю и создание провинции Мезии	82
§ 2. Изучение Тиры и ее памятников в в XIX—XX вв.	18	§ 14. Тиры в период раннего принципата	85
Глава II. Греческая колонизация в Се- веро-Западном Причерноморье. Возник- новение и ранняя история Тиры (конец VII—V вв. до н. э.)	35	Глава VI. Тиры в римское время (ко- нец I — первая половина III в. н. э.)	94
§ 3. Причины и характер греческой коло- низации	35	§ 15. Северо-Западное Причерноморье под властью Рима	94
§ 4. Ионийцы в Северо-Западном При- черноморье	36	§ 16. Археологические памятники и эконо- мика Тиры в I—III вв.	101
§ 5. Тиры в VI—V в. до н. э.	41	§ 17. Общественно-политическая струк- тура, культура и религия римской Тиры	112
Глава III. Тиры в позднеэллинистическое и раннеэллинистическое время (IV — первая половина III в. до н. э.)	46	§ 18. Исторический очерк Тиры (86— 214 гг. н. э.)	121
§ 6. Археологические памятники и эконо- мика Тиры	46	Глава VII. Тиры в эпоху гибели античной цивилизации	125
§ 7. Социально-политическая структура, культура и религия Тиры	60	§ 19. Кризис Римской империи и начало великого переселения народов	125
§ 8. Исторический очерк Тиры в IV — первой половине III в. до н. э.	62	§ 20. Тиры и нападение карпов на ниж- недунайскую границу (214 г. н. э.)	128
Глава IV. Тиры в позднеэллинистическое время (вторая половина III — первая половина I в. до н. э.)	66	§ 21. Тиры в середине III в. н. э. Раз- гром города готами и их союзниками	131
§ 9. Племена Северо-Западного Причер- номорья	66	§ 22. Тиры в конце III—IV в. н. э. Ко- нец античного города	135
§ 10. Кризис античных полисов Северо- Западного Причерноморья	72	Заключение	140
§ 11. Социально-экономический строй, культура и религия Тиры в конце III — начале I в. до н. э.	74	Список литературы	142
		Список сокращений	157

**ПЕТР ОСИПОВИЧ КАРЫШКОВСКИЙ,
ИСААК БЕНЦИОНОВИЧ КЛЕЙМАН**

ДРЕВНИЙ ГОРОД ТИРА
Историко-археологический очерк

*Утверждено к печати ученым советом
Одесского археологического музея
АН УССР*

Редактор
А. А. ЗОЛОТАРЕВА
Художественный редактор
И. М. ГАЛУШКА
Технический редактор
А. М. КАПУСТИНА
Корректоры
Л. А. ПЕКУРОВСКАЯ,
А. Н. БРУШКО

Информ. бланк № 7111

Сдано в набор 28.12.84.
Подп. в печ. 20.05.85. ВФ 01064.
Формат 70×90/16.
Бум. тип. № 1.
Обыкн. нов. гарн. Выс. печ.
Усл. печ. л. 11,7. Усл. кр.-отг. 12,14.
Уч.-изд. л. 14,33.
Тираж 1500 экз. Заказ 5—3.
Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Наукова думка».
252601, Киев 4, ул. Репина, 3.

Отпечатано с матриц
Головного предприятия республиканского
производственного объединения «Полиграфкинта».
252057, Киев 57, ул. Довженко, 3
в Нестеровской городской типографии 292310,
Нестеров, Львовской обл., ул. Горького, 8. Зак. 2495.